

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

---

**МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА:  
ПРОБЛЕМЫ  
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО  
РАЗВИТИЯ**

**Сборник научных статей**

**Под редакцией Ю.М. Резника и Н.И. Мироновой**

Москва 2010

УДК 316  
ББК 60.5

ISBN 5-901493-15-X

Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Исследование социокультурных ресурсов территории в рамках муниципальной реформы: институциональный подход» (№ 07-03-00393а, 2007-2009 гг.).

**МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: Сборник научных статей** / Под ред. Ю.М. Резника и Н.И. Мирновой. М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. 192 с.

Сборник научных статей обобщает научные результаты комплексного исследования процессов социокультурного развития местных сообществ. В первой части сборника обсуждаются теоретико-методологические проблемы социокультурного развития местных сообществ. Вторая, прикладная часть сборника содержит богатый материал, дающий представление о реальных процессах формирования местных сообществ и проблемах социокультурного развития отдельных российских территорий.

Сборник адресован широкой читательской аудитории и, прежде всего, руководителям и специалистам системы муниципального управления, исследователям и практикам.

**Local communities: problems of social'cultural development. Collected articles** / Yuri Reznik and Nina Mironova (Eds.) Moscow: Independent institute of civil society, 2010. 192 p.

The collection summarizes scientific results of complex research of social-cultural development of local communities. The first part of the book discusses theoretical and methodological problems of social-cultural development of local communities. The second part is applied; it includes rich content demonstrating real processes of local communities' formation and problems of social and cultural development of some territories of Russia.

The collection is addressed to wide audience, but first of all – to heads and specialists of the system of municipal governance, researchers and practitioners.

© Авторский коллектив, 2010

© РГНФ, 2010

© Российский институт культурологии, 2010

© Независимый институт гражданского общества, 2010

Содержание .....	3
Содержание (на англ.) .....	4
Предисловие .....	5

## **I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ**

РЕЗНИК Ю.М. РЕЗНИК Т.Е. Гражданское общество: теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа .....	8
ГРЕЧКО П.К. Понятие местных сообществ в современной социальной теории .....	48
ИКОННИКОВА Н.К. Символические границы местных сообществ .....	68
МИХАЙЛОВА Н.Г. Местные и региональные сообщества: традиции и современные формы культурной деятельности .....	79
ПЕРЕПЕЛКИН Л. С. Культурная политика местных сообществ .....	88

## **II. РЕАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ**

АСТАФЬЕВА О.Н., ГОРУШКИНА С.Н. Инфраструктура культуры локальных территорий и место проектной деятельности .....	102
СИНЕЦКИЙ С.Б. Местное сообщество как основной ресурс территории ...	119
ТЮРИН Г.В. Кто будет развивать местные сообщества? .....	127
МИРОНОВА Н.И. Социокультурные процессы формирования местных сообществ (по результатам исследования в пилотных регионах) ...	136
ШИШОВ К.А. Старообрядцы на Южном Урале .....	180

Contents (in Russian).....	3
Contents .....	4
Introduction .....	5

## **I. Theoretical and methodological problems of social-cultural development of local communities**

REZNIK YU.M., REZNIK T.YE. Civil society: theoretical and methodological aspects of social-cultural analysis .....	8
GRECHKO P.K. The notion of local community in contemporary social theory ..	48
IKONNIKOVA N.K. Symbolic boundaries of local communities .....	68
MIKHAYLOVA N.G. Local and regional communities: tradition and recent forms of cultural activity .....	79
PEREPELKIN L.S. Cultural policy of local communities .....	88

## **II. Real processes of social and cultural development in regions and municipalities**

ASTAFIYEVA O.N., GORUSHKINA S.N. Cultural infrastructure of local territories and the place of project activity in its development .....	102
SINETSKI S.B. Local community as basic resource of territory .....	119
TYURIN G.V. Who will develop local communities? .....	127
MIRONOVA N.I. Social-cultural processes of local communities' formation (by the results of researches in pilot regions).....	136
SHISHOV K.A. Old-believers in South Ural .....	180

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник является одним из результатов работы научного коллектива по проекту РГНФ «Исследование социокультурных ресурсов территории в рамках муниципальной реформы: институциональный подход» (№ 07-03-00393а), реализованному в 2007-2009 гг. в Российском институте культурологии при помощи региональных экспертов. Тематика статей сборника касается актуальных проблем формирования местных сообществ в современной России. В первом разделе сборника рассматриваются теоретико-методологические проблемы социокультурного развития местных сообществ, во втором разделе – практические проблемы и реальные процессы социокультурной динамики формирования конкретных территорий.

Значительное место в сборнике отведено анализу теоретических предпосылок и социокультурной специфики гражданского общества, в частности, конституированию его структурных компонентов, актуализации «высших» родовых сил человека как источника и основы гражданственности социальных субъектов, а также способа их саморазвития и институционализации (Ю.М. Резник и Т.Е. Резник).

Авторами сборника обсуждается и смысловое содержание понятия «местное сообщество», в качестве признаков которого выделяются взаимопонимание, участливость, добровольное сотрудничество (П.К. Гречко), а также – символические границы (Н.К. Иконникова).

В статье Н.Г. Михайловой предлагается культурологический подход к анализу проблем взаимодействия традиционной народной культуры с иными культурными пластами в масштабах территориально-локального сообщества современной России. Делается вывод о том, что для функционирования культуры как «живой» и актуальной среды жизнедеятельности людей нужны, прежде всего, ее носители – сообщества и общества, которые считают ее своей, создают, воспроизводят и передают последующим поколениям.

Аналізу опыта культурной политики местных сообществ посвящена статья Л.С. Перепелкина. В ней описывается два типа культурной политики: (1) неинституционализированный или «традиционный» тип, который проявляется в виде «любых культурных инициатив местных общин и групп, обладающих элементами самоуправления, свободным временем, средствами и желанием укрывать свою территориальную и духовную среду» и (2) институционализированный или «современный», который реализуется в форме программ и проектов или даже в национальных и международных законодательных актах.

Во втором разделе сборника намечается переход от теоретических основ к практической плоскости социокультурного анализа местных сообществ и

территорий. Статья О.Н. Астафьевой и С.Н. Горушкиной касается вопросов социокультурного развития территорий в контексте инноватики, а также проектирования инфраструктуры культуры. В данной статье приведены позитивные примеры реализации ряда проектов, в частности проекта «Коломенская пастила. История со вкусом», ориентированный на сохранение культурного наследия города Коломны посредством креативных индустрий и получающий на разных этапах его разработки поддержку не только в рамках грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», но и со стороны государственных и муниципальных структур.

В статье Н.И. Мироновой представлены некоторые результаты исследования реально происходящих социокультурных процессов на таких пилотных территориях, как Каслинский муниципальный район Челябинской области, Пинежский муниципальный район Архангельской области и Республика Карелия. В качестве одного из выводов приводится положение о том, что творческие («креативные») люди – самый важный социокультурный потенциал местного сообщества, а у всех исследованных территорий есть достойное будущее, если им удастся выйти за рамки традиционных управленческих технологий, и найти способы капитализации имеющегося потенциала, превратив его в основной ресурс собственного развития.

Аналогичный вывод следует и из статьи С.Б. Синецкого, который подробно описывает две возможные модели организации жизни социума – устаревшую, но еще прочно функционирующую *государство-центристскую (власть-центристскую) модель* и еще только пробивающую себе дорогу *социо-проектную (граждано-центристскую) модель*. Смысл последней состоит в том, чтобы генератором идей и, в значительной степени, исполнителем достигнутого стало само население территории, представленное разного рода общественными объединениями и просто активными гражданами. По мнению Синецкого, социопроектный потенциал сообщества – ключевое условие его самодостаточности, которое часто проявляется в практике работы общественных объединений и организаций.

В статье Г.В. Тюрина обсуждаются сложные правовые проблемы формирования местных сообществ в границах локальных территорий. Подобные проблемы вызваны, в частности, отсутствием в российском законодательстве обоснования статуса местного сообщества как основного и первичного субъекта местного самоуправления.

Сборник завершается историческим экскурсом в «русский мир северного типа», поэтически представленный К.А. Шишовым. В его статье «Старообрядцы на Южном Урале» доказывается, что «единственным путем от дикости к культуре является формирование лояльности и терпимости власти к жизненному укладу и традициям всех без исключения социальных, этнических, конфессиональных групп населения». Шишов описывает взлет уникального по художественной ценности искусства каслинского чугунного

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

литья, который стал возможен, благодаря старообрядческой культуре, сформировавшейся в городе Касли (Челябинская область) еще во второй половине XIX века.

Надеемся, что наш сборник вызовет интерес не только у научной общественности. Он адресован также широкой читательской аудитории и, прежде всего, руководителям и специалистам системы муниципального управления, лидерам общественных объединений и практикам.

*Ю.М. Резник, Н.И. Миронова*

# И. Теоретико-методологические проблемы социокультурного развития местных сообществ

Ю.М.РЕЗНИК, Т.Е. РЕЗНИК

## ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

**1. Специфика социокультурного подхода к изучению гражданского общества: уровни анализа, теоретические предпосылки и принципы**  
*Уровни социокультурного анализа гражданской жизни людей*

В основе *социокультурного анализа* лежат, как известно, социально-философские и общетеоретические предпосылки, в частности, представление о цикличности общественного развития, изначальной многомерности и многообразии явлений и процессов социального мира.

Качественная же специфика социокультурного анализа заключается в характере познания разнообразных явлений и процессов гражданской жизни людей. Она выражается, с нашей точки зрения, следующим образом:

— путем рассмотрения этих явлений в единстве и взаимосвязи социальных, культурных и личностных сторон (общесоциологическая перспектива);

---

**Резник Юрий Михайлович** — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии (Москва);

**Резник Татьяна Евгеньевна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии (Москва).

---



– путем актуализации «высших» родовых сил человека как основного источника гражданственности социальных субъектов (общепсихологическая перспектива);

– посредством рассмотрения культуры как способа саморазвития гражданских субъектов (частно-антропологическая перспектива);

посредством изучения культуры как фактора институционализации гражданского общества (частно-социологическая или институциональная перспектива).

Как видно, первый и четвертый аспекты социокультурного анализа связаны с широкой и узкой трактовками институционализации, понимаемой в первом случае как целостный процесс становления и формирования современного гражданского общества, рассматриваемого в единстве социальных, личностных и культурных начал, а во втором – как процесс и результат возникновения собственно институциональных систем, структур гражданского общества (гражданских институтов). Второй и третий аспекты проблемы, являющиеся следствием антропологизации современного социального знания, значительно расширяют рамки познания гражданского общества как социокультурного феномена.

Социокультурный анализ, понимаемый в широком смысле, предполагает, в первую очередь, выделение и комплексное изучение институциональных и неинституциональных сторон гражданской жизни. При этом культура рассматривается как основная предпосылка или условие возникновения и существования институциональных (стандартизированных и общественно узаконенных) структур социальной организации современного типа, а личность – как предпосылка формирования ее неинституциональных структур гражданского общества.

Антропологический подход к изучению гражданского общества акцентирует свое внимание, во-первых, на выявлении и описании «высших» родовых сил человека как основы его внеинституциональных изменений и процессов, коренящихся в глубинах человеческой природы. Во-вторых, антропологический ракурс изучения гражданской жизни означает рассмотрение культуры как способа саморазвития гражданских субъектов и пространства их свободной самореализации. Человек выражает и реализует свою родовую сущность при помощи универсальных способов и образцов деятельности, совокупность которых чаще всего именуется культурой.

Данное положение соответствует взглядам Э. Тирикьяна и многих других антропологически мыслящих ученых. По их мнению, именно в культуре следует искать источник институционализации современного общества. По мнению антропологов, чтобы понять социальную организацию данного народа, его институты и обычаи, необходимо вначале

выявить и изучить различные внеинституциональные феномены человеческого общежития. Поэтому культура выступает в качестве основы, конституирующей не только социальную организацию гражданского общества, но и гражданский тип личности.

Анализ собственно институциональных явлений мы рассматриваем как третий этап или уровень социокультурного исследования гражданского общества.

«Институциональный анализ» в представлении классиков функционализма в социальной науке (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун и др.) направлен, как известно, на определение той основной цели, которая объединяет членов общности в институт и определяет характер их поведения в конкретном виде деятельности.

В современной социальной науке этот подход развивает, в частности, Э. Гидденс, связывая предмет социологии с изучением социальных институтов как стандартизированных форм поведения, играющих основную роль в пространственно-временной организации социальных систем. Основываясь на положениях институционального анализа, он предпринимает попытку комплексного исследования общества эпохи позднего или радикализованного модерна.

Следовательно, содержание понятия *«институционализация гражданского общества»*, являющегося, на наш взгляд, центральным понятием социокультурного анализа, определяется способом стихийного или целенаправленного формирования различных структур, институтов и организаций, соответствующих как разнообразным интересам и формам активности представителей «жизненного мира», так и требованиям нормативного порядка «системного мира». Условием успешной институционализации гражданского общества является относительная самостоятельность и независимость (гарантированность от прямого вмешательства или вторжения системного и жизненного миров) источников существования его структур и институтов.

Именно с таким поэтапным постижением реальности гражданского общества мы и связываем представление об объекте и предмете социокультурного анализа. Если его объектом выступает, прежде всего, процесс формирования гражданских институтов современного социума, рассматриваемого во всем его многообразии, то в качестве предметной области такого анализа необходимо рассматривать «внутренние» социокультурные закономерности и механизмы институционализации (или деинституционализации) гражданского общества.

Из всей совокупности общественных явлений и связей социокультурный подход выделяет соотношение институциональных и неинсти-

туциональных связей и явлений как главный ракурс своего рассмотрения. Характер этих явлений и связей определяется, как известно, либо постепенной трансформацией различных неформализованных видов жизненной активности людей в образцы и виды системной организации (процессы институционализации), либо обратным переходом системных образований (целостностей) в дифференцированные и разнонаправленные виды спонтанной активности субъектов (процессы деинституционализации).

Таким образом, в процессе применения социокультурного подхода выявляются и обосновываются две взаимосвязанные тенденции: институционализация гражданского общества, осуществляемая посредством определенных социокультурных механизмов, происходит одновременно с универсализацией сущностных способностей и сил его субъектов, реализуемых в процессе «естественной» эволюции человека и его «искусственного» самоконструирования.

***Основные положения социокультурного анализа гражданского общества***

Социокультурный подход реализуется в совокупности концептуальных положений, выражающих сущностное предназначение и качественную специфику современного гражданского общества.

Положения, выражающие сущность и модусы существования или развития гражданского общества:

1. Гражданское общество является идеально-реальным (идеально направляемым и реально существующим) образованием. Как идеальная сфера оно представлено совокупностью идей, представлений, традиций, норм и ценностей, символически опосредующих взаимодействие системных и жизненных начал социального мира и налагающих культурные, нравственные ограничения на их деятельностное проявление. Как реальный феномен оно выступает в виде внешне выраженной структуры действий или отношений, ориентированных на поддержание продуктивного взаимодействия и устойчивого равновесия между ними.

2. Институционализация гражданского общества означает трансформацию «естественных» компонентов (спонтанных состояний и процессов) под воздействием «искусственных» факторов (сознательных усилий и рационального выбора субъектов) в естественно-искусственные структуры гражданственности.

Преобладание искусственных начал в системном мире и естественных начал в жизненном мире уступает место в нем интеграции естественно-искусственного типа, в процессе которой согласуются между собой критерии «системности» (целесообразность, эффективность, функциональная полезность и пр.) и «жизненности» (взаимопонимание и вза-

имная выгода, индивидуальное существование субъектов и др.) социального мира. В результате образуется новая система соотношения, соединяющая право как основной инструмент регуляции «системных» отношений и нравственность как способ регуляции жизненных отношений в единый нравственно-правовой комплекс, именуемый *гражданственностью*.

3. Модусы идеального/реального и естественно/искусственного существования гражданского общества дифференцируются в процессе дальнейшей институционализации на трех взаимосвязанных уровнях – субъективном (сфера социальности, проявляющаяся в индивидуальном сознании и поведении людей), объективном (надличностная и надколлективная идеальность/реальность, выраженная в образцах и ценностях культуры) и интересубъективном (идеальность/реальность, представленная, прежде всего, в коллективном или групповом сознании и поведении людей).

В гражданском обществе наибольшую актуальность приобретают процессы и механизмы интересубъективности, соединяющие между собой субъективно-жизненные и объективно-системные элементы. Чем более развита сфера интересубъективности и интересубъективного взаимодействия субъектов, тем более успешным является процесс институционализации гражданского общества и тем вероятнее согласие между его субъектами.

4. В аналитическом плане субъективному, объективному и интересубъективному уровням дифференциации социального мира соответствуют сферы личности, культуры и социальной организации гражданского общества.

Личность, культура и социальная организация включены в процесс институционализации гражданского общества не напрямую, а опосредованно через механизмы идеально-реального и субъективно-объективного взаимодействия. Так, субъективность жизненного мира трансформируется в личностную сферу гражданского общества посредством интернализации гражданских ценностей, а также механизмов субъективации и субъективизации. Человек тогда становится членом гражданского общества (гражданской личностью), когда он превращается в полноправного и автономного субъекта собственной жизни, способного взять на себя также ответственность за окружающих.

Положения, характеризующие взаимосвязь гражданского общества с другими сторонами современного социума:

1. Современное состояние и развитие социального мира определяется характером взаимодействия между *«системным»* («целерациональным», объективно или нормативно обусловленным) и *«жизненным»* («ценностно-рациональным», интересубъективным) началами. Это взаимодействие исторически изменяется. В традиционном обществе преобладает

устойчивое, равновесное состояние этих двух начал. Их взаимодействие опосредуется здесь при помощи семейно-родственных и общинных связей, которые оказывают на них стабилизирующее воздействие. Не случайно семья рассматривается многими мыслителями прошлого как первая историческая предпосылка общества современного типа.

2. В современном, индустриальном обществе на смену общинному строю, сохраняющему незыблемые устои системного и жизненного порядков, приходит *инновационный тип культуры* и общественных отношений.

*Традиционная культура* и общинные отношения уже не могут выполнять роль сдерживающего фактора по отношению к системному и жизненному мирам. Ускоренное развитие экономической и научно-технической сфер системного мира обостряет его противоречие с жизненным миром, приводит к «колонизации» последнего или вытеснению его в периферийную область. Другая опасность состоит в чрезмерной рационализации (в т.ч. бюрократизации и коммерциализации) жизненного мира, что приводит к росту отчуждения и самоотчуждения людей. Все это делает настоятельной необходимостью появления более эффективных опосредующих механизмов, регулирующих взаимообмен системного и жизненного начал социума.

3. Гражданское общество возникает, прежде всего, из потребности жизненного мира упорядочить и привести в соответствие с логикой собственного развития отношения с системным миром и, в первую очередь, с государством и экономической системой. Оно является организованной реакцией индивидуальных и коллективных субъектов на технократическое воздействие этих систем, их экспансионистские устремления.

Административная и экономическая рациональность разрушает «защитные», естественно сложившиеся социальные и культурные перегородки, проникая в сферу межличностных отношений и повседневных действий. Подчинение жизненного мира системному сопровождается ростом напряженности и конфликтов в современном обществе. Из области экономики и политики они постепенно перемещаются в область культуры, затрагивая жизненные ценности и ориентации людей. Так появляются разнообразные социальные движения и ассоциации, призванные приостановить или нейтрализовать системно-формальную колонизацию жизненного мира и не допустить неоправданного вторжения экономики и государства в частную жизнь людей.

4. Помимо защитных и контрольных функций гражданское общество берет на себя функцию трансляции новых социальных форм и культурных образцов, зарождающихся внутри жизненного мира и обладающих высоким адаптационным потенциалом. Таким образом, происходит

обновление системного мира, его экономических, политических, правовых и иных структур, повышение жизнеспособности последних.

Чтобы улавливать даже самые незначительные изменения, способные повлиять в будущем на баланс системных и жизненных сил, гражданское общество должно обладать рефлексивными механизмами или, говоря словами Э.Гидденса, механизмами *«рефлексивного мониторинга»*, позволяющими отслеживать и предсказывать возможные перемены. Конструктивная роль гражданского общества проявляется также в повышении эффективности коммуникативных связей для достижения соответствия между системными целями и жизненными интересами. В гражданских ассоциациях и организациях осуществляется продуктивный диалог (*«коммуникативный дискурс»*) субъектов. Здесь преобладают «горизонтальные» связи и коммуникативные действия, ориентированные на взаимопонимание и достижение согласия между ними.

5. Конфликт жизненного и системного миров, достигающий своего апогея на этапе первоначального накопления капитала и обострения классово-борьбы по мере усиления институтов и структур гражданского общества, трансформируется в форму их коэволюционного и взаимодополняющего развития. Центр тяжести в противостоянии двух миров постепенно смещается с верхних этажей социальной организации к уровню индивидуального поведения людей. Из межсубъектного конфликта он превращается все больше во «внутренний» (внутрисубъектный) конфликт личности, конфликт между ее потребностями и возможностями их реализации в системном мире или посредством его институтов.

Вместе с возрастанием ответственности личности за свои действия расширяется сфера *индивидуальной свободы*. Последняя определяет границы пространства самореализации личности и проявления всех ее интересов и способностей.

*Положения, характеризующие социокультурные предпосылки формирования гражданского общества:*

1. Гражданское общество, рассматриваемое с точки зрения «естественных» и «искусственных» предпосылок его возникновения, определяется в социальной теории как совокупный продукт *антропо-социокультурогенеза*, в процессе которого происходит формирование гражданского типа личности. Следовательно, оно имеет изначально «искусственную» природу и не может быть сведено к биологически обусловленной форме социальности людей.

2. В ходе формирования гражданского общества актуализируются *«высшие» родовые силы* человека, тождественные, в нашем понимании, его гражданским качествам. Понятие «гражданская личность» характеризует особое

состояние личности, стремящейся овладеть высшими» родовыми силами человека и получившей свою автономию в процессе длительной и упорной борьбы за свое социальное освобождение и духовное раскрепощение.

Реальные гражданские права и свободы являются результатом социокультурной эволюции человека, расширения сферы его свободного социального творчества. В этом смысле гражданское общество есть «расширенный», «умноженный», «ассоциированный» родовой человек, а гражданская личность — это персонифицированное выражение пространства социальной свободы.

3. Как уже отмечалось, гражданское общество следует рассматривать также как исторически определенный способ динамического и сбалансированного взаимодействия «системных» (внешне заданных, формально-рациональных и нормативно обусловленных) и «жизненных» (спонтанных, неформальных и эмоционально обусловленных) начал социальной жизни людей.

Другими словами, оно соединяет («сцепляет») в себе институциональный, формально-рациональный мир, имеющий искусственную природу и организованный в виде безличных, нормативно упорядоченных и статусно-иерархических систем, и мир «жизненной стихии», в котором существуют естественные предпосылки общежития людей, а отношения между ними строятся в форме непосредственных, эмоционально окрашенных коммуникаций.

Мы настаиваем на том, что только «гражданская личность» способна преодолеть непрерывно воспроизводящееся противоречие между системно-формальными требованиями социума и жизненной необходимостью, продиктованной «изначальной» человеческой природой и постоянным стремлением к реализации своего родового предназначения. 4. В гражданском обществе отсутствует какой-либо нравственный императив. Гражданственность не является раз и навсегда установленным состоянием или качеством личности. Это скорее — «перманентный зов души», пытающейся удержать «целое» в ситуации шаткого равновесия между «социетистской» ориентацией «системного» мира и индивидуалистической ориентацией «жизненного» мира социума. Следовательно, гражданственность личности определяется мерой ее нравственного подвижничества и реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или «стадного коллективизма». *Гражданский этос* современного социума характеризуется тенденцией перехода к персоналистической модели социального поведения людей.

5. Человек как субъект гражданского общества наиболее полно выражает свои «высшие» родовые (т.е. гражданские) качества в национально-специфической форме. Он не стремится стать *«гражданином мира»* и

уничтожить национальные границы, а, напротив, расширяет последние до пределов духовного существования всего человеческого рода. В этом состоит ценностное содержание гражданского этоса личности. Поэтому поиски моделей так называемого «глобального гражданского общества», преодолевающего якобы «узкие» рамки национально-государственных интересов, должны вестись с учетом предварительного определения *гражданской идентичности* (идентификации) личности.

Именно в этом мы видим главные направления дальнейшего поиска в комплексном изучении феномена гражданского общества и гражданственности в условиях углубляющегося кризиса всех сторон жизни российского социума.

*Итак, гражданское общество есть обособленная область социокультурного пространства или сфера существования и развития современного социума, возникающая на стадии индустриального развития стран Запада и создающая реальные культурные, личностные и иные предпосылки или условия для динамического, сбалансированного взаимодействия системного и жизненного миров как взаимодополняющих сторон социальной жизни, развивающейся в направлении всеобщего и родового единства людей.*

***Принципы и правила социокультурного анализа гражданского общества***

Философские и общетеоретические основания социокультурного анализа (дуализм, единство и взаимосвязь частей социального целого, многообразие социальной жизни и др.) реализуются при помощи соответствующих правил и процедур.

Помимо общенаучных принципов социального познания (системность, комплексный подход, связь теоретического и эмпирического, причинность или детерминизм, объективность и др.), в социотехории гражданского общества разрабатываются и используются специальные принципы. Они подразделяются нами на три группы: *принципы познания*, определяющие научную картину гражданского общества; *принципы, выражающие его специфику и существенные черты*.

*Общие принципы познания, определяющие научную картину гражданского общества:*

1. Принцип единства и взаимосвязи идеальных и реальных сторон гражданского общества: институциональные процессы и явления гражданского общества суть идеальные (т.е. «внутренние» или латентные, смысловые и символически опосредующие) содержанию и реальные (предметно-чувственные, внешне наблюдаемые и эмпирически фиксируемые) по форме проявления феномены.

2. Принцип единства и взаимосвязи «естественных» и «искусственных» элементов гражданского общества: институционализация граждан-



ского общества, рассматриваемая в ее идеально-реальной форме, является одновременно естественным (спонтанным, самодетерминированным) и искусственным (рационально обоснованным и сознательно направляемым) процессом.

3. Принцип единства и взаимосвязи субъективных, объективных и интересубъективных сторон гражданского общества: модусы идеального/реального и естественно/искусственного существования гражданского общества дифференцируются в процессе дальнейшей институционализации на трех взаимосвязанных уровнях — субъективном (сфера деятельности, проявляющаяся в индивидуальном сознании и поведении людей), объективном (надличностная и надколлективная идеальность/реальность, выраженная в образцах и ценностях культуры) и интересубъективном (идеальность/реальность, представленная, прежде всего, в коллективном или групповом сознании и поведении людей).

4. Принцип единства и взаимосвязи личностных, культурных и организационных компонентов гражданского общества состоит в следующем. Основные компоненты данного общества конституируются в процессе его институционализации посредством структурной дифференциации жизненного и системного миров: гражданская личность (личностная организация гражданского общества) — на уровне субъективности, гражданская культура (культурная организация) — на уровне объективности (прежде всего - объективной идеальности) и гражданская социальность (социальная организация) - на интересубъективном и объективных уровнях.

5. Принцип единства и взаимосвязи деятельностных и структурных характеристик гражданского общества: процесс гражданской институционализации следует рассматривать двояким образом, с одной стороны, как способ осуществления деятельности субъектов (практической реализации их субъектно-объектных связей), а, с другой стороны, как форму взаимодействия между ними (реализации их субъект-субъектных связей).

6. Принцип единства и взаимосвязи функциональных и динамических процессов развития гражданского общества: в рамках институционализации гражданских структур функциональные процессы, связанные с сохранением и воспроизводством их целостности, органически соединяются с динамическими процессами, определяющими их поступательное развитие.

*Частные принципы, выражающие видовую специфику гражданского общества:*

1. Принцип социокультурной интеграции «системных» и «жизненных» начал социума: социокультурное опосредование системного и жиз-

ненного миров осуществляется в рамках гражданского общества путем планомерной или спонтанной композиции («сборки») и декомпозиции («разборки») составляющих их элементов и на основе общих (согласованных, общепринятых) правил, ценностей и норм.

2. Принцип автономности социальных субъектов и структур гражданского общества: гражданские субъекты и структуры имеют собственные, относительно независимые от системного или жизненного миров источники существования и обладают самостоятельной программой деятельности, а также высокой степенью свободы по отношению к другим субъектам и структурам социума.

3. Принцип саморазвития социальных субъектов гражданского общества: гражданские субъекты сознательно определяют содержание и направленность своего развития, исходя из собственных целей и интересов родового развития человечества.

4. Принцип динамического соответствия интересов социальных субъектов и способов их реализации в гражданском обществе: чем больше разнообразие жизненных интересов в обществе, тем более широким должен быть набор способов и возможностей их удовлетворения.

5. Принцип конвенциональности взаимодействий между субъектами гражданского общества: взаимоотношения гражданских субъектов регулируются при помощи правил, вытекающих из условий соглашений (конвенций) и связанных с ними взаимных обязательств договаривающихся сторон.

6. Принцип преобладания (доминирования) «горизонтальных» связей между субъектами гражданского общества: отношения между гражданскими субъектами строятся на основе положительных обратных связей, связей «по горизонтали», имеющих добровольный характер и исключающих по своей сути любые формы принуждения, политического или идеологического диктата.

Основываясь на приведенных выше концептуальных положениях и принципах социокультурного анализа, приведем наиболее важные, с нашей точки зрения, особенности комплексного изучения гражданского общества.

## **2. Конституирование структурных компонентов гражданской жизни (личность — культура — социальная организация)**

Первый этап социокультурного анализа гражданской жизни осуществляется путем выделения в ней определенных сфер или подсистем.

Как известно, в социально-научной традиции, наиболее полно представленной в работах П.Сорокина и Т.Парсонса, принято рассматривать

социальный мир (социум) в единстве трех подсистем — личности, культуры и социальной организации (общества). К выделению этих сфер социальная наука приходит не только аналитическим, но и эмпирическим путем.

В дальнейшем Ю.Хабермас, переосмысливая теорию систем социального действия Парсонса, распределяет эти компоненты (сферы) между «системным» и «жизненным» мирами социума: структуру первого образуют, прежде всего, экономика и политика, а второго — социетальная общность и институты социализации.

Исходя из высказанных ранее положений, приведем следующий тезис: *сферы жизнедеятельности гражданского общества конституируются на следующих уровнях его структурной дифференциации: личность — на уровне субъектности и субъективности, культура — на уровне «объектности» и объективности, а социальная организация — одновременно на уровне обмена представлениями или образцами поведения и интерсубъективного взаимодействия.*

В аналитическом плане «субъектные», «объектные» и «межсубъектные» или «межобъектные» аспекты жизнедеятельности гражданского общества соотносятся между собой как сферы личности, культуры и социальной организации.

#### ***Личностная сфера гражданской жизни***

Определяя место личностной сферы (подсистемы) в гражданском мире, необходимо учитывать следующее положение: *субъективное выражение гражданской жизни достигается в виде автономного существования личности как субъекта деятельности и персонафицированного выражения гражданственности.*

Первое, с чем сталкивается исследователь, предпринимающий анализ различных сторон гражданской жизни, есть реальное поведение и жизненные ситуации отдельных индивидов. Люди совершают действия и выражают свои представления при помощи языка, жестов, движений. Идеальное представлено здесь в виде субъективного, личностно значимого и осмысленного.

На этом уровне индивидуальное существование, как отмечал К.Маркс, рассматривая гегелевскую философию права, есть принцип и цель гражданского общества. Последнее является для индивидов способом или формой реализации их жизненных потребностей и интересов. Именно поэтому Гегель начинает свой анализ гражданского общества с рассмотрения системы потребностей индивидуумов, образующих в своей совокупности формальную всеобщность. Формальный характер связей между ними обусловлен, прежде всего, ориентацией на других субъектов как средство удовлетворения своих потребностей.

Не случайно поэтому Т. Парсонс определяет личность как систему отношений живого организма с некоторой ситуацией, которая рассматривается в качестве среды его жизнедеятельности. Со стороны социальной системы она анализируется в контексте приобретения мотивации и исполнения социальных ролей. А с точки зрения культурной системы личность есть определенным образом организованный в процессе обучения индивид, стремящийся к освоению господствующих ценностей и норм<sup>1</sup>. Ядром организма-личности выступают потребности-установки.

Исходя из данных высказываний, можно предположить, что личность, ее потребности и интересы выступают на субъективном уровне предпосылкой всякого осмысленного поведения в гражданском обществе. Такое поведение можно не только наблюдать со стороны, но и изучать средствами научного анализа. Уже на этом уровне структурной организации гражданского общества социальная наука может фиксировать устойчивые, повторяющиеся и типические формы индивидуального поведения и связанные с ними способы удовлетворения потребностей.

Личность как подсистема или сфера гражданской жизни конкретизируется в терминах субъективного мира, а именно — субъективной идеальности и реальности. Соотношение между ними не полностью тождественно индивидуальному сознанию и поведению.

Идеальность выражает привычные (обыденные) для человека чувства, желания, надежды и переживания, словом, устойчивое, «внутреннее» содержание его жизни, недоступное наблюдению со стороны. Сюда же следует отнести его личные (индивидуально-субъективные) жизненные ориентации, относящиеся к прошлому (ретроспективные ориентации), настоящему (текущие ориентации) и будущему (перспективные, стратегические ориентации).

Реальным же считается всякое субъективно осмысленное поведение индивида, которое выражает «внешнюю» форму проявления его жизнедеятельности в конкретной ситуации взаимодействия (ситуации «здесь и теперь») и характеризуются необратимостью, устойчивостью и относительной завершенностью.

Специфика личностной сферы гражданской жизни заключается в ее автономном и открытом способе существования. *Автономность* этой сферы предполагает не столько независимость личности как субъекта

---

<sup>1</sup> См.: Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. М., 1993. С. 104.

деятельности, сколько признание ее самобытности и разнообразных прав со стороны других субъектов и общественных институтов. Личность рассматривается как полноправный участник общественной жизни наряду с такими субъектами, как коллективы, ассоциации, организации.

**Открытость** как специфическая черта существования гражданской личности противостоит частному характеру личностного бытия в жизненном мире и его закрытому (относительно обособленному и замкнутому) характеру в системном мире социума.

Другими словами, если в жизненном мире личность предоставлена в основном самой себе (в экзистенциальном смысле) либо пребывает в своей семье или этнической группе, то в системном она скована условностями формального характера (институциональными нормами, «правилами игры» и пр.). Закрытость структур системного мира определяет в значительной мере образ жизни личности, накладывая определенные ограничения на пространство ее свободы.

Частный же характер личностной сферы в жизненном мире проявляется в обособленности и неприкосновенности личной жизни человека, его собственности и выражается в различных формах самореализации. Вместе с тем пространство индивидуальной свободы личности ограничено здесь биосоциальными и социокультурными факторами, например, образом жизни, способами жизнеобеспечения и потребления, традициями и ритуалами, господствующими в данном социуме.

В процессе осуществления гражданской жизни личность приобретает черты родового человека, выражающего, как известно, общечеловеческие интересы в рамках данной этнокультурной формы социальности. Она (личность) превращается из представителя отдельного класса или этноса, члена формальной организации, частного лица в подлинного субъекта социального творчества, наделенного определенными правами и ответственного за существование и развитие целого, т.е. всего человеческого рода.

Развитие личностной сферы гражданской жизнедеятельности обусловлено, прежде всего, внутренними противоречиями и конфликтами, в т.ч. противоречием между субъективно осмысленными потребностями, интересами и возможностями их реализации. Правовое регулирование личностной автономии в цивилизованных странах вовсе не гарантирует полное отсутствие произвола и своеволия со стороны индивидов. Напротив, именно личностная сфера является чаще всего источником социальных напряжений в обществе.

Поэтому правовое и нравственное ограничение личностной автономии становится одной из главных проблем формирующегося граждан-

ского общества. Многие исследователи связывают ее решение с формированием гражданского типа личности (гражданской личности), наделяя последнюю рядом позитивных черт. «Личность гражданского общества, — отмечают авторы энциклопедического словаря «Политология», — новый человеческий тип, ориентированный на созидание, гражданские отношения и новую духовность. Новые основы выделения личности из массы — это самостоятельность человека, освободившегося от опеки, способного и желающего рассчитывать на собственные силы, соревнование, а, следовательно, и новое, более независимое и более деятельное, отношение к сообществу равных себе и неравных, новой, гражданской коллективности, которую такой человек формирует и которая формирует его самого»<sup>2</sup>.

С нашей же точки зрения, реальный нравственный облик гражданской личности зависит в большей мере не от высоких идеалов гуманизма, какими бы привлекательными они ни были, а скорее — от степени зрелости общественных отношений и самой гражданской культуры как первоосновы личностных изменений. В то же время нельзя забывать, что развитие личностной сферы гражданской жизни идет по пути актуализации «высших» родовых сил человека — духовности, сознательности, сверхнормативности, о которых речь пойдет ниже.

Подводя предварительный итог, можно сказать, что по отношению к гражданскому обществу в целом личность выступает в качестве субъективной, иницилирующей стороны, осуществляющей взаимодействие на основе согласования своих индивидуальных интересов с интересами развития всего общества и человеческого рода в целом.

#### ***Культурная сфера гражданской жизни людей***

Уже на личностном, субъективно—поведенческом уровне исследователь обнаруживает универсальные способы и средства деятельности, составляющие базис всякой культуры и, как таковые, используемые людьми в процессе взаимодействия.

Как известно, в научной литературе сложились две основные трактовки культуры — эволюционистская (культура как совокупность достижений, служащих развитию человека и его оптимальному взаимодействию с окружающей средой) и функционалистская (культура как совокупность способов деятельности, удовлетворяющих человеческие потребности на основе общепринятых представлений).

На наш взгляд, комплексное исследование гражданской культуры содержит в себе обе исследовательские перспективы — функциональную

---

<sup>2</sup> См.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 77.

и эволюционную. Если при изучении личности социальная наука стремится дать ответ на вопрос о том, что представляют собой люди, каковы их потребности и интересы, как они их удовлетворяют, то в ходе изучения культуры ее интересует, прежде всего, вопрос о том, как и для чего осуществляется сам процесс деятельности, при помощи каких способов и средств.

Если попытаться дать интегральное определение, то получится следующее: культура — это *метасистема человеческой деятельности, представленная, с одной стороны, в виде совокупности универсальных и функционально связанных способов и средств (образцов, технологий, инструментов), а с другой, в качестве системы представлений и знаний об этих способах и средствах.*

Исходя из данного определения, мы будем рассматривать гражданскую культуру двояким образом: во-первых, как своеобразное пространство или «вместилище» смыслов, представлений, имеющих общезначимый характер, т.е. обладающих ценностью для большинства причастных к ним людей (*модус объективно-идеального и объективно-интерсубъективного существования гражданской культуры*), а, во-вторых, она будет анализироваться как система объективированных представлений, воплощенных в материальных объектах, технологиях и символических проводниках (*модус объектного или объективно-материального существования*).

Отсюда вытекает наш следующий тезис: *интерсубъективное содержание гражданской культуры выражается, главным образом, в процессе формирования и согласования представлений (ценностей, образцов и т.д.), ее объективное содержание выражено в системе соответствующих способов и образцов деятельности.*

В целом гражданская культура не исчерпывает собой всей объективной идеальности и реальности гражданской жизни. Последние охватывают собой все объективированные результаты человеческой деятельности, формы общественных отношений, например, экономических и политических, классовых и этнических. В рамках этих отношений культура играет важнейшую роль, так как именно в ней формируются и реализуются ценности и нормы гражданской жизни, утверждается социально-исторический идеал свободы и самореализации человека.

Культурная сфера выполняет в гражданском мире ряд жизненно важных *функций* — социализации, трансляции социокультурного опыта, инновации и др. Главное же назначение гражданской культуры состоит в формировании ценностных ориентаций членов гражданского общества как субъектов родовой деятельности, а также в символически-нормативном опосредовании их взаимодействий друг с другом.

По отношению к личностной сфере культура не только играет социализирующую роль, но и определяет сам способ становления личности в качестве родового человека в пределах конкретно-исторической общности. Вместе с тем она предписывает личности социально значимые образцы поведения даже в тех случаях, когда она не находится в непосредственном взаимодействии с другими людьми.

Формирование личности гражданского типа осуществляется в культуре и посредством ее воздействия на процесс социализации личности. Однако освоение или совершенствование существующих культурных образцов невозможно, в свою очередь, без их предварительной селекции. Далеко не каждый образец культуры может служить средством гражданской социализации.

Следовательно, гражданская культура выступает одновременно и как способ саморазвития людей в качестве родовых существ, использующих собственные силы и разнообразные культурные образцы в интересах всего человечества, и как «фильтр» гражданского общества, посредством которого производится отбор и выбраковка социально неприемлемых образцов.

И все же одного указания на функциональную роль культуры в гражданском мире недостаточно. Необходимо указать также ее видовую специфику.

В научной литературе имеется несколько определений гражданской культуры. Демократическая политическая культура, по мнению Г.Алмонда и С.Вербы, не является исключительно рационально-активистской, как утверждают некоторые исследователи. Она может быть в равной мере культурой приходской, подданства или участия. Приходская культура не имеет четких ориентаций и разделения политических и неполитических (экономических, религиозных) функций. Культура подданства складывается при наличии дифференцированных политических функций и на фоне пассивного отношения граждан к политике в целом. Культура участия предполагает активное и сознательное вовлечение граждан в политическую деятельность.

По мнению вышеназванных авторов, гражданская культура — это смешанная политическая культура, включающая в себя элементы приходской, «подданической» и «участнической» культур. «В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных... Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного»<sup>3</sup>.

---

<sup>3</sup> Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122.



В целом для гражданской культуры характерно соблюдение определенного баланса между властью (властными полномочиями) и ответственностью, между активным и пассивным участием, между включенностью и невключенностью, между инструментальными и эмоциональными функциями общественно-политических организаций, между консенсусом (согласием) и разногласием. С этих позиций она предстает как сложная и динамическая система сбалансированных и совместимых друг с другом ориентаций граждан. Такая культура не передается исключительно путем обучения. Она осваивается постепенно в ходе социализации. В формирующихся гражданских обществах, где такой культуры в полной мере нет, приходится ее создавать заново. Кроме того, она может быть сформирована только в условиях стабильного, бескризисного, умеренного и естественного развития.

Гражданская культура обладает вместе с тем и другими чертами, позволяющими ее отличать от культуры традиционных обществ. Особенности данной культуры являются ее автономность, рациональность и рационально—критическое отношение к действительности, демократичность, толерантность и плюрализм.

*Автономность* гражданской культуры не означает ее обособленное и изолированное существование в мире других культур. Она проявляется лишь по отношению к официальной, формально—законенной культуре, насаждаемой государством или иными господствующими институтами системного мира.

В культуре же гражданского общества отсутствуют какие—либо единые требования и нормы, помимо родовых, признанных данной общностью в качестве универсальных. Чтобы соответствовать интересам личности гражданского типа, такая культура должна подчинять свои нормы и ценности требованиям личной свободы, самостоятельности, инициативы и предприимчивости. Вместе с тем она должна вырабатывать культурные ограничения (запреты), предотвращающие или исключающие возможность индивидуального произвола, беззакония и нарушения свободы других людей, которые существуют в рамках единого социального пространства.

В процессе своего исторического развития гражданская культура впитала в себя идеалы и нормы *рациональности*. Такая деятельная, рационально—активистская культура является сегодня обязательным условием социокультурного развития многих западных стран. Это — культура, ориентирующая людей на активное освоение социальной действительности во всех ее сферах. В экономической области она проявляется в устойчивой ориентации на успех, признание деловой активности и предприим-

чивости, в политической — в *критически-рациональном отношении к действительности*, в инициативности и ответственности граждан за принимаемые решения, в духовно—идеологической — в утверждении идейного плюрализма и толерантности по отношению к иным представлениям и культурным стилям жизни.

Однако рациональность или рационалистичность гражданской культуры не исключает наличия в ней элементов традиционной культуры. По своей сути она является «смешанной» формой культуры, в которой сочетаются не только рациональные и нерациональные, но и инновационные и традиционные компоненты, словом, множество разных субкультур. Применительно к характеристике групповой, коллективной культуры гражданственности принято использовать термин *«гражданский этос»*, характеризующий социокультурную идентичность определенных субъектов гражданского общества. Этот термин выражает также образ и стиль жизни, присущие данным субъектам, охватывая общие для них идеи, ценности и нормы поведения и взаимодействия.

Гражданская культура органически соединяет в себе начала повседневной культуры жизненного мира и элементы формальной культуры системного мира социума. Ее содержание меньше всего зависит от формальных или неформальных характеристик людей, социальных групп, представляющих агентов культуры. Уровень компетентности экспертов определяется здесь не требованиями соблюдения формы взаимодействия («правила игры», жанр искусства, юридические законы, критерии научности и пр.), как это происходит в системном мире, или неформальными достоинствами людей (их расовые или половозрастные особенности, физическое или духовно—нравственное превосходство), как это имеет место в жизненном мире, а факторами комбинированного характера.

Огромную роль в гражданском обществе играют не только лидеры, но и эксперты. Экспертом в данном обществе становится лишь тот человек (группа людей), который обладает в определенной степени «высшими» родовыми силами и способен дать компетентную и независимую оценку деятельности других субъектов. Его гражданские качества могут служить примером для подражания других членов гражданского общества.

Гражданская культура, будучи идеально-реальным, интересубъективно-объективным и естественно-искусственным (рационально-спонтанным) феноменом, концентрирует в себе универсальные способы и средства развития людей как субъектов родовой деятельности, а также «определяющие звенья» их взаимодействия в гражданском обществе.

Ее сложная, комбинированная и самоизменяющаяся (самоконструирующая) организация способна учитывать даже малейшие изменения

и колебания в системно—жизненной среде, соединяя в едином энерго—информационном потоке идеальные и реальные, традиционные и инновационные, формальные и неформальные компоненты. Она призвана обеспечить гражданское общество разнообразными социокультурными образцами, ориентированными на актуализацию и развитие «высших» родовых сил человека в пределах конкретно-исторического состояния социума.

Модель гражданской культуры удивительно антропоцентрична, тогда как для системно-формальной культуры свойственно восприятие коллектива или сообщества как целостного и неделимого организма, поддержание жизнедеятельности и работоспособности которого важнее судьбы каждого отдельного человека. Этот организм живет по своим законам и объединяет людей на основе общих ценностей и норм в единые «корпорацию», «систему», «клан» или «семью». Такое представление о сообществе исключает или ограничивает автономию и свободу людей.

Итак, гражданская культура «проникает» в социум не сразу, а постепенно, шаг за шагом преодолевая системно-формальные и иные «барьеры». Ее четкие и рельефные контуры появляются лишь на стадии перехода к индустриальному этапу общественного развития (модерну), когда со всей очевидностью становится наглядным преимущество нового образа жизни, мышления и действия, открытого для диалога и продуктивного взаимодействия с другими культурами.

### ***Социальная организация гражданского мира***

Как только социальная наука обнаруживает «за деревьями лес», т.е. переходит от анализа фактов реального сознания и поведения индивидов к изучению объективно—осмысленных и узаконенных способов и средств деятельности, так сразу же она должна определить, как люди, имеющие потребности, цели, установки, и обладающие средствами их реализации, организуют совместную деятельность в обществе. Другими словами, она переходит к следующему предмету своего изучения — социальной организации гражданского мира.

Понятие «социальная организация» является фундаментальной категорией современной социологии и социальной антропологии. Нет необходимости останавливаться подробно на разборе различных точек зрения на ее природу. Достаточно отметить, что данное понятие характеризует широкий класс явлений в обществе, обозначая в одном случае способ объединения и взаимодействия людей на основе общих ценностей и норм, в другом случае — систему социальных институтов и порядок взаимоотношений между ними, а в третьем — совокупность взаимосвязанных статусов и ролей, которые реализуют индивиды, включенные в кон-

кретную деятельность или находящиеся в рамках той или иной системы.

Несмотря на различия между приведенными трактовками, в понимании социальной организации имеется одна общая черта. Ее комплексное изучение предполагает ответ на вопрос о том, как люди осуществляют совместную деятельность, объединяясь в группы и достигая при этом единства общих и индивидуальных целей.

В этом смысле можно согласиться с высказыванием К. Маркса о том, что наряду с производством материальной жизни людей существует производство самой общественной формы, и что люди нуждаются не только в способе материального производства, но и в особом способе совместной деятельности. Именно таким способом совместной деятельности или взаимодействия людей является в понимании Маркса социальная организация гражданского общества, т.е. «организация семьи, сословий и классов».

Социальная система или организация включает, по мнению Т. Парсонса, экономику, политику, социетальное сообщество и институты социализации (поддержания культурных образцов). «Ядро» же самой системы составляет, по Парсонсу, социетальная общность, представляющая собой «структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения»<sup>4</sup>. Главными чертами такой общности выступают совместный характер существования людей и упорядоченность отношений между ее членами. Необходимым условием социальной идентичности ее членов является культурная ориентация, разделяемая участниками взаимодействия.

Если воспользоваться схемой Т. Парсонса, то можно предположить, что экономика и политика (государство) образуют сферу системного мира, институты социализации – сферу жизненного мира, а социетальное сообщество становится прообразом и способом существования социальной организации гражданского общества. В понимании Т. Парсонса социетальное сообщество «представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегментация»<sup>5</sup>. Оно выступает совокупностью ассоциаций, корпоративным объединением граждан, «имеющих относительно полное согласие по поводу ее нормативного строя и авторитета лидеров»<sup>6</sup>. Его основой является единый нормативный порядок, организованный вокруг проблем членства, лояльности и легитимности.

---

<sup>4</sup> Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. М., 1993. С. 102.

<sup>5</sup> Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 26.

<sup>6</sup> Там же. С. 41.

Рассматривая социальную организацию, мы хотели бы подчеркнуть вместе с тем двуединство ее сторон — деятельностной и интерактивной. Социальная организация есть одновременно способ упорядочения деятельности и способ упорядочения отношений или взаимодействий между людьми. Иными словами, она включает, с одной стороны, систему (комплекс) социальных институтов как организованных и стандартизированных форм деятельности людей, определяющих линию их поведения в типичных ситуациях, а, с другой стороны, социальную структуру как устойчивую, самовоспроизводящуюся совокупность взаимосвязанных статусов и ролей.

Нам представляется, что гражданское общество можно определить также как *исторически определенную форму социетального сообщества, разделяющего «системный» и «жизненный» миры социума и сосуществующего с ними в рамках более широкой социальной организации*. Следовательно, оно является лишь одним из уровней структурного строения социальной организации как по горизонтали, так и по вертикали.

С точки зрения «горизонтальной» дифференциации социальной организации можно выделить три уровня:

1) социальная организация “системно-формального” мира социума (система формальных институтов и отношений между субъектами);

2) социальная организация “жизненного” мира (система неформальных и непосредственных отношений между людьми, обусловленная биосоциальными и иными факторами);

3) социальная организация гражданской жизни (совокупность гражданских институтов, ассоциаций и гражданских отношений).

Следовательно, гражданское общество существует внутри социальной организации совместной жизни людей. Но в отличие от общества в целом (социума), оно существует как особая часть всей общественной системы, разделяющая и опосредующая ее системные и жизненные начала.

Таким образом, гражданское общество как форма социальной организации имеет «двойственную» природу: с одной стороны, оно является частью социальной организации общественной жизни в целом, где ему соответствует определенный тип социетального сообщества, а, с другой, такое общество выступает одной из трех сторон гражданской жизни (наряду с личностной и культурной), где ему соответствует исторически определенная форма социальной организации.

С точки зрения «вертикальной» дифференциации социальная организация гражданской жизни может быть рассмотрена на пяти взаимосвязанных уровнях:

1) глобальное (всемирное) гражданское общество (предельно широкая общность людей, объединяющая ряд однотипных социетальных обществ и существующая в рамках современной индустриальной цивилизации);

2) социетальное гражданское общество, объединяющее граждан отдельного социума по ряду социокультурных признаков;

3) локальные гражданские сообщества, т.е. организованные коллективы людей, связанные общими целями или проблемной ситуацией (региональные организации, общественные движения и пр.);

4) гражданские общины (самоуправляемые коллективы, объединенные общими делами и единой территорией);

5) малые организационные формы гражданской самодеятельности (группы интересов, клубы и т.д.).

В чем же заключается качественная специфика социальной организации гражданского мира? Суть нашего понимания состоит в том, что интересубъективность гражданской жизни реализуется в форме рационально-спонтанного (сознательно-бессознательного), взаимосогласованного, нормативно опосредованного и символически-регулируемого взаимодействия автономных субъектов, а ее объективность — в системе институтов гражданского общества, складывающихся и развивающихся во многом эволюционным, естественным путем.

Интерсубъективные представления характеризуют объединяющие, интегративные смыслы, значения, используемые людьми для организации совместной деятельности и взаимодействия. Чтобы стать достоянием более широкой общности людей, они должны пройти через фильтры культуры и тем самым получить всеобщее признание (культурную легитимность). Поэтому объективная идеальность социальной организации сосредоточена в основном в институциональной сфере, опосредованной и регулируемой при помощи гражданской культуры.

В зависимости от уровня взаимодействия субъектов он дифференцируется на несколько слоев — реальность организации на социетальном уровне, образуемая совокупностью отношений между большими группами гражданского общества; реальность социальной организации на уровне частных и общественных объединений, ассоциаций; собственно интерактивная реальность социальной организации, охватывающая практику межличностных отношений.

Следовательно, социальная организация гражданской жизни имеет двойственный, объективно-интерсубъективный статус. Она одновременно объективна и интересубъективна. Объективная реальность гражданского общества содержит два типа объектов: культурные (объективиро-

ванные ценности, нормы и символы, регулирующие взаимодействия гражданских субъектов) и собственно социальные (объективные формы гражданских отношений — например, ассоциация и диссоциация, конфликт и согласие).

В отличие от культуры социальная организация гражданского мира имеет естественно-искусственное происхождение. Многие формы коммуникации и общения, как было показано выше, заимствованы из биосоциальной сферы жизненного мира социума, другие же — из институциональной сферы системного мира. Культурная детерминация социальной организации осуществляется посредством выдвижения, обоснования и экспертизы стратегий и программ, которыми руководствуются в своей деятельности автономные субъекты гражданского общества. В свою очередь, те или иные организационные формы социальной организации (женские движения, молодежные организации, правозащитные ассоциации и пр.) создают реальные предпосылки для развития определенных гражданских качеств личности (солидарности, духовности, сознательности и т.д.).

Таким образом, *личность, культура и социальная организация выражают в разных комбинациях субъективную, объективную и интерсубъективную стороны гражданской жизни, которые рассматриваются одновременно в модусах идеального и реального существования, естественного и искусственного происхождения.*

С точки зрения идеально—реального существования гражданского мира каждую из его сфер необходимо изучать двояким путем: как идеальную конструкцию, выраженную в представлениях, образе мышления, смыслах и значениях людей, и как реальное явление, образованное совокупностью индивидуальных или коллективных, культурно обусловленных или социально—организационных действий.

Со стороны связей естественного или искусственного порождения гражданской жизни личность и социальная организация имеют естественно-искусственное происхождение (естественное в биосоциальном отношении и искусственное в культурном), культура — преимущественно искусственное происхождение.

С позиции субъективно-объективной дифференциации гражданской жизни личность характеризует главным образом ее субъективный аспект, культура — объективно-интерсубъективный, а социальная организация, напротив, — интерсубъективно-объективный. Другими словами, гражданская культура интерсубъективна по форме образования и проявления и объективна по содержанию; социальная организация гражданского мира — объективна по форме образования и интерсубъективна по содержанию взаимодействий (коммуникаций).

### **3. Актуализация «высших» родовых сил человека как источника и основы гражданственности социальных субъектов**

#### *Общие черты гражданских субъектов*

С нашей точки зрения, личность, культура и социальная организация выступают наиболее общими предпосылками человеческой деятельности в сфере гражданской жизни. Они же являются необходимыми слагаемыми гражданской субъектности, формирующими постепенно ее «душу» (субъективность), «тело» (объективную фактичность, материальный субстрат) и «топологию» (реальное место в едином жизненном пространстве).

Центральным понятием, объединяющим в едином ансамбле биоорганизмические («организмические»), личностные, культурные и социально-организационные характеристики, является понятие «социальный субъект».

Социальная наука исходит из идеи множественности субъектов общественной жизни. К социальным субъектам относятся как индивиды (индивидуальные субъекты), так и человеческие общности или группы (коллективные субъекты). Они образуют общество как совокупный субъект совместной жизни и деятельности. Поэтому «рассматривать общество, — подчеркивал К.Маркс, — как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно»<sup>7</sup>.

Социальный субъект характеризуется единством четырех сторон, которые проявляются и реализуются главным образом в его деятельности:

1. Социальное состояние (потребности, интересы, установки, цели и пр.);
2. Социальное положение, определяющее его место в обществе, иной социальной системе (социальные статусы, роли и позиции);
3. «Опосредующие звенья», в т.ч. культурные программы, средства и технологии деятельности, характеризующие его интеллектуальное и материальное «оснащение» (планы, идеи, нормы и ценности, орудия, технические средства и механизмы);
4. Материальный субстрат, в т.ч. «телесная организация», которая представляет его предметное или физическое существование в мире.

В общем виде им соответствуют личностные, социально-организационные, культурные и «организмические» элементы системы деятельности.

Среди значимых характеристик социального субъекта в научной литературе выделяются совместность, взаимодополнительность действий единичных представителей этого субъекта, их структурная сопряженность

---

<sup>7</sup> Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 30.



и функциональная взаимозависимость (разделение и комбинация видов деятельности), организованный характер объединения индивидов, согласованность и скоординированность их действий<sup>8</sup>.

Вместе с тем *гражданский субъект*, как и гражданское общество в целом, обладает такими специфическими характеристиками, как «*универсальность*» (или возможность быть представителем всего человеческого рода, выражать всеобщее, общеродовое в частном и единичном), «*автономность*» (способность самостоятельно и без влияния извне или «сверху» определять линию и содержание своего поведения) и «*конвенциональность*» (ориентация на достижение согласия и координацию различных культурных программ деятельности).

***Социально-биологические и личностные предпосылки формирования субъектов гражданского общества***

Перейдем теперь к характеристике собственно субстанционального аспекта становления гражданской субъектности. С точки зрения воздействия “естественных” и “искусственных” факторов формирование гражданских субъектов связано со всем ходом антропосоциокультурогенеза, в процессе которого происходит коэволюция гражданского типа личности, гражданской социальности и культуры.

Основным содержанием процесса формирования гражданского общества выступает развитие родовых сущностных сил человека и становления последнего как Родового Человека (целостного, свободного и сознательного). Родовые свойства или силы человека включают в себя общее и особенное, т.е. как общевидовые (социобиологические), так и социокультурные (личностные) качества. Причем общевидовые свойства человека формируются всем ходом филогенеза, тогда как его личностные качества появляются в основном в процессе его социокультурной эволюции (культурогенеза).

Никакая физическая (биологическая) эволюция не могла произвести такого переворота в развитии человеческой природы, как это сделала культура. Последняя есть способ существования и развития человека, выражающий в особой форме его родовую специфику и формирующий его родовое сознание и самосознание, родовое «Я», которое дифференцируется далее в процессе эволюции на телесное «Я», возникающее в ходе его биосоциального развития, и на культурное или личностное «Я».

Его родовое «Я» получает, таким образом, свое воплощение в формировании антропоса — особи вида *Homo sapiens* (телесное «Я») и в становлении личности (культурное «Я»). Следовательно, родовое развитие

---

<sup>8</sup> См.: Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М., 1988. С. 32-36.



человека идет по двум основным направлениям — биосоциальному, поддерживающему в неявном виде элементы биоорганического развития, и культурному, характеризующему личностную траекторию развития человека.

Покажем это на схеме (см.: схему 1).

Попытаемся далее обосновать следующий тезис: *гражданская жизнь людей есть высшая и предельно возможная на сегодняшний день (достигаемая первоначально только в рамках конкретно-исторического и национально-специфического социума) форма выражения целостного, родового и совместного существования человечества.*

Целостность родового бытия человека зависит от целостности и интегрированности его сущностных сил и способностей. Мы настаиваем на том, что в основе формирования и развития родовых сил человека лежат как «естественные», так и «искусственные» факторы. Поэтому в их структуру входят общевидовые (биосоциальные) и собственно личностные (социокультурные) свойства. Они проявляются соответственно на соматическом уровне (уровне жизнедеятельности поведенческого организма) и экстрасоматическом (деятельностном) уровне человеческого существования. «Высшие» родовые силы образуются по мере становления гражданской культуры.

Социально-биологическую основу родовых сил составляют общевидовые свойства человека или так называемые *антропологические универсалии* — фундаментальные, биологически обусловленные свойства человека (т.е. преимущественно врожденные, генетически наследуемые свойства), присущие всему человеческому виду Homo sapiens.

Одновременно с вычленением антропологических универсалий изменяется и «внутренний» облик человека, развивается и дифференцируется его «телесное Я». «Совместное Я», характерное для всех приматов, с развитием антропогенеза вытесняется «индивидуальным Я» и сопровождается появлением связей типа «Я — Ты», «Мы — Они».

Не вдаваясь в дискуссию, отметим лишь, что названные общевидовые свойства человека рассматриваются в контексте нашего понимания родовой природы человека. По мнению сторонников концепции антропологических универсалий, они имеют в основном врожденный и биологически детерминированный характер. С позиций же культурологического (культурантропологического) анализа их необходимо рассматривать и как фундаментальные свойства человека, преобразованные в ходе культурной эволюции в его личностные качества.

Не случайно многие авторы делают акцент на выделении именно личностных, социокультурно обусловленных качеств человека, а не его биологических свойств. Мы согласны с тем, что личностные качества могли появиться у человека только в культуре или посредством нее. Последняя, как известно, есть внебиологический способ взаимодействия человека и мира, в процессе которого происходит «окультуривание», «очеловечивание» его природных сущностных сил.

Личностные качества человека формируются в ходе культурной эволюции человека в деятельности и посредством деятельности. Деятельность есть основа и предпосылка культуры. Культура предполагает практически—деятельностное единство человека с природой и его деятельностное существование. Если деятельность является «ареной», формой выражения или сферой приложения культуры, то последняя выступает как «внебиологически выработанный, особый, лишь человеку присущий способ деятельности и соответствующим образом объективированный результат этой деятельности»<sup>9</sup>.

Культура охватывает различные содержательные и технологические аспекты деятельности, обеспечивая ее субъекта соответствующими средствами и ориентациями. Разнообразные способы решения жизненных проблем, которые содействуют удовлетворению базисных потребностей людей и в той или иной мере обнаруживаются во всех человеческих культурах, в научной литературе получили название **культурных универсалий**.

Последние необходимо отличать от **универсалий культуры**, а точнее **социокультурных координат** — парных категорий, при помощи которых строится и обосновывается картина мира людей, принадлежащих к одной или разным культурам (например, координаты типа “вверх-вниз”, “влево-вправо”, “мужское-женское”, “центр-периферия” и т.д.).

В качестве культурных универсалий мы будем рассматривать следующие качества личности: *перцептивные*, т.е. связанные с особым, целостным и синкретическим образным восприятием объекта деятельности

---

<sup>9</sup> Каган М.С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М., 1974. С. 188.

(мифы, легенды), *ориентации, ценности* или *ценностные ориентации*, определяющие дифференцированное отношение субъекта деятельности к окружающим явлениям (идеи, представления, истории), *символические средства жизнедеятельности* (знак, слово, смысл, текст и пр.), способы и средства *познания* объектов мира (мировоззренческие и интерпретативные схемы, картины мира, методы получения и обработки знания), средства *преобразовательной, предметно-продуктивной деятельности, цели и решения*, принимаемые субъектом, *организационно-управленческие* и *коммуникативные* способы и средства, средства *социального наследования* (накопления, хранения и трансляции ценностей) и другие.

Благодаря этим универсалиям формируются личностные свойства и особенности каждого отдельного человека. По существу эти способы и средства культуры, если рассматривать их в обобщенном виде, являются основными функциями социализации как процесса личностного развития человека (ценностно-ориентационной, продуктивной, организационной, коммуникативной, нормативной функциями и т.д.).

Перечисленные выше свойства человека находят свое социокультурное выражение в *способностях личности*, которые характеризуют, как известно, качественную, конкретно-историческую (этнокультурную) определенность и субъективную возможность ее деятельности. В ходе социокультурной эволюции антропологические универсалии претерпевают существенные изменения, превращаясь в своего рода *«антропокультурные универсалии»*, составляющие ядро современной личности. На их основе формируются ее социокультурные свойства, в т.ч. способности к дифференцированному и ценностному отношению к действительности.

Необходимо подчеркнуть, что для целостного выражения высших родовых сил одних только личностных или социокультурных способностей человека недостаточно. К этому следует добавить также особое состояние его родовой деятельности и культуры, которое складывается на более поздних этапах культурной эволюции. Новое качество социального бытия человека связано с появлением гражданской самодеятельности и культуры. В истории социальной мысли (Гегель, Маркс и др.) самодеятельность чаще всего понимается как целостная, свободная (автономная) и сознательная деятельность, характеризующая в полной мере родового человека.

Итак, в понятии «родовой человек» помимо общевидовых (биологических или физических) и общекультурных (личностных) свойств, присущих практически всем здоровым людям, фиксируются также признаки высших родовых качеств (целостности, свободы, сознательности и т.д.). Человек как личность является персонификацией не только всеобщей (общечеловеческой), но и особенной части родовой культуры — гражданской.

**Высшие родовые силы** человека находят свое выражение в его гражданском бытии или в осуществлении гражданственности. Понятие «**гражданственность**» соединяет в себе черты всеобщей (общечеловеческой) и особенной (национальной) родовой культуры. Гражданственность — это прежде всего органический сплав «высших» (а не просто общевидовых или индивидуально—личностных) родовых свойств человека, взятых в их идеальном воплощении и реальном существовании.

Принимая во внимание данный критерий, попробуем сформулировать основные черты гражданской личности или свойства ее гражданственности. В качестве классификационного требования, позволяющего детализировать и обосновать указанный критерий, рассмотрим единство интегративных характеристик сторон социального бытия человека (социокультурных модальностей) — деятельности, общения и сознания.

Любая из приведенных черт, которая не может быть выражена при помощи данных характеристик, считается недостаточной и не соответствующей принципу целостности. С этой точки зрения гражданственность как способ бытия личности в современном (или постсовременном) гражданском обществе характеризуется следующими чертами (см. табл. 1):

Данный перечень «высших» родовых свойств человека не является исчерпывающим или законченным. На сегодняшний день их единство (ансамбль) можно рассматривать лишь в идеально-типическом плане. Идеальная гражданственность как исключительно искусственный феномен, сформированный в процессе культурной эволюции, выступает желаемой или предельно возможной вершиной культурного развития человека. Реальная же гражданственность в большинстве стран мира далеко не всегда и не в полном виде демонстрирует нам данную модель. Однако ее относительность не означает принципиальной недостижимости или, напротив, абсолютизации, универсализации тех или свойств человека.

#### **4. Культура как способ саморазвития субъектов гражданского общества**

У гражданского общества существуют, как известно, два основных способа развития и саморазвития субъектов — «естественно-спонтанный» (антропосоциогенез) и «искусственно-рациональный» (антропосоциосинтез). Поэтому формирование гражданской культуры происходит двумя путями: с одной стороны, путем постепенного эволюционного вызревания культурных предпосылок формирования субъектов гражданского общества и становления их гражданского этоса, а, с другой, путем «искусственного» самоконструирования и самособирания гражданской субъектности.

Саморазвитие субъектов гражданского общества осуществляется посредством становления их в качестве полноправных субъектов само-

Таблица 1

Основные черты гражданственности человека	Базовые модальности социокультурного бытия личности и особенности их проявления в гражданском мире		
	Деятельность	Общение	Сознание
<b>конструктивная и творческая активность</b>	- конструктивная, созидательная деятельность; - постоянное инициирование новых дел, предложений;	- заинтересованное, творческое общение, ориентированное на позитивное содержание;	- активная жизненная позиция; - творческий динамизм; - склонность к инициативе;
<b>сознательность и целенаправленность</b>	- рефлексивная и самопрограммируемая активность;	- избирательное и целеориентированное общение;	- осознанное отношение к жизни; - целеустремленность;
<b>свобода и ответственность</b>	- свободная реализация творческих сил; - добровольное участие в общественных делах; - ответственное исполнение избранной деятельности;	- свободное общение с другими людьми; - добросовестное выполнение обязательств перед другими;	- стремление человека быть самим собой и реализоваться во всей полноте жизни; - ответственное отношение к общественным делам и другим людям;
<b>солидарность</b>	- практическое решение совместных проблем; - участие в коллективных проектах и программах;	- реальное сотрудничество и партнерство с другими ради достижения общих (родовых) целей;	- готовность к коллективным действиям и сотрудничеству; - солидарная ответственность;
<b>гуманность</b>	- бескорыстное служение людям, реальная забота о них;	- добровольное и безвозмездное оказание помощи другим людям;	- гуманизм и человечность; - милосердие и сопереживание;
<b>духовность</b>	- в широком смысле: деятельность, направленная на постижение и создание духовных, трансцендентных ценностей; в узком смысле: сознательный выход в экзистенциальное измерение жизни (самоанализ и пр.);	- духовное общение, основанное на общих верованиях или переживании трансцендентного и экзистенциального опыта; - воспитание себя и других путем обращения к высшим ценностям бытия;	- осознание человеком своего предназначения и творческой миссии в мире; - "созерцание жизни" или экзистенциальное самоуглубление; - ориентация на поиск "высших" смыслов бытия;
<b>"сверхнормативность"</b>	- установление внутренних пределов собственной активности; - вненормативная, саморегуляция	- общение, в котором соединяются требовательность к себе с разумной требовательностью к другим	- способность к самоограничению во имя разделяемых идеалов и ценностей; - самодисциплина

деятельности. Именно в деятельности порождаются культурные способности субъекта, поскольку сама деятельность становится определяющим, а, точнее, системообразующим фактором культуры. Данное обстоятельство, видимо, побудило В.М. Межуева к тому, чтобы рассматривать культуру как деятельностно-практическое единство человека с природой и обществом, как определенный способ его природно и социально-детерминированного деятельного существования<sup>10</sup>.

*Становление гражданской культуры как пространства свободной самореализации людей в обществе*

Исследование эволюции гражданской культуры в отечественной и западной науке не получило широкого распространения. В большинстве

<sup>10</sup> См.: Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.

публикаций, вышедших за последние годы, преобладает политологический или сравнительно-политический взгляд на состояние и динамику социокультурных явлений гражданского общества.

Какова же роль культуры в формировании человека как личности гражданского типа?

Приведем вначале общую схему культурной эволюции человека.

В научной литературе выделяют обычно четыре типа культуры: доклассическую или традиционную (V–XIV вв.); классическую или современную, модернистскую (XIV–XIX вв.); неоклассическую, несовременную или позднемодернистскую (начало XX – конец XX в.); постнеоклассическую или постсовременную (конец XX в. и далее).

При этом тип человека определяется исследователями в зависимости от типа культуры. Последняя выступает не только как арена его жизнедеятельности, но и как пространство или сфера свободной самореализации его сущностных сил и утверждения его позиции в мире как центральной, основополагающей.

Не случайно поэтому понятия «культура» и «свобода» взаимосвязаны между собой. Мы исходим из допущения, что чем больше степень свободы у человека, тем выше уровень развития культуры, и наоборот. В известном смысле культура есть способ взаимодействия человека с природой («первой» и «второй»), призванный расширить его творческие и репродуктивные возможности самореализации.

Свобода человека — это культурное, «искусственное» явление. Она возникает вместе с появлением самой культуры. Однако последняя не только расширяет рамки свободы, но и ограничивает их. Культурная детерминация человеческой жизни осуществляется посредством правил, норм, ценностей, традиций, других ограничений. В этом смысле культура уподобляется природе как источнику жизни, устанавливающему физические, биологические и технические границы человеческого бытия. Но если в природе жизнедеятельность человека ограничена наличными условиями жизни и определенным набором доступных ему ресурсов, то в культуре таким ограничителем выступает свобода другого человека, которая защищена законами, правилами, нормами и т.д.

По мере движения от одного периода культурного развития человека к другому изменяется характер, содержание и границы его свободы.

В доклассический период социальная свобода охватывает все то, что не противоречит существующим традициям и служит их воспроизводству. В классический, современный (модернистский) и неоклассический (позднемодернистский) периоды она локализуется, в основном, в сфере производства и потребления материальных и духовных благ. В постнео-

классический (постмодернистский) период свобода становится достоянием людей, стремящихся к принятию реальности (а не к преобразованию или утилитарному использованию) и диалогу с ней. При этом предпочтение отдается не продуктивной и производительной деятельности человека, а его способности организовывать и поддерживать разнообразные (биосоциальные, информационные, обменные и пр.) связи и коммуникации с окружающей средой как средой его обитания.

Вместе с характером человеческой свободы исторически изменяется ее культурное содержание. Свобода традиционного человека имеет «постстороннее», вземное значение. Она воплощена в его мифологических и религиозных представлениях. Иллюзия свободы дополняется и усиливается богатством и полнотой переживания настоящего. Человек ощущает себя свободным, лишь будучи выразителем мифов, преданий, верований, которые получили свое закрепление в традициях и обычаях данной культуры. Свобода не выходит за пределы традиционных образцов (религиозных догматов и пр.). Она находится в жестких тисках традиций и традиционного мировоззрения. Человек, вырвавшийся из этих тисков, становится «социально опасным», неуютным (например, еретиком, раскольником) или отверженным, «некультурным» (отшельником, бродягой).

Вместе с тем культура представляет собой «естественное» убежище для традиционного человека. Она естественна в том смысле, что человек рассматривает ее как свою собственную природу и не отличает себя от нее. Преобладание сельского труда, общинное хозяйство, земля как основное средство жизнеобеспечения все больше сближало человека с природой. Кроме того, культура данного периода является формой существования традиций, обычаев, ритуалов, в которых (или посредством которых) человек вел свое естественное существование.

В культуре классического периода свобода обретает новый смысл и практическое значение. Она становится не только желаемой (иллюзорной), но и легитимной, реальной. В этот период свобода утверждается как культурное достояние, а сама культура рассматривается как поле свободной деятельности людей, ограниченное только рамками закона. Призывы к свободе культуры часто связаны с требованиями культуры свободы.

Классическая, современная культура обладает в большей степени искусственностью (с точки зрения восприятия ее человеком), чем традиционная. Человек все больше чувствует себя отчужденным и «заброшенным» в искусственном мире культуры. Ему противостоят в культурной форме им же созданные изобретения или продукты. Сотворенная человеком «вторая природа» предопределяет во многом способы удовлетворения его потребностей и возможности свободного творчества.



Еще одно принципиальное отличие современной культуры по сравнению с традиционной заключается в ее растущей дифференциации и непрерывном усложнении форм. Прежняя культура характеризовалась синкретичностью и аморфностью, относительной целостностью и неисторичностью.

Внутри современной, классической культуры постепенно выделяются три основных слоя или уровня: *«системно-формальный»*, ответственный за нормативное упорядочивание и регулирование совместной жизни людей; *«жизнемировой»* (от термина «жизненный мир»), обеспечивающий традициями и другими вненормативными средствами биологически обусловленные и неформальные связи между людьми как участниками единого жизненного процесса; *«гражданский»*, стремящийся интегрировать в себе два предыдущих уровня и вырабатывать средства их «возвышения» или «восхождения» к родовым основам человеческого бытия.

Соотношение «системного» и «жизненного» уровней современной культуры можно представить соответственно в терминах целерационального и ценностно—рационального, нормативного и традиционного (и аффективного) поведения человека. «Жизнемировой» слой культуры, своеобразная «культура жизни» человека продолжает сохранять черты ценностной ориентированности, традиционности и обыденности (повседневности), тогда как «системно—формальный» слой несет в себе элементы целевой ориентированности, нормативности и событийности.

О гражданской культуре, так же как и о гражданском обществе, можно сказать, используя выражение Гегеля, лишь то, что это — особенность, которая стремится стать всеобщностью. Хотя в ней и сочетаются признаки «системности» и «жизненности», нормативной и ценностной детерминированности, в целом она характеризуется единством всеобщего (родового) и особенного (конкретно—исторического) существования человека.

Родовая (общечеловеческая) культура выражена в виде цивилизационных способов и образцов жизни людей, имеющих общее содержание и распространение в разных общностях или сообществах. При таком понимании гражданская культура суть совокупность ценностных, нормативных и прочих «инвариантов» или моделей человеческого бытия, которые находят свое применение в процессе взаимодействия человека с миром, формируя принципиально иные, чем в «системно—формальном» и «жизнемировом» типах культуры, пространство жизни и ее картину.

Для культуры классического периода характерны также такие свойства, как гуманизм, рационализм и историзм. Гуманизм связан с утверждением пространства личной свободы человека в реальной жизни, рационализм подчеркивает субъективную роль человека в обретении этой сво-

боды, а историзм указывает на направленность культурного развития в сторону расширения прав и свобод людей (признание человеческого и культурного прогресса). Именно в данное историческое время появляются реальные предпосылки для формирования гражданского типа личности и гражданской культуры.

Современный человек — это, прежде всего, свободный человек, который несет в себе такие свойства, как интерес ко всему новому, постоянную готовность к изменениям, разнообразие взглядов, ориентация на значимую информацию, рациональное использование времени и имеющихся в его распоряжении ресурсов, личное достоинство, партикуляризм и оптимизм<sup>11</sup>.

В неоклассический и постклассический периоды развития культуры как искусственно создаваемого пространства человеческой свободы происходят существенные изменения. Вместо принципов современной, классической культуры формируются представления о необходимости защиты всех цивилизационных форм жизни людей («простых», примитивных и сложных, традиционных и современных), плюрализм (плюрализация жизненного мира ведет к децентрализации «системного»), децентрированность, маргинальность и неоднородность социокультурного пространства жизни, разнонаправленность и многовариантность культурного развития, автономизация индивидов и безсубъектность, отсутствие единого центра и источника культурно значимой деятельности людей и другие.

Постсовременная культура как способ выживания человечества характеризуется в целом возвратом к первичным формам существования людей — к природе, традиции, повседневности. В этой культуре, по словам Э.А. Орловой, «акцент переместился на те незамечаемые, но действительные свойства человека, которые определяют его отношение с окружением, делают их автономными по отношению к разного рода институциональным (политическим, экономическим, познавательным) структурам. Речь идет о тех неотрефлексированных механизмах, которые восстанавливают ткань культуры в повседневных контактах людей, воспроизводят микропорядки в динамичной жизненной среде...»<sup>12</sup>.

Следовательно, надо полагать, что соответствующие изменения происходят и в гражданской культуре — способе предметно-символического выражения родовых начал человеческой жизни в рамках конкретно-исторического общества.

---

<sup>11</sup> См.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 136.

<sup>12</sup> Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 199. С. 203.

---

В социальной науке можно выделить сегодня три различных точки зрения по проблеме формирования гражданской культуры. Она рассматривается как:

1) продукт “естественного развития” социума, естественного в том смысле, что она складывается спонтанно в процессе общения и взаимодействия людей и на основе существующих традиций (эволюционистская модель);

2) “искусственное” изобретение, созданное людьми и являющееся результатом их рационального выбора (рационалистическая модель);

3) “смешанная”, естественно-искусственная система, соединяющая в себе формально-рациональные и спонтанные жизненные процессы в социуме (“смешанная”, институционалистская модель).

Мы считаем, что гражданская культура олицетворяет собой не столько определенную эпоху в историческом развитии социума, сколько часть всей общекультурной эволюции человечества.

### ***Проблемы формирования гражданского этоса субъектов в современном мире***

Что же непосредственно делает человека представителем гражданского общества и носителем определенной гражданской культуры? Получает ли он совершенно новое состояние или качество свободы в процессе гражданской социализации? Каковы, наконец, факторы становления гражданского этоса личности?

Ответы на эти и другие вопросы вытекают из самой сути гражданского общества как особого типа социальности. Такая социальность, как справедливо отмечают В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, в отличие от рода, общины, сословного объединения и иных естественно-социальных общностей — продукт Нового времени и складывающейся индустриально-урбанистической цивилизации. Этика и культура этого общества проявляются в той сфере, в которой «индивиды выступают как граждане, а не как подданные, и действуют, определяя свои жизненные стратегии, самостоятельно: будь лицом и уважай другие лица!»<sup>13</sup>.

Соглашаясь в принципе с такой трактовкой гражданственности как особого типа нравственной культуры или гражданского этоса личности, мы, тем не менее, не можем принять точку зрения вышеназванных авторов, согласно которой гражданская этика локализуется исключительно в сфере частных отношений и интересов людей как независимых производителей и потребителей.

Наша позиция в данном вопросе сводится к следующему: *гражданственность складывается только там и тогда, где и когда люди находятся*

---

<sup>13</sup> Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен ко-эволюции // Социол. исслед. 1991. № 7. С. 38.

*во всеобщих (универсальных) отношениях с миром (и друг с другом), становясь при этом представителями всего человеческого рода и поднимаясь на высоту его всеобщих, т.е. общеродовых интересов.*

Попытаемся обосновать данное положение, не вступая в открытую полемику с авторами предлагаемой выше позиции.

*Во-первых*, гражданский этос личности возникает не между политической культурой и слоями обыденного, зачастую ложного сознания, а внутри родовой культуры как ее особенная часть и специфическое ментальное образование. Его особенность и самобытность определяется направленностью личности не на утверждение примата личного интереса или свободы морального выбора, что имеет место в частной сфере жизненного мира людей, а на раскрытие родовых сущностных сил человека посредством тех исторических и национально-специфичных форм культуры, которые предоставляют ему реальные свободы и права. А это — не только предпринимательский этос, трудовая и профессиональная мораль, этика дела или успеха, конкуренции и соревновательности.

Скорее, к культуре гражданственности и ее доминирующей черте — гражданскому этосу — следует отнести такие принципы и условия, как свободное и разностороннее развитие человека в пределах данной социокультурной формы; приоритет и конкретно-историческая реализация общеродовых («общечеловеческих») ценностей; достижение единства индивидуальных и общественных интересов, наличие согласия по принципиальным мировоззренческим вопросам, где определяющим является отношение к человеку; установка на освобождение человека от сковывающих его творчество природных и социальных уз; требование защиты конкретных прав и свобод личности; признание уникальности каждого человека и значимости всех цивилизованных форм жизни, плюрализм и др.

Не абстрактные идеалы свободы или формальное равенство, составляющие ядро идеологизированных представлений об общечеловеческих ценностях, а реальная свобода человека, рассматриваемого в определенных культурно-исторических условиях, — вот, что является критерием гражданственности, с нашей точки зрения.

В этом плане» гражданственность близка по своему смыслу цивилизованности. Еще раз подчеркнем, что гражданские права и свободы мы понимаем не как одну из разновидностей прав и свобод человека, а как особенное, конкретно-историческое и социокультурное выражение его всеобщих родовых свойств.

*Во-вторых*, гражданская культура и гражданский этос личности появляются в ходе преодоления противоречий между двумя мирами и соответствующими им типами культуры — «системным» и «жизненным».

Именно к системно—формальному миру относятся, с одной стороны, культура политического участия и государственного управления, демократия и политические свободы граждан, а, с другой - культура экономического успеха, в т.ч. предпринимательская этика, а также такие качества человека, как деловитость, служение общему делу, готовность к риску, честность в деловых отношениях. Попытки навязать гражданскому этосу принципы деловой, профессиональной или иной “системно-формальной” этики означают на самом деле «растворение» практической деятельности человека как целостного, родового существа в логике системного мира, в котором формальные возможности не всегда подкреплены реальными условиями человеческого существования.

Таким же образом обстоит дело с культурой «жизненного мира», которая «обслуживает» частные интересы и потребности людей, их объединений. Никакие неформальные связи людей, осуществляемые «по горизонтали», или их обязанности перед семьей, коллегами, партнерами, членами многочисленных сообществ не могут заменить гражданских отношений, гражданского долга, которые ориентированы не просто на общественный или индивидуальный интерес, а на исполнение родового предназначения человека, на осуществление его подлинной миссии в этом мире.

Поэтому можно принять полностью утверждение авторов (оно, кстати, противоречит логике их предыдущих представлений) о том, что, ко—эволюция этики гражданского общества и политической деятельности заработает в полную меру лишь тогда, когда пойдет по пути одновременного углубления автономизации и универсализации личности.

Приведем собственное высказывание вышеупомянутых авторов: «Интересы, взгляды, моральные предпочтения, «репертуар» свободного выбора определяется при этом не столько высокой степенью слитности личности с группами, вынужденной навязываемой групповой (производственной, профессиональной, территориальной, поколенческой, этнонациональной, партийной и т.п.) принадлежностью, сколько шириной ее умственного кругозора, уровнем знания, неповторимостью. Именно они характеризуют личность как универсальное существо (идентификация с человеком, вселенская ориентация поведения), плюралистическое существо (идентификация с множеством групп и ассоциаций), как члена новой становящейся постиндустриальной или глобальной цивилизации»<sup>14</sup>.

Пожалуй, трудно более удачно сформулировать те черты личности, которые, безусловно, относятся к ее гражданскому этосу. Его обязательные

---

<sup>14</sup> Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен ко-эволюции // Социол. исслед. 1991. № 7. С. 38.

слагаемые — исторически обусловленная универсальность, плюралистичность и автономия, в т.ч. свобода нравственного выбора — рассматриваются нами в качестве предпосылок дальнейшего развития гражданского общества по пути его трансформации во «всемирное гражданское состояние». Они выражают ступень творчества родовой жизни людей, поднявшихся до осознания общечеловеческих интересов и взявших на себя бремя ответственности за судьбу всего человечества. Родовая жизнь человека, ставшая предметом индивидуального и коллективного творчества, соответствует более высокому уровню развития гражданской культуры и личности.

*В—третьих*, нравственный характер гражданского этоса обусловлен, прежде всего, потребностью субъекта в достижении личной (индивидуальной) свободы и самовыражения, а также необходимостью соблюдения им прав и свобод другого человека.

Можно присоединиться к мнению тех исследователей, которые усматривают существо личной свободы в стремлении человека быть самим собой, полнокровно реализоваться, в полноте его жизненных проявлений и в пределах достигнутого уровня независимости и равенства. Сфера личной, персональной свободы человека — это пространство интимного, сугубо личностного или личностно значимого отношения к миру и самому себе. Она наделяет человека правом авторства на собственную жизнь и на результаты его деятельности в окружающем мире.

Личная свобода предполагает в качестве своего дополняющего единства признание свободы другого человека на самопроявление и самовыражение, а также оказание ему содействия в свободном развитии. Как известно, можно быть свободным в полном смысле лишь тогда, когда свободны другие люди, окружающие тебя или связанные с тобой совместной жизнью. «Моя свобода равносильна точно такой же свободе находящегося рядом человека, т.е. обе инстанции свободы абсолютно равны по определению». Социальный смысл гражданской свободы заключается в добровольном служении общему делу, в принятии на себя ответственности за других.

*Гражданская свобода*, если отвлечься от ее формально—юридического определения, т.е. от политически и юридически декларированных прав и свобод, означает реальную возможность и реальное право быть субъектом родовой деятельности с учетом национально—специфических и культурно—исторических ограничений, налагаемых данным социумом или группой. В широком смысле она тождественна пространству свободного осуществления родовой деятельности человека в целом, а в более узком смысле — относительной свободе и самодеятельности субъекта, существующего в определенных социокультурных условиях.

Родовой человек — это не абсолютный идеал, а скорее идеальный тип, предел желаний и социальных устремлений всякого разумного существа, осознавшего свою ответственность за судьбы мира и окружающих его людей. Поэтому гражданственность личности есть не только высокое нравственное подвижничество, служение всему человечеству, но и готовность удерживать целостность жизни в будничных делах и маленьких поступках, сколько бы незначимыми они не казались.

Для иллюстрации данного тезиса приведем слова Вивикананды. «В высоком положении, — писал он, — кто угодно может быть великим... Все более и более истинное величие представляется мне в образе червячка, который делает свое дело молча и постоянно, из часа в час, из минуты в минуту!»<sup>15</sup>.

Реализация гражданской свободы требует невероятных нравственных усилий и творческого напряжения не столько при совершении масштабных дел и событий, сколько в повседневных делах и поступках личности. Быть субъектом истории человеческого рода — это не значит выйти на уровень надличностных, социально значимых достижений, оставить свой, незабываемый след на земле, запечатлеть себя в культурных памятниках и грандиозных, невиданных по своему размаху, свершений. Это значит осуществить себя во всей полноте проявлений своей жизнедеятельности, во множестве видов взаимодействия с другими людьми, в тех или иных группах, идти к большим делам через малые, приблизиться к реализации образа родового человека в его конкретной, единичной форме, соединяющей в себе «системные» и «жизненные» начала.

Таким образом, гражданский этос (как конкретное выражение исторически определенной культуры гражданского бытия людей) включает в себя в качестве своих «искусственных» (рациональных) предпосылок элементы родовой культуры и этики (всеобщих идей, принципов, норм и ценностей), а в качестве «естественной» (спонтанной) основы — культурно-нравственное наследие тех или иных народов, общностей (особенных культурных идей и образцов), представителем которых является конкретная личность. Он представляет собой идеальное и реальное воплощение обобщенного образа культурно освоенного пространства человеческой свободы в пределах конкретно-исторического социума, принадлежащего к современной промышленной (индустриальной) цивилизации.

Итак, комплексный анализ социокультурных предпосылок и оснований гражданского общества предполагает последовательное изучение его структурных компонентов, сущностных свойств субъектов и особенностей их культурного развития в условиях современного социума.

---

<sup>15</sup> См.: *Роллан Р. Жизнь Рамакришны; Жизнь Вивекананды*. М., 1991. С. 332.

П.К. ГРЕЧКО

## ПОНЯТИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Современное состояние социально-гуманитарного познания – как за рубежом, так и в нашей стране – отмечено рядом мировоззренческо-методологических сдвигов. Наряду с лингвистическим и коммуникативным, все большее внимание исследователей привлекает сегодня микро- и мезофилийный сдвиг, т.е. переход к изучению малых и средних (промежуточных, опосредствующих) форм реальности. Заметное место в их ряду занимают локальные или местные сообщества.

Факторов и обстоятельств, актуализирующих данную ситуацию, много. Но поскольку большинство из них органически входят в содержательный анализ самой проблемы (местного сообщества), то здесь укажем лишь на следующее.

В ориентации на (местное) сообщество успешно реализуется одна из базовых потребностей человека, удачно названная А. Маслоу потребностью в принадлежности (к той или иной общности), причастности и привязанности (*belongingness and affection*)<sup>1</sup>. Ясно, что индивид принадлежит одновременно к разным общностям, включая человечество в целом, но ближайшим и наиболее полным образом, как говорится, и умом и сердцем, – к общности или сообществу местного масштаба. В терминологии Р. Ольденбурга местное сообщество предстает в виде «третьего места» (наряду с «первым» – домом и «вторым» – работой) – нейтрального публичного пространства, где люди могут встретиться, неформально пообщаться, неспешно обсудить волнующие их вопросы<sup>2</sup>. Такие формы «третьего

---

**Гречко Петр Кондратьевич** – доктор философских наук, заведующий кафедрой Российского университета дружбы народов (Москва).

---

<sup>1</sup> *Maslow A.H. Toward a Psychology of Being. N.Y., 1968.*

<sup>2</sup> *Oldenburg R. The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and other Hangouts at the Heart of a Community. N.Y.: Marlowe & Company, 3rd Edition, 1999.*



места» как главные улицы, кафе, пабы, парикмахерские, почтовые отделения, книжные магазины и т.д., автор называет «сердцем социальной жизни (vitality) сообщества, исходно-базовым уровнем (grassroots) democracy».

Проблема местного сообщества существенно контекстуализируется также многочисленными несбалансированностями современного мира. Пожалуй, самая яркая из них – несовместимость, как пишет А. Этциони, «чрезмерной [индивидуальной] свободы» (Запад, Соединенные Штаты) и «чрезмерного [социального] порядка» (Азия, Ближний Восток), противоречие, прежде всего на уровне отдельных обществ, «между универсальным характером прав человека и общим благом»<sup>3</sup>. Будучи «срединной» реальностью, местное сообщество призвано опосредствовать и тем смягчать указанные крайности.

Нельзя не сказать здесь и о кризисе личностной идентичности, до предела обостренном современными глобализационными процессами, – процессами, несущими с собой, наряду с благоприятными изменениями и последствиями, космополитическую неукорененность или бездомность, социальную негарантированность и экзистенциальную напряженность бытия. В этих условиях местное сообщество оказывается чуть ли не «спасательным кругом» жизни для индивидов. А с учетом мезоисторического расширения его можно рассматривать как одну из самых ярких форм реализации тенденции к глокализации (органическому сочетанию планетарного и локального).

Местное сообщество – предмет комплексного (много разных уровней, планов, аспектов) исследования. На комплексности, однако, останавливаться нельзя – нужно идти дальше, решительно сопрягая широту с глубиной, направляя все когнитивные усилия на целостный образ предмета.

Целостный образ предмета под именем «местное сообщество» с определенностью просматривается только на пути его эволюционно-исторической интерпретации, предстающей в единстве своих ретроспективной (прошлой) и проспективной (будущей) сторон. На этом пути удастся выявить реальный background проблемы, понять, на какой конкретно вызов отвечает ее решение, показать в общих чертах нормативность ее социально-технологического бытия.

Категоричность наших суждений и усилительно-ограничительное «только», надеемся, не смутит, не введет в заблуждение нашего читателя. Ничего, кроме авторской преданности предмету исследования, за ним

---

<sup>3</sup> Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 316, 317.

не стоит. В действительности, мы претендуем на выдвижение и некоторое подтверждение одной интересной, опять же на наш взгляд, гипотезы. Суть ее вкратце такова. Существует два способа организации общественной жизни или два типа общества: коммуналистский и ассоцианистский. Следуя терминологии Ф. Тённиса первый тип можно назвать *Gemeinschaft*, а второй — *Gesellschaft*. В русской социально-гуманитарной мысли коммуналистский уклад жизни лучше всего схватывается термином «община», а ассоцианистский — собственно или просто «общество». Община и общество не просто разные, а противоположные — традиционный и современный — уклады жизни. Исторически накопившееся напряжение между ними исторически снимается как раз сообществом (акцент на совместность, целостность, «связность»). Учитывая «предметную» продвинутость Запада в данном вопросе (интересующая нас реальность представлена там, пожалуй, наиболее развитыми своими формами), а также ориентируясь на доминирующую ныне терминологическую номенклатуру, мы будем пользоваться русской калькой английского community — комьюнити. Это расширит наш исследовательский горизонт, позволит не отступаться в общинное прошлое и сосредоточить внимание на современности (современной специфике) феномена сообщества. Иначе говоря, с помощью комьюнити-сообщества мы успешно обходим методологическую трудность, связанную с необходимостью называть прежним именем (общиной) то, что наполнено уже иным содержанием.

### **Община, или коммуналистский уклад жизни**

Коммуналистское общество — древнейший способ организации совместной жизни людей. Его классическими примерами можно считать исторически примитивные племена и средневековые европейские города-коммуны, а также деревенскую общину («миръ», «сельское общество») дореволюционной России. У русской общины, кстати, было еще одно название — «общество», хотя его более строгое значение ограничивалось домохозяевами или главами крестьянских дворов, имевшими право голоса на сельском сходе. Особый вид коммуналистского устройства жизни представлен античным полисом — гражданской общиной древнегреческих и древнеримских городов. В полисной общине органически сочетались собственно общинные и общественные (государственно-гражданские) начала.

Можно, следовательно, говорить о том, что в исторической перспективе, открывающейся как переход от простого к сложному, от гомогенности к гетерогенности, от синкретизма к дифференциации и специализации, от природно-стихийного к человечески-конструктивному и т.д.

община принадлежит прошлому, т.е. доиндустриальному (домодерному) этапу в развитии человечества. В то же время необходимо отметить, что эта перспектива имеет прямое отношение только к исторически продвинутым, в полном смысле, современным обществам. Современным не в календарном или астрономическом, а в социально-историческом смысле. В действительности темпоральная структура нынешнего человечества многослойна. Социально-историческое время течет по-разному в разных обществах. Современный (в календарном смысле) мир представляет собой развернутую в пространстве настоящего всю историю человечества — от первобытной до постиндустриальной (постмодерной) его эпох. Община и общинность поэтому продолжают существовать и в наши дни. В самых разных формах и проявлениях: как по-прежнему коммуналистски, общинно устроенное общество, как отдельный уклад в целом ассоцианистского общества, как кланы — замкнутые группировки этнического, религиозного, политического и др. характера в составе вполне современных обществ, как “голос архетипа” в национально-этническом менталитете, как фольклорные традиции и обряды и так далее. Короче, немало людей и в современном мире продолжают жить общиной, исповедуют замкнуто-общинный образ жизни. Наши предприниматели, в частности, до сих пор жалуются на общинность в ментальности, на общинные отношения в жизни россиян<sup>4</sup>.

Имея коммуналистский уклад жизни, община характеризуется целым рядом специфических особенностей. Прежде всего ее отличает сравнительно невысокий уровень разделения труда и специализации социальных ролей. Исходно-значимыми являются здесь два фактора: половой (мужчина—женщина) и возрастной (младший—старший). Мужчина занимается в основном хозяйственными (добытчик), военными и общественными делами, а женщина поддерживает домашний очаг, растит и воспитывает детей. Дети, в свою очередь, помогают родителям — опять же в соответствии с полом и возрастом.

Характер разделения труда определяет, в конечном счете, и тип социальной солидарности. В случае общины солидарность складывается как нечто механическое в отличие от общества, где она демонстрирует свою органическую определенность (терминология Э. Дюркгейма). Механическая солидарность общины вытекает из сходств (совпадения, похожести, общности), а не сингулярностей и различий, в ней индивидуальное полностью (обратная пропорциональность) подчинено коллек-

---

<sup>4</sup> См., например: Матрица Теплухина: до и после первого миллиона / П. Теплухин. М., 2008. С. 43-45.

тивному. Автономной личности, как и свободной инициативы, здесь еще нет, индивид — «вещь, которой распоряжается общество». Действительным субъектом социальных действий выступает здесь не отдельный человек, индивид, а их совокупность — сам общинный коллектив. Независимые, частичные индивиды «суммируются» в единое целое, и только его существование считается по-настоящему значимым. Механическая солидарность общины исторически соотнесена с общей собственностью на средства производства (прежде всего землю) и жизнеобеспечивающие продукты совместного труда. Она является также важным ресурсом общинного самоуправления, где все вопросы решаются большинством голосов на общем собрании членов общины.

Вся многообразная жизнь в общине восходит к семье и связанным с ней кровнородственным отношениям. Супружеские, родительские и т.п. функции служат моделью для организации или социальной институционализации всех остальных функций общества. Семейную «матрицу» имеют в своей основе все три исторически сменяющихся формы общины — родовая, домашняя (домовая, большая семейная) и соседская (земледельческая). Кровнородственные корни остаются крепкими даже в соседской общине, т.е. там, где историческую силу обретает уже территориальный принцип объединения людей и важную роль начинает играть культурно-языковая общность. Смена эпох в истории самой семьи — переход от матриархата, где главенствует женщина, к патриархату, отличающемуся доминированием или господством мужчины, — тоже опирается, хотя и ближайшим образом (на авансцену истории выдвигаются уже отношения собственности, экономические факторы), на кровные связи, в первом случае — по материнской линии, во втором — по отцовской.

Производительные силы общины развиваются медленно, в ритме кумулятивного эволюционизма. Отсутствует то, что экономисты называют отложенным спросом, т.е. способностью производить не ради насущных или текущих потребностей, а ради будущего. Община, по идее, берет от природы ровно столько, сколько нужно, и ничегосверх того. Ее экономику поэтому следует определить как природосберегающую. Натуральное хозяйство, столь характерное для коммуналистского общества, органически вписывается в природные циклы и балансы. Хотя технологически общиной пройден немалый путь от каменных орудий до средневековых цехов и мануфактур, ей, в целом, все же не хватало динамизма и того, что можно было бы назвать историческим энтузиазмом. Ведущие детерминанты общины инерционно-культурные, а не инновационно-техногенные.

Важным, чтобы не сказать определяющим, компонентом общинной социальности является традиция. Общину поэтому справедливо назы-

вать традиционным, а еще точнее – традиционалистским обществом. Традиция представляет собой особый способ или механизм передачи исторического опыта, обеспечения преемственности и устойчивости в индивидуальном и общественном развитии людей. Доверие и подражательное (готовность повторять, воспроизводить, подражать) отношение к составляющим данный исторический опыт верованиям, взглядам, знаниям, а также практическим навыкам и умениям, основываются на самом факте их возникновения и существования в прошлом. В традиции прошлое господствует (доминирует, превалирует, «приоритетствует») над настоящим. «Тогда», в прошлом, был создан этот мир; теперь, в настоящем, он просто продолжается, поддерживается, повторяется. Не только настоящее, но и будущее, которым в других условиях вдохновлялось бы настоящее, подгоняется так или иначе под прошлое, предстает как его реминисценция. Данное положение вещей закрепляется также доминированием нравственно-религиозных ценностей над ценностями инструментальными. Главное – не цель, пусть и сулящая немалый успех, а ценность, или некая трансцендентная идеальность, которая при этом реализуется.

Строго говоря, традиция имеет дело не просто с умениями и знаниями, а с их образцами – образцовыми умениями и знаниями. Как образец традиция отсекает и пресекает всякие новшества и улучшения, всякую креативную активность, однозначно оценивая все эти инициативы как вредное отклонение от того, чему по определению нужно только следовать. Все новое, если оно там, в общине, вообще появляется, подается и воспринимается как переоткрытие старого, возвращение к истокам, «старому доброму времени». Общество коммуналистского типа характеризуется тем, что можно было бы назвать геронтократией: чем старше, тем умнее, чем древнее, тем совершеннее, чем (темпорально) глубже, тем истиннее. Традиция есть что-то вроде социального инстинкта, т.е. исторически унаследованной способности совершать действия (целесообразные и не очень) по безотчетному побуждению. Это некий автоматически работающий механизм, окруженный почетом и уважением, да к тому же религиозным или светским образом (через соответствующую идеологию) сакрализованный.

Как социальный инстинкт традиция представляет собой особую взаимосвязь индивида и (коммуналистского) общества. Ее отличают внутренняя недифференцированность, слитность, сращенность. И «бездистанционность», если воспользоваться удачным термином В.С. Барулина. Здесь нет простора или зазора для маневров ни со стороны индивида, ни со стороны общества. Со стороны индивида понятно – это полный социальный контроль, прямая зависимость от общества. Но, оказывает-

ся, есть и обратное движение – приватизация социальных институтов, индивидуальный (не должностной, не служебный) окрас власти, прав, полномочий. Итак, общинность как «мир без социальной дистанции» живет «непосредственным тождеством социально-всеобщего и частно-индивидуального»<sup>5</sup>.

Эффективность работы традиции находится в обратной зависимости от течения времени, хода истории: чем сложнее и продуктивнее становится жизнь, тем чаще традиция оказывается недостаточной, не срабатывает, дает ощутимые сбои. На помощь приходит ритуал. С его помощью традиция упрощается, формализуется и стилизуется. Специально подобранными, торжественно впечатляющими словами, жестами и действиями ее непомерно нагружают «жизненным» смыслом. Как результат, традиция становится все более и более символической, отвлеченной, номинальной. На этом пути она окончательно и изживает себя. От традиционализма остается один самореференциальный символизм, историческая эффективность сменяется историческим впечатлением, т.е. инерционной торжественностью эффекта. По-другому – церемониями, которые уже стесняют, мешают, не позволяют индивидам быть адекватными реально складывающейся (меняющейся) ситуации. Всего пара локомотива истории хватает теперь только на гудок. На месте некогда исправно работающего механизма оказывается один кожух, внешняя оболочка, пустая форма. Жизнь устремляется в другое русло.

Как социально-исторический феномен традиция накладывает свою печать на все, с чем соприкасается, что попадает в орбиту ее влияния. На человека, – превращая его в социально-типажное лицо, не давая ему развиваться как индивидуально-личностному существу. На свободу, – изменяя ее до неузнаваемости коллективной волей в форме ответственности всех за каждого и каждого за всех, проще говоря, круговой поруки. На общество, – блокируя социальные изменения, замедляя историческое развитие (непрерывно возобновляемый статус-кво, только санкционированные начинания).

К традиции в общине восходит также легитимность – внутренняя одобряемость (понятность, законность, справедливость) власти и устанавливаемых ею порядков или правил. Иными словами, общинная легитимность основывается на уважении к «далекому прошлому», его обычаям, обрядам, культурным верованиям.

Традиция, традиционность обеспечивает известную комфортность (сам этот термин, заметим, – из других, постобщинных времен) бытия.

---

<sup>5</sup> Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб., 2000, С. 244.

Правда, без «соли», без тех острых ощущений, которые может принести с собой только контраст изменений. Лишая общинную систему внутренних инициатив и внешних влияний, традиция достаточно успешно защищает ее от потрясений, нестабильности, риска — за счет лишения людей самостоятельности, творчества и свободы, но это уже другой вопрос. Он не может перевесить простого, но очень значимого здесь пожелания: «не дай вам Бог жить во время перемен».

Община задает статусно-центрированный образ жизни. Это означает, что не личность определяет статус, а, наоборот, статус — личность, что функции или роли, выполняемые людьми, находятся в зависимости от таких аскриптивных, т.е. предписанных, заданных, критериев, как возраст, пол, принадлежность (это здесь главное) к тому или иному роду, социальному слою. Усилия, направленные на исправление этой ситуации, к успеху, как правило, не приводят. Чаще всего они и не предпринимаются, не вызревают. Люди принимают как естественное или должное сложившийся общественный порядок, устоявшиеся связи и зависимости. Социально-статусная предопределенность жизненного пути человека сводит на нет все его инициативы и индивидуальные самоопределения.

Общинная социальность носит «закрытый» характер. Отсутствие или резкое ограничение социальной мобильности — пожалуй, самая яркая форма этой закрытости. Человек в коммуналистски устроенном обществе не имеет возможности активно перемещаться в рамках сложившейся социальной структуры, подниматься по социальной лестнице, менять (повышать) свой социальный статус, расти в зависимости от личных успехов и достижений. Яркие свидетельства такого положения вещей — кастовая и сословная системы стратификации, а также ценностно фундирующая их религиозная легитимация: у каждого своя судьба, свой удел, свой угол на этой земле; оставайся там, куда поместил тебя Бог, возвышение — проявление гордыни, одного из семи (по средневековой классификации) смертных грехов.

«Закрытым» в условиях общины является и мировоззрение. Оно насквозь циклично, а исторически позднее эсхатологично. Нам трудно себе представить, но древний грек, например, жил с сознанием того, что все лучшее уже позади. В этом его убеждал миф о золотом веке. Миф о том, что когда-то, в самом начале мира люди жили в радости, равенстве и братстве, не знали ни изнурительной работы, ни болезней, ни других каких-то расстройств и неприятностей. За золотым веком, однако, с необходимостью следовал серебряный, затем медный и железный. Это фактически скольжение по наклонной плоскости зла и порока. «Железный» конец есть подведение черты под этой циклически неизбежной деградаци-

ей. Он обычно представлялся в виде мирового пожара или потопа (иногда последовательно того и другого), после которого все начиналось сначала, время вступало в новый цикл.

Эсхатология разрывает мифологический цикл и вытягивает его в линию, однозначно направленную в будущее. Но она тоже имеет свои пределы и в этом смысле замкнута, закрыта. С одной стороны, ее ограничивает четко определенное начало, т.е. творение мира, а с другой – столь же четко определенный (предопределенный) конец – судный день.

Закрытость инновациям и движению вперед объясняет неспешность, если не дремотность, исторического бытия общины. И действительно, к чему спешить, зачем торопиться, если все усилия непременно гибнут («загибаются») в круг, оборачиваются повторением или идут к неизбежному концу? Границы между историческими стадиями общинного развития едва различимы, отсутствуют резкие сдвиги и радикальные толчки. Аграрный, естественно-циклический уклад жизни, слабое развитие института частной собственности к этой неторопливости вполне располагали.

Историческое существование общества на коммуналистской стадии его развития было достаточно изолированным, во всяком смысле более изолированным, чем в последующие века. В нем локальное и региональное преобладало над универсальным. И это тоже можно рассматривать как некую его «закрытость».

Закрытость (для более широких отношений и связей) уплотняла отношения между людьми до личной преданности и зависимости. Что вполне понятно: при низком уровне технологического развития (во всех областях деятельности, жизни) только непосредственные контакты, личная причастность, индивидуальная вовлеченность могли обеспечить движение знаний, навыков, умений от учителя к ученику, от мастера к подмастерью, от поколения к поколению. Движение это имело форму передачи рецептов, секретов, тайн, заветов. Решалась тем самым и определенная социальная задача. Так, присяга, которой в средние века ритуально скреплялись отношения между вассалами и сеньорами, по-своему уравнивала участвующие стороны, придавая их взаимосвязи оттенок простого покровительства отца сыну.

Пропитанные личным (лицом к лицу) началом, отношения между людьми в общине устойчивы, неизменны и продолжительны: люди знают друг друга поколениями. Вырабатываемые в рамках данных отношений стереотипы восприятия друг друга не акцентируют и тем принижают, сводят на нет творчески девиантные нюансы поведения. Общинный образ жизни исключает выделенную (автономную) личность, действительно индивидуальную субъективность. Это не значит, что там нет



заметных, ярких, выдающихся среди других индивидуумов. Они, несомненно, есть, но их социальная роль ограничена умением ярко и убедительно выражать коллективные устремления, верования и представления.

Общинность как социальность глубоко холистична. Она выстроена или организована как жесткое целое. И не просто как целое, а как явно превалирующее, доминирующее (по отношению к своим частям) целое. Человек в нем не просто часть – частичен. Он живет сочетанием, сложением, дополнением, а не дифференциацией, выделением, обособлением. Он значим постольку и настолько, поскольку и насколько функционален, т.е. вносит свой вклад в целое, обслуживает его интересы, реализует его цели. Бытийно не самостоятельные, частичные индивиды сливаются в единое целое, и только его существование считается по-настоящему значимым. Холистическим это целое называется еще и потому, что индивид *в нем* представляет собой хоть и частичное, но нечто, а *вне его* он сущее ничто, или нечто бесхарактерное и безвольное.

Субъектным аналогом общинного холизма выступает Мы-единство, Мы-идентичность. «Мы» приобретает здесь самодовлеющий характер, вступающий в явное противоречие с самостоятельностью и инициативностью отдельных «я». Общинность, однако, действует таким образом, что данное противоречие как бы и не замечается. Для большинства во всяком случае здесь нет особой проблемы. Не беспокоит и совесть с ее индивидуальной ответственностью, так как она без остатка растворяется в общинной круговой поруке. На пике общинного энтузиазма может звучать и такое: «Я не хочу быть Я, я хочу быть Мы». Мы-единство имеет достаточное историческое оправдание: целое когда-то могло развиваться только за счет частей, составляющих его членов.

Община, общинность неравнодушна к равенству. Обычно ее и представляют как систему равенства. Но это равенство, во всяком случае в развитой своей форме, не эгалитарное. Всеобщая уравнивательность не выступает здесь принципом организации социальной жизни. Коммуналистское общество устроено вертикально, сверху вниз. Равенство в нем поэтому тоже вертикально. Вертикальное равенство – это когда все равны, но при этом есть «более равные», те, которые «равнее», перед ними-то и положено склонять голову. Положено не кем-то или чем-то, а традицией – органично, мягко, незаметно. Все прекрасно понимают: «Что положено Юпитеру, то не положено быку». Вертикальное равенство есть равенство людей перед законом субординации – всеобщего подчинения «младших» «старшим», последние при этом безусловно и всегда правы. Исключения не допускаются, в том числе и для того, кто возглавляет общинную вертикаль. Как «смертный Бог» он должен подчиняться «бессмертному Богу».

Общинное равенство есть равенство иерархическое. Иерархия выступает в качестве глубочайшей связующей и животворящей силы в коммуналистски устроенном обществе. Коммунализм — это одновременно и иерархизм.

Для архаически общинного мышления семья, род, другие человеческие общности оказываются устроены подобно друг другу. Социальный мир складывается в своеобразную матрешку, в которой более широкая общность охватывает, включает в себя более узкую. Охватывает, защищает, управляет — все это одна функциональная цепочка. Она однозначна и последовательна в формировании убеждения, что более низкое обязано своим существованием более высокому. По-матерински теплая матрешечная иерархия дает ощущение прочности (существующих общественных порядков) и полной жизненной защищенности (индивида, группы).

Иерархия снимает или смягчает явные противоположности или крайности. Она эти крайности методически, шаг за шагом опосредствует, сближает, завязывает друг на друга. Иерархия, в частности, делает менее напряженными и социально взрывными жизненные притязания, сравнения-противопоставления отдельного человека, так как ограничивает, умеряет их этическим горизонтом и социальным воображением «своего» окружения, «своей» группы. Не надо претендовать на очень многое, тянуться слишком высоко, будь самим собой, а значит — в «своем» круге, среди себе подобных. До короля и Бога далеко, лучше обратить внимание на тех, кто живет и работает рядом, составляет ближайшее окружение. И силы экономятся и расстройств меньше. Иными словами, иерархия значительно повышает порог терпимости и готовности безропотно страдать, сносить несправедливость, унижения, обиды. Она примиряет человека с жизнью, какой бы тяжелой и беспросветной она ни была.

При всем том иерархия невозможна без дуализма, дихотомического деления-противопоставления. И в каждом своем звене и на уровне целого — того же Мы-единства. У него два прямо противоположных вектора: внутренний и внешний. Внутренний указывает на «своих», «наших», собственно «Мы», внешний — на «чужих», «врагов», подозрительно-безликое «Они». Мораль и поведение среди «своих» имеют одну (гостеприимную, «теплую») определенность, среди или в направленности на «чужих» — другую (равнодушную, отстраненно «холодную»). По отношению к «чужим» допустимо и то, что однозначно нетерпимо в своей среде, по отношению к «своим». Община не знает человека в родовой или универсальной его определенности, она всецело ориентирована на его видовые определенности: расовую, этническую, конфессиональную, территориально-политическую. И это — не произвол или невежество, а свидетельство истории

ческой неразвитости самого человеческого индивида, отражение трудного пути восхождения на вершину под названием «Человек». Интересно в данном плане наблюдение К. Лоренца: «В очень многих туземных языках собственное племя обозначается попросту словом «человек». Тем самым лишение жизни члена соседнего племени не рассматривается как настоящее убийство»<sup>6</sup>.

Прочное, надежное и, главное, долгое историческое существование (в смысле жизненной востребованности) общины отнюдь не бесконечно. Расширение круга знаний, рост общей культуры, накопление, пусть и медленное, производственного опыта, рост населения, геополитические изменения — словом, усложнение жизнедеятельности людей подтачивает со временем и общинные бастионы бытия. Они перестают отвечать на вызовы времени, исторически устают, дряхлеют, теряют всякую связь с назревшими потребностями и перспективами жизни. Исчезновение многих древних народов, некогда цветущих государств и цивилизаций является тому убедительнейшим подтверждением. Но это — пессимистический вариант развития событий. Оптимистический же строится на движении от общины к обществу.

### **Общество, или ассоцианистский уклад жизни**

Будем определенны: под обществом, идущем на смену общине, имеется в виду современное общество. Его еще называют индустриальным обществом, в терминах исторического времени — обществом Нового времени или эпохи Модерна. Следовательно, «современное» и «модерное» для нас синонимы. Можно согласиться в этом плане с П. Мананом, настаивающем на том, что общество как таковое есть «постреволюционное открытие»<sup>7</sup>. И действительно, в качестве самостоятельной предметной реальности, реальности, освобожденной от мифорелигиозных и конъюнктурно-политических, в частности, династических, наследственно-вотчинных деформаций, общество появилось на научной (социология) сцене только после Великой французской революции, на рубеже XVIII—XIX вв. XVII в. в этом плане был «подготовительным». Важно подчеркнуть и еще одно обстоятельство: наше осмысление современного (ассоцианистского) общества всецело развернуто на исторический опыт Западной цивилизации. Он, как уже отмечалось, самый богатый и продвинутый в предметно-аналитическом смысле. В его структурной прозрачности рельефно проступают основные тенденции развития человечества в целом.

---

<sup>6</sup> Лоренц К. *Оборотная сторона зеркала*. М., 1998. С. 38.

<sup>7</sup> См.: *Manent P. An Intellectual History of Liberalism*. Princeton, 1994. P. 80-83.

Что сразу же бросается в глаза? В отличие от общины, в обществе отношения между людьми носят анонимный, функционально-ролевой, более формальный и официальный (опосредованный богатством, властью и престижем) характер. В таких отношениях меньше чувств и эмоций, человеческой близости и теплоты, но зато больше социальной упорядоченности, продуктивности и эффективности. В них, по мысли Ф. Тённиса, «естественная» воля уступает место «рациональной». В обществе ассоцианистского типа личная зависимость сменяется вещной, а та, в свою очередь, уже в условиях постиндустриального развития, начинает постепенно трансформироваться в коммуникативно-личностную (свободное развитие Другого как условие свободного развития меня самого).

Но вернемся к нашему представлению «современного» как «модерного». Назвав идущее на смену общине общество модерным, мы тем самым обозначили его главное историческое наполнение — модернизацию. Модернизацию как всесторонний процесс рационализации, в полной мере выявляющий функционально-инструментальные ресурсы разума и человеческой коммуникации.

Модернизация-рационализация, по сути, меняет вековой уклад жизни людей, радикально трансформирует общество и его историческое бытие. На место традиции с ее хождением по циклическим кругам бытия приходит прогресс с его ценностной ориентацией на развитие, страстью к изменениям и верой в бесконечное совершенствование — человеческой природы, социальных институтов, жизни в целом. С переходом от традиций к инновациям история резко ускоряет свой ход (теперь это уже самый настоящий бег), в ее динамику органично входит революция, причем, не как нечто только политическое и разрушительное, а как сущностной скачок, придающий самый мощный импульс развитию во всех областях общественной жизни. От предметов, в самом широком смысле этого слова, начинают отказываться не столько по соображениям их физического, сколько морального, духом времени задаваемого старения-износа. Все эти движения и изменения особенно убедительны в базовой экономической подсистеме общества. Вот что писали по данному поводу в свойственной им классовой манере К. Маркс и Ф. Энгельс: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а, стало быть, и всей совокупности общественных отношений. <...> Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, ве-

ками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают око-стенеть»<sup>8</sup>. Кстати, именно экономика исторически укрепляла тенденцию к рационализации. «Меньше затраты – больше результаты» – эта ее формула может считаться базовой для рационализации во всем многообразии ее проявлений и форм.

С переходом к модернизации и рационализации, в экономическом смысле – к машинной индустрии, качественно возрастает социализация или обобществление труда, что служит еще одним аргументом в пользу исторической трансформации общины в общество. Пожалуй, самым ярким проявлением или свидетельством индустриального обобществления труда является урбанизация, т.е. рост крупных городов, переход к историческому доминированию города над деревней.

Революционная динамика исторического развития разрушает вековую замкнутость или закрытость (кастовость, сословность, клановость) общинного образа жизни, превращая общество в действительно открытую систему. В результате заметно возрастает социальная мобильность. По-прежнему сохраняются многие барьеры и перегородки, более того, возникают новые, но жизненная карьера человека, его подъем по социальной лестнице статусов и позиций все в большей степени начинает зависеть от успешности личных начинаний и инициатив, от индивидуальных достижений в той или иной области деятельности. Социальная породистость в виде «белой кости» и «голубой крови» уступает место социальному демократизму, представляющему собой весьма продуктивное сочетание равенства старта (равных возможностей) и неравенства финиша (конкретно реализованных возможностей). Разумеется, можно указать на формальный характер и того и другого, привести противоположные примеры, но мы ведь ставим вопрос в самом общем виде – как проявление некоей тенденции, вероятностно-статистической по определению.

Модерная рационализация – это историческая утилизация ресурсов инструментального разума, решительно и последовательно «расколдовывающего» (если по М. Веберу) мир. На его суд – без сантиментов, суровый и беспощадный – выносятся теперь все значимые события общественной и личной жизни. Поддержки удостаиваются только те из них, которые выдержали это «раздевающее» (срывающее покровы народной фантазии) испытание разума. Под его пристальным взглядом многое и, в самом деле, оказывается «голым».

---

<sup>8</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. Изд. 2. С. 427.

Инструментальный разум, нацеленный на поиск истины как когнитивной корреспонденции, т.е. соответствия мыслей действительности (а не, как прежде, экзистенциальной, мировоззренческо-смысловой идеи), снабжает человека адекватной ориентацией в мире, даруя ему тем самым свободу, называемую более точно эмансипацией. Эмансипация укрепляет личное достоинство индивида, развивает автономию субъекта, поощряет индивидуально-личностное начало в человеке. Чувствительность ассоцианистского общества к свободе настолько всеохватна и существенна, что его в полной мере можно назвать свободным. Свобода здесь действительно познанная необходимость, но не в вульгарном детерминистском, в частности историко-материалистическом, смысле, а как необходимость быть свободным и уважающим себя человеком. Замкнутый круг свободы подтверждает ее безосновность и социально-историческую самодостаточность — несвобода аморальна, она унижает и оскорбляет человека.

Рационализация переводит страсти, как правило, темные, слепые, в интересы, которые можно не только противопоставлять, но и сравнивать, конкретизировать, сближать, различая «законные», с которыми нужно согласиться, и те, что годятся для компромиссов. Интересы содержательно развернуты на те или иные реальные потребности, и это создает столь же реальную основу для разрешения конфликтных ситуаций и выработки взаимоприемлемых решений. Став общенациональными, интересы перестраивают всю систему властно-политических отношений в обществе. Они избавляют его, с одной стороны, от этнократии, а с другой — от имперских устремлений и поползновений, бездумно, в угоду мифической исторической миссии и всегда чьим-то конкретным амбициям, растрачивающих накопленные силы и возможности. Ассоцианистское общество легко структурируется как нация-государство. Выражение национальных интересов, служение им становится формой легитимации существующего государственного строя, сложившихся общественных порядков в целом. На фоне национально-государственного этническое становится инфраструктурно-факультативным.

Интересы — незаменимый компонент рефлексивной культуры бытия как способности (и необходимости) «отдавать отчет в собственной жизни». Рефлексивную артикуляцию интересов и четкое следование им трудно отделить от эгоизма. Но это все-таки рациональный эгоизм. Его индивидуальные носители не самоуверенны, а уверены в себе, в значимости своих жизненных притязаний, они знают, и достаточно определенно, свои интересы, однако же уважают аналогичные (законные) интересы других, они активно отстаивают эти свои интересы и в то же время внутренне готовы на разумный компромисс. «Не от благожелательности

мясника, пивовара или булочника, — писал в данной связи А.Смит, — ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности их, а к эгоизму, и всегда говорим им не о наших нуждах, но лишь об их выгодах»<sup>9</sup>.

Вместе с обращением к рациональным основаниям бытия в культуре общества входит аналитичность. И не как отдельное направление или течение, а как некое общее качество, особый язык и когнитивный стиль. Дискурс, скажем, может касаться вещей определенно синтетических, метафизических и спекулятивных, но используемые при этом методы и средства могут быть совершенно аналитическими. Они, эти методы и средства, отличаются особой скрупулезностью, тщательностью и внимательностью к деталям, в которых, как известно, дьявол-то как раз и прячется. Аналитичность — это дифференцирующее мышление, непрестанное углубление различия и, как результат, умножение различий. Познавать — значит различать, и потому аналитичность близка, если не тождественна, информативности. Аналитичность — первый, но совершенно необходимый шаг на пути к социальной технологичности, от которой, по причине своей техногенности, зависит цивилизационное развитие общества. Продуцируя различия в форме альтернатив и версий-вариантов, аналитичность работает на свободу: чем больше аналитичности, тем богаче (свободный) выбор. Выбор же и свобода конститутивны для культуры как сферы общественной жизни. В общеисторическом плане культуры как раз и определяют в качестве «царства свободы».

### **Сообщество, или комьюни(ти)стский уклад жизни**

Для начала определимся с понятием комьюнити — непривычным, мягко скажем, для нашей социальной теории. Под ним в современных условиях принято понимать сравнительно небольшой (локальный) популяционный кластер, складывающийся вокруг семьи, домовладения, района проживания (иногда и места работы, как в случае градообразующих предприятий или производств) и базирующийся на повседневных паттернах (моделях) социального взаимодействия — таких как совершение покупок в магазине, так называемый *sale* или *shopping*, хождение в школу, посещение церкви, отдых, деятельность по благоустройству территории, местное самоуправление, различные гражданские акции и т.д. Что касается более широких интересов и потребностей, то они здесь удовлетворяются через взаимоотношения с другими комьюнити-сообществами в рамках «большого» общества. Границы комьюнити задаются со-

---

<sup>9</sup> Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I-III). М., 1993. С. 129.

циальными взаимодействиями, это края или грани их большей внутренней (границами как раз очерчиваемой) плотности. В то же время нельзя недооценивать и собственно локальную или пространственную определенность данных границ. «Пространство, — как справедливо отмечает Э. Гидденс, — не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций своего участия в становлении систем взаимодействия»<sup>10</sup>. Пространственное и социальное в случае комьюнити органически дополняют друг друга. Впору говорить о социальной географии, позволяющей трактовать со-общество как со-присутствие. Как нельзя кстати здесь и «месторазвитие» Т, превращающее территорию из места нахождения в средство социально-исторического преобразования, инфраструктурного, пространственно-коммуникативного обустройства бытия.

Сообщество в форме комьюнити — особый или синтетический тип социальности, в нем удачно сопрягаются коммуналистские и ассоцианистские устои жизни. Это своеобразная материализация ностальгии в форме тоски по соседскому прошлому, возрождение коммунизма, но на качественно новой основе — технологической и, что самое важное, аксиологической (ценностно-нормативной). Здесь изжито чувство осажденной крепости, исторически преодолена узколобая общинность, делящая весь мир на своих и враждебно настроенных чужих. Мы и Они для комьюнити просто Другие — признается, следовательно, право на индивидуальность, личностную автономию, претендующую на значимость самость. «Свои» среди этих других отличаются лишь большей вовлеченностью в местные дела и заботы. При этом всегда остаются открытыми двери и для «чужих» других — пожалуйте, вовлекайтесь, интегрируйтесь, присоединяйтесь.

Но прежде всего, конечно, комьюнити — это дальнейшее развитие ассоцианистского начала жизни, т.е. общества как ассоциации, деятельно-коммуникативного (через социальные взаимодействия) объединения индивидов. Будучи относительно компактной и горизонтальной по своему устройению ячейкой социальной жизни, комьюнити органично вписывается в сетевые структуры современного мира, охваченного или захваченного глобализацией. По идее, современное — как постмодерное — общество представляет собой некое множественное единство. Теперь мы можем уточнить: множественное единство в форме объединения, «сетевого» союза различных сообществ.

Уточним также характер взаимоотношений между сообществами в рамках ассоцианистского постмодерного общества. Вообще-то это сфера уп-

---

<sup>10</sup> Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М., 2005. С. 491.



правления или политики в широком смысле этого слова. Ее реальное функциональное бытие всегда определялось (задавалось) границами властной компетенции. Определялось, задавалось сверху — логикой коленопреклонения, субординации, иерархии или властной вертикали, как принято сегодня выражаться. В ситуации комьюнити данные границы ни в коем случае не отменяются (все-таки порядок должен быть), но меняется, и принципиально, их природа. Теперь они устанавливаются не сверху, а снизу — как пределы развития особенного, местного. На языке политологии эта идущая снизу власть называется субсидиарной демократией. Принятие решений на самом низком из возможных уровней — стержневой принцип ее работы. Наверх передается только то, с чем нельзя справиться (просто не хватает сил и ресурсов) вниз. Стремление хватить через край, проглотить как можно больше независимости и суверенитета умеряются здесь достаточно жесткой (административно-правовой и гражданской) ответственностью за принимаемую на себя свободу. Субсидиарность применительно к взаимоотношениям сообществ играет (должна играть) роль своеобразного структурного принуждения к диалогу, поиску общего языка и жизни вместе. В широкой исторической перспективе она противостоит этническому, религиозному и любому другому сепаратизму, а также уточняет, в духе времени, известное право наций на самоопределение. Его ведь, заметим, можно трактовать неограниченно широко. При том объеме свободы, которой пользуются ныне индивиды, любой хутор может претендовать на отдельное государство. Субсидиарность в высшей степени современна (а современность сущностно расширена сегодня глобальностью), она делает из комьюнити открытую общность, учит людей жить обществом, а не общиной, т.е. закрытой общностью (родом, кланом). Иначе говоря, топос (пространство, территория, земля) комьюнити может оставаться и прежним, старым, но вот ее хронос (время, историческая продвинутость) обязан быть новым. Приоритет здесь, следовательно, за историей, а не географией, за хроно-, а не геополитикой.

Как сравнительно малая (мезо-) форма жизни комьюнити в современных условиях является исторически оптимальным структурно-организационным средством накопления и развития так называемого социального капитала. Под ним, этим капиталом, принято понимать рост доверия, солидарности и толерантности в отношениях между людьми, формирование интереса и внутренней готовности (диспозиционности) к взаимопониманию. «В то время как физический капитал, — пишет в данной связи Р. Патнам, — относится к физическим объектам, а человеческий капитал — к качествам (properties) индивидуумов, социальный капитал представлен связями между индивидами — социальными сетями, нормами взаимности и доверительности, из них вырастающими.

В этом смысле социальный капитал тесно связан с тем, что некоторые называют «гражданской добродетелью». Разница [между этими понятиями] в том, что «социальный капитал» обращает наше внимание на тот факт, что гражданская добродетель наиболее действенна тогда, когда она включена в смысловую сетку взаимных социальных отношений. Общество, состоящее из множества добродетельных, но изолированных индивидов, не обязательно богато на социальный капитал»<sup>11</sup>.

Отношения между людьми в рамках комьюнити, конечно же, не «деревенские», не «лицом-к-лицу», но в них действительно много от межличностной предрасположенности и зависимости, поскольку они — структурно обозримы, не скованы формальными режимами и форматами — могут оперативно перестраиваться, легко коммуницируемы и свободно (для свободы и свободных людей) проницаемы. Коммуникативности с ее взаимопониманием здесь помогает коммуникационность, т.е. средства общения и связи, которые (Х.М. Маклюэн со своим *medium*-ом безусловно прав) существенным образом влияют на все общественные отношения и социальные институты. Комьюнити, что очевидно, — это не община (клан, другая замкнутая группировка), которая использует современные информационно-коммуникационные технологии для еще большего углубления традиционного противопоставления Мы и Они, для более эффективной борьбы с чужим и другим. По своему истинному предназначению современные информационно-компьютерные технологии с их мобильностью и коммуникационностью поверх географических границ, административных и социальных барьеров должны расширять территориальный, а вместе с тем и социально-исторический горизонт комьюнити.

В современных (по-современному развитых) обществах комьюнити является важным элементом гражданского общества, прежде всего его организационной культуры. Заключение в этом мезо-масштабном формировании потенциал сплоченности позволяет развивать гражданство — состояние в основе своей политико-правовое, до согражданства — состояния, дополнительно характеризуемого консенсусом относительно принципиальных ценностных ориентаций и жизненных смыслов. Есть здесь, впрочем, и обратная зависимость, продуктивное встречное движение: настоящие граждане получают только из сограждан. С организационно-структурной «серединности» комьюнити открываются хорошие перспективы для успешного сочетания известного политического номинализма публичного и индивидуалистического реализма частного.

---

<sup>11</sup> Putnam R.D. *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon and Schuster. 2000. P. 19.

Комьюнити служит эффективным каналом обратной связи, т.е. доведения до “широкой общественности” локальных озабоченностей, жизненных притязаний, экзистенциальных устремлений и надежд людей. Система общественной жизни людей имманентно (изнутри) поверяется здесь *жизненным миром* человека и наоборот. Обыденные, повседневно-рутинные дела и процессы конституируются тем самым как вполне законные компоненты социальной реальности. Сквозь них просвечивает, через них реализуется глубинное и фундаментальное со-бытие, being-in-common. А может быть, и так: выделяя и уточняя части, жизненный мир комьюнити выявляет истинную, человекообразную целостность (связность) системы.

Комьюнити – в прямом смысле коммуникативное сообщество, т.е. «малое» общество, структура и функции которого рассчитаны на взаимопонимание, участливость, добровольное сотрудничество. Комьюнити – это взаимопомощь, вовлеченность в локальные социальные программы, местный или территориальный (округ, графство, кантон и т.д.) патриотизм, сознательность и «территориальная» ангажированность. «Чувство и дух комьюнити» дают индивиду («локальному человеку») ощущение защищенности и приобщенности, с его помощью обретают понимание и значимость индивидуально-частные аспекты человеческого бытия. Она органично вписывается в сетевые структуры современного мира, выступая одной из самых жизнеспособных его ячеек.

Комьюнити выступает в качестве своеобразного медиума, снимая (до известной степени, разумеется) отчуждение и насилие с процессов экстерииоризации (перехода индивидуального в социальное) и интерииоризации (перехода социального в индивидуальное) в истории. Собирая, объединяя и сплачивая людей, комьюнити оказывается действенной альтернативой массовому, социально атомизированному обществу. Кроме того, закрепляя и умножая локальную самобытность, различая территориальные идентичности и культурные сингулярности, комьюнити эффективно противостоит гомогенизирующей или унифицирующей силе глобализации. М. Кастельс пишет в данной связи о сообществах, создаваемых и вдохновляемых идеологией сопротивления нынешним глобальным схемам господства<sup>12</sup>. Стоит, впрочем, оговориться: комьюнити выражает собой не столько дух сопротивления, сколько дух утверждения – более гуманного, податливого и понятного отдельному человеку, или индивиду, мира, мира, в котором дифференциации и различия значат ничуть не меньше, чем тождества и единства.

---

<sup>12</sup> См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 506-507.

**Н.К. ИКОННИКОВА**

## **СИМВОЛИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ**

Границы местных сообществ могут быть рассмотрены с разных точек зрения, отражающих способы их задания. В то же время при аналитическом подходе важно вскрыть механизмы конструирования этих способов и придаваемые им значения — политические, нормативные, ценностные, аффективные, личностные и т.п. С этих позиций можно анализировать явные границы, маркированные различными объективированными способами: административные деления, историко-культурные границы (маркированные распространением языков, религий, обычаев), социально-экономические барьеры (обозначенные различными платами за пересечение/вхождение и дресс-кодами).

Однако важно рассматривать и латентные, не знаковые, но символические границы. Представляется, что подход к социальным системам в их различении от окружающей среды, сформулированный Н. Луманом, может в данном случае служить исходной позицией для интерпретации. Главный пункт, в котором он будет подвергнут ревизии — это допущение возможности существования множества обществ — социальных систем, — границы которых хотя и построены на латентном символическом различении, но стремятся быть явным образом маркированными, причем маркировка может как манифестировать символическое содержание, так и скрывать его, что не всегда в полной мере соответствует замыслу агентов, конструирующих границы, и тем более мало контролируется ими в тех случаях, когда возникновение и существование символических границ и их маркеров является непреднамеренным результатом действий многих социальных субъектов по обе стороны границы. Думаю, изложение собственно концепции социальной системы Н. Лумана в данном контексте не требуется, попробую использовать ее ключевые положения для рассмотрения символических границ местных сообществ.

---

**Иконникова Наталия Кирилловна** — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии Государственного университета — Высшая школа экономики (Москва).

---

Начну с исходного различения местного сообщества как некоторой социальной системы, которое чтобы быть таковым, должно провести различение между собой и внешней средой. Внешняя среда в данном случае имеет комплексный характер, описываемый в терминах природного, исторического, экономического, политического, социального, культурного, языкового и т.д. пространства. Местное сообщество вписано в наборы связей с другими такими же локальностями в рамках некоторых региональных структур и «субъектов Федерации», еще более крупные социально-географические и историко-культурные области (обозначаемые большими географическими делениями, другой попыткой их объективировать стала система федеральных округов), приграничные области взаимодействия.

Для существующих сегодня местных сообществ важно, что их локальность должна быть (а иногда и может быть только) конституирована не только (подчас – не столько) по отношению к некоторому непосредственному окружению, сколько по отношению к глобальному контексту. Не сводя формирование глобальных связей сообществ к американизации, можно выделить несколько центров глобальных процессов, отчасти совпадающих, но еще больше придающих новые смыслы сложившимся цивилизационным делениям.

Это тем более важно для российских местных сообществ по нескольким причинам, так или иначе связанным с временными, пространственными, социокультурными масштабами России и ее местом в мире как важного опосредующего уровня социальной среды, в которой мы выделяем границы местных сообществ.

Категории «Востока» и «Запада» оказываются достаточно условны, и, тем не менее, фиксируют некоторые различия и границы даже в масштабах страны («до Урала» и «за Уралом»). С одной стороны, их употребление продиктовано сложившейся традицией исследования и типологии культур, противопоставления цивилизаций Западной Европы и Северной Америки цивилизациям Ближнего и Дальнего Востока, Индии, Африки и т.д. с точки зрения их основных системообразующих принципов: индивидуализирующего – коммунократическому, технократическому – духовному и т.п. В то же время понятия Востока и Запада, очевидно, в значительной мере теряют свою географическую определенность, культуры, их составляющие, все больше детализируются, раскрывается их самобытность и самостоятельность. Является ли для России Запад Белоруссия? И Восток ли эскимосы Аляски? Какова роль Уральского хребта в самоидентификации народов России как западных или восточных, центральных или окраинных, находящихся на *Дальнем Востоке*,

*Крайнем Севере?* Каково в данном случае соотношение границ физических, географических и символических, конструируемых нами в языке, оценочных суждениях, эстетических представлениях?

Переосмысление системообразующих принципов, приписываемых Востоку и Западу становится все более актуальным при анализе современных социально-политических процессов на постсоветском пространстве. Ситуация в Украине (или *на* Украине? – вот они символические маркеры пространства!) еще раз ставит эти вопросы. С одной стороны, налицо раскол на Восток и Запад – хотя «Запад» скорее в тенденции и сейчас регион можно характеризовать как «прозападный», «продемократический», «проновационный», и тем самым как бы более близкий идеям западной буржуазной промышленной демократической культуре, но почему-то при этом Запад Украины – это все-таки более сельские и крестьянские, чем городские и индустриальные районы, и назвать его анклавом постиндустриальной, постмодернистской культуры тоже сложно. А Восток – консервативный, но рабочий (а кто-то из классиков утверждал, что это самый революционный класс...).

Тем не менее, далеко не любую локальную общность можно характеризовать как «местное сообщество». *Локальность* так или иначе фиксирует его привязанность к определенному *месту* (реальному или воображаемому). Однако понимание специфики *сообщества* требует рассмотрения специфики *социальных связей* в данном фрагменте социального пространства.

В современных социологических исследованиях существует определенный разрыв между исследованием, с одной стороны, массовых процессов и массовой коммуникации, в которых действующими лицами выступают абстрактные и отчужденные институты, и с другой – межличностных коммуникативных взаимодействий в диадах, триадах и других отношениях, участники которых связаны непосредственной личной связью. Преодолеть этот разрыв позволяет антропологическая категория «*малое сообщество*»<sup>1</sup>. Малое сообщество – совокупность людей, коллективно занимающих какую-то территорию и непосредственно взаимодействующих, участвуя в совместной деятельности. Коммуникативные средства являются способом конструирования этого сообщества, обозначая вовлекаемые в деятельность вещественные и энергетические ресурсы. Они призваны поддерживать социальное сцепление, контроль внутри группы, а также

---

<sup>1</sup> О значении данной категории в современных социально-антропологических исследованиях см.: *Фирт Р.* Структура и организация в малом сообществе // *Личность. Культура. Общество.* 2001. Т. III. Вып. 3 (9). С. 118-140.

устанавливать ее границы и служить фильтрами для воздействий окружающей среды. Тем самым осуществляется действие контролирующих механизмов, основанных на распознавании и идентификации символическими средствами сигналов окружающей среды. Устойчивость как способность поддерживать свое собственное существование зависит, таким образом, от самосознания, самоописания сообществом своего состояния.

Культура как «модель смыслов, воплощенная в символах», и как «искусство жизни» представляет содержание сообщений, которые отправляются и принимаются в процессах коммуникации. Культура складывается из общего языка (вербального и невербального), стиля мышления, ценностей, верований и – наиболее важный компонент – моделей повседневного поведения и его объяснений, рационализаций (из которых на следующем, институциональном, уровне рождаются законы, идеологии, формализованные корпуса знаний, технологические стандарты и проч.).

В этом смысле местное сообщество относительно общества, государства в целом и его крупных региональных фрагментов, безусловно, отвечает критерию «малое». При этом важным фактором является связанность членов сообщества коммуникациями, разделяемыми идентичностями, и общее понимание и переживание отделенности от окружающей среды символическими, в первую очередь, границами. Тем не менее, местное сообщество не просто малая группа жителей изолированного острова, которую описывали Р. Фирт и другие антропологи. Его символические границы в значительной мере обусловлены теми над-локальными, «большими» сообществами, которые не только являются «другими» в различии, но и, одновременно, «тоже нами» в широком социальном пространстве, часть которого локальное сообщество пытается символически «присвоить», обозначая как «свое место».

Изменение границ страны, гражданами которой мы себя считали, социальные и экономические трансформации – все это обусловило потребность россиян в новой национальной идентичности. Однако, встает вопрос о том, в каких культурных, социальных, этнических границах будет конструироваться эта идентичность, как она соотносится с категориями «нация», «национальность», «этничность». Понимание этих категорий в научном и обыденном сознании не совпадает. Для последнего характерна подмена понятий, которая раскрывается следующими ключевыми идеями.

1. Идея «Сильного государства», наследуемая в одних вариантах из идеологии Советского Союза, в других – Российской империи.

2. Идея важности фиксации национальности человека. Национальность рассматривалась всегда как важная характеристика человека, близ-

кая по смыслу к этничности, при этом формально фиксируемая (в паспорте, анкетах) и учитываемая при трудоустройстве, получении образования, социальных благ, дающая в одних случаях привилегии, в других — имеющая негативные последствия.

3. Представление о том, что люди одной национальности составляют единую нацию (а не локальную или этническую группу).

Опросы и интервью, проведенные автором в 2002–2005 гг.<sup>2</sup>, показали, что 56% опрошенных воспринимают нацию и национальность как синонимы, причем имеющие этническую природу, большинство остальных признают, что нация это общность граждан одного государства, однако государство понимается как, в идеале, этнически однородная общность (в противном случае, как неизбежность, признается необходимость создания федерации из различающихся по этничности субъектов). Только единицы понимают нацию как граждан государства, основанного на свободном соглашении, подразумевающим обмен политической и экономической (путем уплаты налогов и т.п.) лояльности на определенный статус, обеспечение благосостояния, защиту жизни, социальной, экономической, территориальной безопасности.

При этом, к нашему удивлению, при ответе на вопросы-фильтры, 9,4% студентов не смогли определить свою национальность (отказались отвечать на вопрос о своей национальности 2,3%).

4. Политика «суверенитета наций», понимаемых как описано выше, вплоть до создания суверенного государства. Каждая группа с единой национальностью, как считается, стремится быть суверенной, начиная с сохранения языка, культурного наследия, фольклора и ремесел и далее, развивать политическую и экономическую самостоятельность. Таким образом, поиск «национальной идеи» для России, декларируемый федеральной властью, в массовом обыденном сознании оборачивается конструированием множества «локальных национальных идей». С этим же связано и противопоставление «титульной нации» и других этнических групп, живущих на территории одного и того же «субъекта Федерации».

Указанные выше опросы показали, что русские студенты не различают понятия «русские» и «россияне» (последний термин активно позиционируется на федеральном уровне как надэтнический, интегрирую-

---

<sup>2</sup> Мониторинг восприятия этнических групп: 2002–2004 гг., 615 анкет, опрос «нация и национализм в понимании русских студентов»: 2003–2004 гг., 275 анкет, опрос «восприятие понятий «русские» и «россияне» русскими студентами»: 2004–2005 гг., 350 анкет. Полученные результаты опубликованы: *Иконникова (Чхиквадзе) Н.К.* Национальные символы россиян в контексте борьбы с террористическими угрозами // Терроризм, технологические угрозы и экономическая безопасность государства. Сб. статей М.: ТЕИС, 2007. С.



ший). Студенты определяют русскую=российскую идентичность как двойственную: с одной стороны, имеющую этническое основание и базирующуюся на культурных отличиях, а с другой – как национально-государственную (включая привязанность к Родине, отчому дому, государственной опеке, гордость общей историей, достижениями, обширной территорией и т.п.).

Такое понимание нации и национальности рождает сложное отношение к национализму. Для 54,9% опрошенных русских студентов национализм – это любовь к своей нации, не связанная с притеснением других наций. В этом случае национализм рассматривается ими как национальная (точнее, этнонациональная) идеология и политика, в отличие от националистической. Интересно, что для четверти опрошенных национализм – это больше ощущение и повседневное «раздражение» по отношению к представителям других национальностей, чем последовательное поведение и легальная политика, а 17,4% рассматривают национализм как политическую идеологию, связанную с борьбой за национальное освобождение, т.е. по сути, как и первая группа, дают ему положительную оценку.

Маркерами этнической принадлежности, вызывающими «раздражение», провоцирующими негативные эмоции, высказывания и поведения, в первую очередь, является то, что респонденты называли «провоцирующим поведением» (55,9%), куда относились в ходе интервью и сам факт приезда на «нашу территорию», и вообще весь комплекс отличий, характерный для «чужих» (2,2% отмечали, что их раздражает «все»). 19,2% в качестве главного «раздражающего» фактора выделили «другое мышление, другой образ жизни», 7,5% – «язык и манеру говорить».

Таким образом, налицо глубокие различия в понимании национальной и этнической идентичности между обыденным (массовым) сознанием и документами официального и научного характера. В этих условиях следует быть очень осторожным с введением символов типа «национальная идея», «россияне» и т.д., поскольку долгосрочный эффект от их неадекватного использования в обыденном сознании подрастающего поколения может негативно сказываться в критических ситуациях в будущем.

Символические границы местных сообществ (впрочем, как и любые другие символические границы) не выдумываются актерами, а следуют (в смысле непреднамеренных следствий социальных действий по Э. Гидденсу) из используемых ими повседневных рационализаций, конструируемых членами сообщества по поводу повседневных моделей поведения. Этот механизм действует путем обозначения границ, пределов, воз-

веденных символически (тем не менее, являющихся реальностью для индивидов, чье социальное пространство они маркируют), он складывается из социально-организационных структур, формирующих собственно *сообщество*, а также ценностно-идентифицирующих конструкций, позволяющих сообществу осознавать, оценивать, эмоционально переживать собственные границы и демонстрировать их окружающей среде.

Рассматриваемый механизм включает конструирование нескольких типов границ. *Конструирование* в каждом случае означает, что некоторые факты социального порядка тем или иным способом осознаются, оцениваются, эмоционально переживаются членами сообщества. Те из них, кто выступает как распорядитель символических ресурсов и способен при этом артикулировать свое понимание, оценки и социальные чувства, выдвигая определенные мнения, образы, лозунги, политические жесты, пытаются использовать их для сохранения или изменения позиции сообщества в окружающем социальном пространстве. Конструирование может быть *продуктивной (производительной)* деятельностью, когда символические ресурсы являются знаками действительно существующих социальных связей и материальных (вещественных) объектов. Но оно может быть также и *имитационной (виртуальной)* деятельностью, когда символические ресурсы обозначают воображаемые объекты, идеалы, мистические опыты и пр. Имитация может быть как искренним заблуждением и верой, так и осознанной спекуляцией и лицемерием. При этом действующее лицо сознательно, целерационально, руководствуясь требованиями какой-либо светской или религиозной идеологии, набором формальных принципов и известных декларируемых норм, вступает в коммуникацию, транслирует и добивается принятия другими соответствующих этим идеологиям, нормам, принципам сообщений, и при этом осознает, что сам он за пределами данной коммуникативной ситуации их не разделяет, деятельно им не следует.

Существует несколько способов интерпретации такого социального поведения. Его можно в ряде случаев классифицировать как специфическую манипулятивную коммуникативную практику, «ролевое» или «статусное лицемерие», ситуативное и индивидуальное использование общепринятых идей и норм для достижения локальных. Действующий так субъект пользуется словами и другими знаковыми средствами для решения стоящих перед ним задач, при этом и он, и другие участники ситуации рассматривают коммуникативные сообщения «лишь как слова».

Отсылка к констатациям, подобным приводимому ниже высказыванию Н.А. Бердяева, не объясняет данного феномена, хотя отчасти говорит об устойчивости этой модели поведения и порождающих ее усло-

вий. «Для русских, — отмечал Н.А. Бердяев, — характерно совмещение и сочетание антиномических начал. Русский народ с одинаковым основанием можно охарактеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный»<sup>3</sup>.

Подобное поведение также можно рассматривать как личностный порок, связанный с неискренностью, отсутствием духовных принципов, возникающий как результат негативного индивидуального опыта и «срыва» социализации и воспитания. Однако, на мой взгляд, коммуникативные, и личностные практики такого рода становятся возможными и типичными при определенных особенностях социальной организации. Характерными чертами последней являются признаваемые членами общества несовпадения, разрывы между формально-юридическими структурами и нормами социальной жизни и нормами и структурами отношений, реально разделяемыми и поддерживаемыми (обычно-правовыми на языке юридической антропологии). Эта ситуация ставит конструирующих символические идентичности субъектов в заведомо «нелегальную» позицию, предполагая, следовательно, возможность «обходить» и другие ограничения, как формальные юридические, так и моральные. Носитель властных полномочий в такой ситуации обречен на «системное лицемерие»: сложившаяся и воспроизводимая системой коммуникации, языком и легитимацией структура не совпадает ни с тем, что ему по-человечески представляется правильным и справедливым, ни с тем, что признается юридически законным. Систематическое лицемерие — и руководителей, лидеров любого уровня, и людей в повседневных ситуациях — как системное, то есть порожаемое структурой. Это, следовательно, не просто следствие «стремления жить», жить хорошо, и не только дефект системы норм и ценностей, делающий человека «ритуалистом» по Р.Мертону. Это принципиальная черта наших социальных институтов, определяющая схожесть советских и постсоветских политических партий, менеджмента и т.д.

Можно теперь перечислить основные типы символических границ.

а) Символические обозначения (считающихся физическими и/или географическими) границ сообщества, маркирующих его место по отношению к Центру и периферии. На этом основании сообщество может позиционироваться как «дальнее», «ближнее», «крайнее», «крайнее и

---

<sup>3</sup> См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15.

т.п., открытое и закрытое). Эти маркеры могут фиксироваться в географических названиях, юридических наименованиях субъектов, а могут существовать только в обыденном сознании и языке.

б) Символические обозначения социальных границ сообщества по отношению к окружающей среде. Они включают в себя маркеры значимых видов ресурсов, влияния, престижа. Эти обозначения также в ряде случаев формально документируются в терминах «экономической зоны», «природного заповедника», «историко-культурного заповедника, памятника» и т.п. Они также выражаются в наименованиях должностей (губернатор, мэр, президент; отраслевой министр какой-либо республики в составе Российской Федерации в сравнении с руководителем Департамента, ведающего теми же вопросами и т.д.). Сообщества конкурируют за «звания» разной специализации и местоположения «столиц», «Венеций», «Швейцарий», «Клондайков», «житниц» и пр.

в) Собственно, в узком смысле, культурные границы обозначают выделение местного сообщества относительно окружающей социальной среды в тех сферах, которые принято ассоциировать с культурной политикой: развитие потребления объектов и услуг искусства (включая музеи и выставки, театры и представления, кино, музыкальные концерты, цирковые и другие зрелищные события), образования, библиотек, архивов. Сообщество конструирует свой образ в этой сфере, делая своими брендами историко-культурные достопримечательности, фестивали. Конструирование культурных границ включает и использование таких явных маркеров культурной самобытности сообщества как язык (локальный говор, специфические элементы лексического состава, и, конечно, если сообщество конструируется как этнически специфическое, язык преобладающей этнической группы). Следует учитывать и различные не столь ярко демонстрируемые культурные обычаи, знания, артефакты, с помощью которых маркируется специфика повседневной культуры, самоидентификация человека и его семьи, в том числе осознание происхождения и места проживания. Перспективы анализа этих аспектов символического конструирования границ сообществ журнал «Бизнес Уик» в свое время афористично охарактеризовал как «исследование местных жителей в торговом зале»<sup>4</sup>. Как потребление объектов и услуг искусства (то, что в исследованиях обозначают как «культурное потребление» – cultural consumption), так и потребление в целом (символические и идеологические аспекты которого фиксировались советизмом «культура быта») составляют определенный, если не однородный, но целостный континуум

---

<sup>4</sup> Garza C.E. Studying the Natives on the Shop Floor // Business Week. 1991. September 30. P. 48-49.

поведения и коммуникаций, довольно хорошо различимый внешними наблюдателями, хотя и не всегда (но в ряде случаев действительно) намеренно «сочиняемый» и «изображаемый».

Следование установленным нормам, произнесение соответствующих языковых формул, декларация требуемых идей, принципов, ценностей являются основами любого социального порядка. В обществах, основанных на модели «соблюдения лица», следование долгу, норме, общественному требованию является естественным и искренним – как это понимают японцы<sup>5</sup>. Высокая определенность при этом может достигаться неявными средствами, здесь хорошо видно различие категорий определенность/неопределенность Г. Хофстеда и высокой/низкой контекстуальность Э. Холла.

С учетом разницы механизмов продуктивного конструирования и имитации, установление и функционирование указанных типов границ следует рассматривать в формальном, полужформальном (формализуемом) и неформальном дискурсе, с учетом досоветских, советских и постсоветских типов рационализаций. Простейшей и исторически первой формой обозначения идентичности следует признать коллектив (понимаемый примордиально, как естественно, в идеале – родственная, затем семейная группа). Локальное сообщество представляет собой, в первую очередь, именно такой коллектив, в котором земляческие и соседские связи занимают место все более размывающихся родственных. В результате процессов дифференциации, формализации, отчуждения и пр. возникают идентичности, конструируемые на основе институализированных статусов и ролей, корпорации, массы, юридически обозначенные территории – административные и политические субъекты. В силу того, что процесс институализации приобретает собственную логику, границы местных сообществ и административно-политических единиц могут на определенных этапах не совпадать.

На основе субъективного переживания индивидами своего коллективного членства и принятия формальных принадлежностей формируются варианты личностной идентичности. Конструирование символических границ поэтому имеет не только значение внешней демонстрации обособленности местного сообщества, но и придает смысл личной идентичности его членов, устанавливая для них круг «ближних», в отношении которых безусловный характер приобретают моральные императивы, снимающие институциональные рассогласования и лицемерие, что сформулировано в разных версиях требования «возлюби ближнего».

---

<sup>5</sup> Бенедикт Р. Хризантема и меч. М., 2004. С. 151.

Таким образом, следуя логике К. Гирца, в статье показано, что символы не просто выражения, инструменты или корреляты нашего биологического, психологического и социального бытия; они – его предпосылки. Изменения, которые происходят в экономике и остальных сферах социальной жизни, демонстрируют рост значимости символических факторов в деятельности людей и функционировании институтов. Как следствие, требуется анализ как содержания этих символических факторов, а оно связано с культурным контекстом, ценностями, моделями поведения, так и способов, форм их существования, обращения, которые принято описывать терминами: трансляция, коммуникация, конструирование, обозначение.

**Н. Г. МИХАЙЛОВА**

## **МЕСТНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье предлагается культурологический подход к проблемам взаимодействия традиционной народной культуры с другими культурными пластами в масштабах территориально-локального сообщества современной России. Такое взаимодействие обычно связано с тяготением к культурно-этническим традициям и характерно в наше время не только для России. Оно определяет разные формы как сохранения традиций, так и отталкивания от них, а также их творческого использования, преобразования в различных направлениях культуры нового и новейшего времени.

Важно иметь в виду, что как в обществе в целом, так и в региональных сообществах все эти процессы с большей или меньшей органичностью вписываются в современное довольно пестрое мозаичное культурное поле, в котором отсутствует некая культура «большого стиля», что порождает множественность экспериментов с элементами этнокультур и субкультур прошлого и настоящего.

Региональная практика обращения к традициям народной культуры обычно определяется такими довольно привычными, даже стандартными формулировками, как сохранение, возрождение, иногда — изучение традиции. Однако, далеко не все в культуре прошлого в наше время можно сохранить и, тем более, возродить, воссоздать заново. Взаимодействие современного общества (или местного сообщества) с культурой другой эпохи, сформировавшейся в иной социальной среде, — сложный неоднозначный процесс. Он свидетельствует о наличии значительного общественного интереса к традиции, о стремлении ее познать и даже как-то идентифицироваться с ней, разрабатывать ее в собственной культуре в самых разных направлениях: от музеефикации объектов традиционной

культуры до сугубо современных форм творчества, социально-досуговой деятельности с использованием элементов традиции, а также самых разных современных этнокультурных проектов.

Обращение к практике разных регионов показывает, что ситуация неоднозначна. В некоторых случаях этническая традиция весьма богата, довольно хорошо сохранилась в памяти местного сообщества и предоставляет немало возможностей для реализации попыток ее актуализации в той или иной форме. Нередко работа в этом направлении приобретает явно выраженную культурно-аксиологическую составляющую — выделить свой фольклор, защитить его от воздействия современных деструктивных форм западной массовой культуры, презентовать как главное выражение подлинно гуманистических национальных ценностей<sup>1</sup>.

С таких позиций, во многом восходящих к советскому времени, в большинстве территорий, регионов, в основном, предлагается сохранять и поддерживать традиционную основу национальной культуры. Это довольно распространенная установка, причем не только региональная, но и в значительной мере федеральная (отражена в постановлениях, законах федерального уровня).

Иногда противостояние и обособление прошлого по отношению к современным формам по существу отсутствует. В одной и той же области с яркой и давней фольклорной традицией одновременно в городах, учебных заведениях складываются иные культурные формы и приоритеты: возникают музыкальные ансамбли современной эстрады, продолжают свою, иногда долгую, жизнь любительские театры, хранящие свою традицию. Разные формы досугово-творческой деятельности мирно сосуществуют и в повседневной жизни, и на различных праздниках. В этом отношении сильно различаются регионы центральной России и области Севера, Юга, Урала. В последних традиции народной культуры богаче.

Богатство творческой и организационной фантазии деятелей местных учреждений и организаций культуры (Домов народного творчества, Методических центров и др.), просто творческих работников и энтузиастов проявляется и в характере деятельности, и даже в названиях коллективов, общественных акций, ориентированных на традиционную культуру. Например, в Белгородской области есть ансамбли «Ладо», «Родничок», «Завалинка», «Мила Лада», «Пересек», ансамбль танца «Были-

---

<sup>1</sup> С.А. Сергеев. Формирование единого полиэтнического культурного пространства в порубежных районах России и Белоруссии в условиях глобализации. — «Традиционная народная культура в социокультурном пространстве региона: проблемы сохранения и развития». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Белгород. 2007.



на», инструментальный ансамбль «Жалейка». А, например, в Архангельской области возникли такие общественные акции, как «Зимние забавы северной деревни», «Круг съезжих праздников на Мезени», «Прокопьевская ярмарка. Фестиваль Козьмы Пруткова», фестиваль «Лоскутная ярмарка», фестиваль «Жемчужина Севера», форум мастеров декоративно-прикладного и художественного творчества<sup>2</sup>.

Если взять другие области и республики России, то важно вспомнить и региональный фестиваль «Саянское кольцо», с успехом повторяющийся в течение ряда лет с участием шаманов, и праздники казачьей песни на Юге России, и фестиваль финно-угорских народов в Саранске, а также всевозможные Дома ремесел и ряд других региональных и межрегиональных инициатив, отличных по масштабу и культурному резонансу.

Как правило, в большинстве территориально-региональных сообществ существуют хоры или певческие группы, ансамбли ветеранов. Раньше это были больше ветераны войны, сейчас – местные пожилые люди, которые, как правило, очень дорожат своей причастностью к культуре. Если в области была сильная фольклорная традиция, это ансамбли этнического плана, если население области смешанное, это чаще всего хоры массовой песни, в основном советского и более раннего периода, а также церковного пения.

Белгородские и Архангельские коллективы и акции даже по их названиям позволяют судить о различиях в подходе к фольклорному материалу и работе с ним. В одних случаях, на первом плане – как можно более точное воспроизведение слова, мелодии, движения, костюма, декоративно-прикладных элементов, будь то коллектив детский, молодежный, ансамбль или хор ветеранов. В других случаях, на первый план выступает не только и не столько собственно воспроизведение, сколько творческая импровизация на основе аутентичного этнического материала, манипулирование элементами традиции с целью получения вполне современного феномена культуры, хотя и укорененного в прошлом.

Отметим, что подобное разнообразие форм культурно-досуговой деятельности – явление, в основном, последних десятилетий. Если заглянуть в недавнее прошлое, например, в середину и вторую половину XX в., то и сами клубные коллективы, и их названия были довольно однотипны

---

<sup>2</sup> Приведенные данные взяты из материалов республиканской (г. Белгород, 2007) и областной (Архангельская обл. г. Котлас, 2002) конференций; выступления и И.Д. Анцибор «Роль Белгородского государственного центра народного творчества в сохранении и развитии традиционной культуры региона», а также И.Е. Евгеньвой «Роль и место художественных коллективов в формировании местной культурной политики в укреплении местной идентичности».

в разных регионах России: народный хор Дома (или Дворца) культуры такого-то, фольклорная группа при хоре, иногда фольклорный театр, любительский театр, хор (любительский — звание, полученное за особые заслуги, успехи, концертную деятельность). В 1980-е гг. появились вокально-инструментальные ансамбли (рок-группы). Все художественные акции, как правило, были смотрами или фестивалями, организованными по вертикальному принципу: район — область — «куст» из нескольких областей, АССР, заключительные показы в столице.

Время и связанные с ним перемены внесли немало нового и в названия творческих коллективов, и в характер их работы, и в способы общественной демонстрации ее результатов, включенности в культурную жизнь территориально-регионального сообщества. Однако, можно ли и нужно ли определять все это однозначно как сохранение и поддержание народной культуры?

И в северных, и в южных губерниях России, безусловно, среди деятелей и работников культуры существует большой интерес и приверженность к прошлой культуре. Однако, традиционная народная культура в своем исконном виде — явление спонтанно формирующееся. Она когда-то определяла все стороны жизни социально-этнического сообщества, ее нормы, ценности, картину мира, а также их обрядово-ритуальное воплощение. Такая культура передавалась потомкам как нечто незыблемое, ведущее человека в течение всей жизни. В новое и новейшее время основная часть общества живет в иной культурной среде, поэтому обращение к культурным архетипам — это проблема осознанного выбора, а не безальтернативное следование традиции. Что же становится объектом выбора? Таким объектом, который может быть сохранен, воспроизведен или трансформирован, является, прежде всего, культурный текст в вербальном или невербальном выражении.

Культурный текст в широком (семиотическом) смысле — это нормативно-ценностные системы в том или ином знаково-символическом выражении: словесном, музыкально-певческом, движенческом, иконическом. Понятие «культура» связывается гуманитариями прежде всего с произведением, объектом. С этих позиций восстановление текста, технологии его производства и воспроизводства как бы уже означает сохранение культурной традиции. Однако, при этом остается открытым вопрос: для кого и кем создается или воспроизводится этот текст, как он может быть востребован другим обществом в другую эпоху. На втором и даже на третьем плане остается целый ряд важных для культуры аспектов: в какой социальной контекст попадают объекты, произведения традиционной народной культуры, будучи взяты из прошлого или воссозданы по прошлым об-

разцам; как этот контекст меняет восприятие, семантику культурных архетипов для современного человека в новой социальной среде, обладающей иной культурой, не обязательно столь совершенной и, возможно, не вполне сформировавшейся, однако актуальной для современности.

Поэтому не меньшее значение, чем сам текст, для культуролога имеет его функционирование в данном социально-культурном контексте, что, в свою очередь, предполагает наличие социального носителя данного текста в качестве родной культуры, социальных и прочих технологий передачи, наследования культуры. Этот аспект обретает особое значение, если отсутствует четкая фиксация текста в качестве канонического, как это происходит в фольклоре, где передача в основном происходит непосредственно в акте коммуникации.

Все это не менее важно для понимания культуры, чем текст, хотя гуманитарные науки, в основном, занимаются толкованием и оценкой текста, отождествляя его с культурой в целом и лишь избирательно привлекая социальный контекст с целью комментария.

Альтернативная жизнь традиционной культуры, которая связана с функционированием культурного текста в новом социальном контексте, а иногда и его трансформацией, может проявляться по-разному. Иногда преобладает ориентация на аутентичное воспроизведение культурного текста в максимально подлинном виде и демонстрация его современникам, иногда цель обращения к фольклорному тексту заведомо связана с его преобразованием, включением в современные культурные проекты и даже реализацией индивидуальных творческих замыслов. Обе ориентации при их различиях по существу являются проектными формами и не могут рассматриваться как естественное современное продолжение традиций прошлого, даже если проектность такой культурной практики не очень осознана в обществе и сообществе.

Ориентация на воспроизведение текста обычно реализуется так. Специалисты по разным видам традиционной народной культуры, в основном, искусствоведы, фольклористы и просто любители-энтузиасты, а также работники культуры, разного ранга деятели искусства, историки культуры, государственные и общественные органы и организации, фонды, объединенные общим стремлением сохранить и возродить народное искусство, фольклор, предпринимают разного рода усилия: находят народных мастеров, финансовые и организационные средства, создают ансамбли, специалисты сами включаются в творческую или обучающую деятельность, организуют или помогают в организации фестивалей, ярмарок, детских школ, школ ремесел, связанных с народными традициями, используя для этого разные средства, включая СМИ и Интернет.

Естественно, местные Дома и Центры народного творчества, учебные заведения организуют экспедиции, делают аудио- и видеозаписи, издают экспедиционные материалы и даже методические материалы по обработке фольклора для сцены. Так, современными способами передается и осваивается народная традиция фольклорными ансамблями, любителями-знатоками, организаторами народных празднеств. В этом работники культуры осознают такую важную цель, как сохранение культурной идентичности, включение детей и молодежи в местную традицию, хотя современная жизнь традиционного текста существенно отличается от первой, спонтанной, естественно сложившейся в рамках исконного социокультурного сообщества прошлого.

Аутентичная традиционная вещь, аудиовидеозапись в наше время нужна для музейного хранения и экспонирования, для профессиональных и любительских ансамблей, для художников, работающих в традиционно-народном стиле, для искусствоведов-специалистов и любителей старины, регионально-этнической культуры. Не самый массовый, но весьма важный культурный слой – сохранение (или воспроизведение) максимально аутентичных текстов (образцов, объектов, предметов, вербальных, музыкальных и пр.) в качестве элементов культурного наследия, историко-культурных памятников в небольшом количестве или даже единичных экземплярах. Такой культурный текст может существовать как бы вне современного социокультурного контекста, прямо не взаимодействует с ним; он – память о прошлом в масштабах страны, народа, местного сообщества или даже отдельной семьи. Этот слой может быть отнесен к культурному наследию и в том случае, когда прошлое (память о нем) воспроизводится ныне живущими людьми.

Проектом сохранения музыкально-певческой и хореографической традиции, профессиональной и любительской художественной деятельности долгое время были народные хоры, ансамбли песни и пляски, существовавшие практически в каждом регионе. Поначалу они возникали на основе подлинных региональных традиций с непосредственным участием носителей народно-певческой культуры. Однако со временем ориентация на аутентичный материал и манеру исполнения стала менее выраженной, хоры получили статус государственных, академических, при этом разрастались и унифицировались способы исполнения, обучения, костюмы, сценография. Однако, в последнее время можно отметить некоторые попытки оживления в творческой практике народных хоров, стремление воспроизвести свою региональную специфику в репертуаре и манере исполнения.

Вместе с тем во многих регионах были и есть попытки сохранить фольклор непосредственно как часть современной жизни, а не только

как культурное наследие или материал для экспериментов. В 1980–1990-е гг. на волне общественного подъема в России, как и в некоторых др. странах, сформировалось неформальное фольклорное движение<sup>3</sup>, сначала в больших городах, а потом в местных сообществах сельского типа. Лидеры его видели свою цель не только в том, чтобы инкорпорировать традиционную культуру в современную, но и сделать ее частью образа жизни современной городской, а затем и сельской молодежи, встроить аутентичную культуру в неаутентичную социальную среду как элемент этой жизни, а не только как культурную программу, предназначенную для исполнения, слушания и зрительского восприятия. Социально-культурный эксперимент по восстановлению традиционного песнетворчества привел к возникновению множества молодежных фольклорных ансамблей, их оживленным контактам, поездкам, совместным выступлениям. Иногда тяготение к традиции совмещается с экспрессивной манерой концертного исполнения, присущей современным формам молодежной музыкальной культуры.

Важный объект культуры местных сообществ – взаимодействие с народной традицией разных форм массовой культуры. Это и исполнение авторских (или «полуавторских») песен в народных хорах и ансамблях, и тиражирование на аудиокассетах типовых образцов песенно-танцевальной культуры, связанных или несвязанных с определенными региональными традициями, и творчество современных художников, свободно оперирующих традиционными стилями, и массовое сувенирное производство народных промыслов.

За последние десятилетия стали формироваться творческие течения, весьма близкие к массовой культуре, с использованием современных технологий, ориентированные на рынок и имеющие свою социальную среду. Появились различные фольк-рок, фольк-бард, даже русский народный рэп в виде «хитового» альбома «Мой двор. Спортивные частушки» (2007) и пр. ансамбли и исполнители. Продукция этих групп, авторов и исполнителей, которая часто не может быть четко отнесена к профессиональной или любительской деятельности, пользуется немалым спросом. При определенной ориентации на песенную народную традицию здесь присутствуют и джаз, и рок, и поп, и различные вновь возникающие современные течения в культуре постмодернизма, элементы классической музыки.

Существует и такая тенденция, как попытка распространения элементов традиционной певческой культуры путем создания ремиксов рус-

---

<sup>3</sup> Жуланова Н.И. Молодежное фольклорное движение. – Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начала 1990-х гг. СПб., 1999.

ских народных песен. Этим, в частности, занимается группа «Балаган Лимитед», выступившая инициатором проведения всероссийского конкурса ремиксов. Свой материал на конкурс присылают представители разных территорий России. Инициаторы считают, что народные песни могут быть клубными хитами<sup>4</sup>.

Важный аспект культурного процесса в информационном обществе – тесное соприкосновение и взаимодействие традиционных культур разных социально-этнических сообществ. В качестве любопытного примера этого процесса можно привести такой масштабный российский проект последних лет, как ETHNOLAND – «Земля мировых традиций и культур»<sup>5</sup>. Проект носит культурно-досуговый характер и реализуется в подмосковном спортивном курорте «Сорочаны» в течение последних лет и предполагает взаимное знакомство представителей разных народов (в основном молодежи) с искусством, элементами традиционного быта, народными ремеслами, боевыми искусствами, различными выставками, ярмарками.

По замыслу организаторов, осуществление многоаспектного проекта «Этноленд» на основе общих идей движения «Этнолайф» должно способствовать оздоровлению наций, развитию и укреплению международных связей, формированию межэтнической и религиозной толерантности, возрождению в России активного интереса к народным традициям. Естественно, что этнокультуры при этом предстают не только в исконном, но и в модернизированном обличье, становятся частью современной молодежной культуры в соответствии с досуговым характером мероприятий, включенных в проект.

В 2008 г. объявлен Конкурс этнокультурных проектов (Министерство регионального развития РФ), также имеющий целью активизацию работы с этнокультурными традициями народов России<sup>6</sup>.

Подведем итоги. Формы культуры прошлого без опоры на свой исторический социальный контекст, на свою социальную среду (общину) меняют свой характер, свое место в культуре и обществе, претерпевают изменение семантика и символика текстов, формы передачи, наследования. Чтобы культура функционировала в качестве живой, актуальной нужны, прежде всего, ее носители, сообщества, общества, которые считают ее своей, создают, воспроизводят и передают последующим поколениям, а не только сами вещи, предметы, произведения, умело или не

---

<sup>4</sup> «Московский комсомолец», 16 августа 2008г.

<sup>5</sup> См.: [www.ethnoland.ru](http://www.ethnoland.ru).

<sup>6</sup> См.: [www.izbafm.ru](http://www.izbafm.ru).

очень умело выполненные и исполненные. Поскольку социальная ситуация этнотерриториальных сообществ подвергается все более активному воздействию глобализации, информационного общества, размывания культурных границ, возникла проблема альтернативной жизни традиционной культуры, т.е. существования культурных архетипов в неаутентичных условиях, иной социальной среде с новыми функциями<sup>7</sup>. Понятие альтернативной, проектной жизни культуры, не будучи строго терминологичным, в настоящее время используется культурологами<sup>8</sup>.

Фактически за этим стоит перспектива довольно интенсивного перемещения сообществ и перемешивания культур, субкультур, возникновения новых проектных феноменов. Таковы тенденции культурогенеза, с которыми в наше время следует считаться и теоретикам, и политикам в культуре, и практикам — инициаторам культурных проектов, организаторам культурной деятельности того или иного масштаба, а также разработчикам учебно-образовательных программ, связанных с функционированием традиционной культуры в локальном сообществе и в современном социокультурном пространстве в целом.

---

<sup>7</sup> Михайлова Н.Г. Вторая жизнь традиционной народной культуры // Традиционная культура. 2007. № 4 (28).

<sup>8</sup> Каулен М.Е. Вторая жизнь традиции // Музей и нематериальное культурное наследие. М., 2005.

Л.С. ПЕРЕПЕЛКИН

## КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Проблематика культурной политики в настоящее время внимательно исследуется в отечественной и зарубежной литературе. Среди последних работ можно выделить книги, посвященные как государственной культурной политике<sup>1</sup>, так и культурным инициативам, осуществляемым на локальном уровне<sup>2</sup>. Впрочем, это разделение сугубо условно: реализация государственной культурной политики всегда происходит на локальном уровне; в свою очередь, местные культурные инициативы вроде бы не должны противоречить государственной стратегии.

Читатель, знакомый с английским языком, со всей очевидностью увидит в названии данной статьи кальку с английского – cultural policy of local communities. Несомненно, что эта статья посвящена опыту, который в нашей стране пока не очень укоренен. Обратившись к литературе и покопавшись в Интернете, нетрудно определить, что за понятием «местная культурная политика» скрывается два типа феноменов. С одной стороны, можно условно говорить о «традиционной» культурной политике, то есть о любых культурных инициативах местных общин и групп, обладающих элементами самоуправления, свободным временем, средствами и желанием укористь свою территориальную и духовную среду. Этот

---

**Перепелкин Лев Станиславович** – кандидат исторических наук, заведующий сектором Российского института культурологии (Москва).

---

<sup>1</sup> Например: Дридзе Т.М., Орлова Э.А. Основы социокультурного проектирования. М., 1995; Бутенко И.А., Разлогов К.Э. (ред.) Культурная политика России: История и современность. Два взгляда на одну проблему. М., 1998; Boorsma P.B., van Hemel F., van der Wielen N. (eds.) Privatization and Culture. Experiences in the Arts, Heritage and Cultural Industries in Europe. Boston, Dordrecht, London, 1998; Бутенко И.А., Разлогов К.Э. (ред.) Культура и культурная политика в России. М., 2000; Востряков Л.Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. СПб., 2005..

<sup>2</sup> Тульчинский Г.Л. Технология менеджмента в сфере культуры. СПб., 1996; Севан О.Г. (ред.) Европейский опыт разработок и реализации программ развития сельских территорий и малых городов. Участие населения и партнерства. М., 2001; Bennett T. (ed.) Differing Diversities. Transversal Study of the Theme of cultural policy and Cultural Diversity. Strasbourg, 2001.



тип политики мало отрефлектирован, во многом спонтанен, то есть «не-институциализирован», но он естественен для человеческих групп. Один из наиболее знаменитых артефактов этого типа культурной политики — деревянная церковь в Кижях, высотой с пятиэтажный дом, построенная без единого гвоздя. Известно, что она была возведена на средства и по заказу местной общины. В то время подобное было *обычной практикой*.

Другой условный тип можно определить как «*современную*» локальную культурную политику. Она более отрефлексирована, комплексна, развивается по типу программ, к ней больше подходит понятие «политика», она хорошо обоснована в национальных и международных законодательных актах (то есть «институционализирована»). Этот тип культурной политики описывается такими терминами, как «политика развития», «культурное разнообразие», «участие и партнерство» и проч., а также регулируется национальными и глобальными организациями и фондами (например, Глобальный Фонд развития местных сообществ, Европейский Совет по селам и малым городам, всевозможные региональные Центры социального партнерства). В том числе этот тип культурной политики реализуется за счет грантов. Подобного рода инициативы стали предметом пристального внимания исследователей. Так, в 1996 г. в Евросовете было проведено исследование результатов деятельности программы LEADER (“Links between Actions for the Development of the Rural Economy” — «Связь между действиями, нацеленными на развитие сельской экономики»). По результатам исследования были сделаны определенные рекомендации<sup>3</sup>.

Этот тип культурной политики пока слабо отражен в отечественной литературе и недостаточно задействован в исследовательских проектах. Зато, когда я обратился к Сети, то на пароль «культурная политика местных сообществ» откликнулись сотни русскоязычных сайтов. Это означает, что в России культурная политика подобного типа — развивающееся направление деятельности, охватывающее тысячи энтузиастов и специалистов.

В данной ситуации ограничимся лишь общим описанием культурной политики местных сообществ «современного» типа, тем более что полевых исследований по этой теме совершенно недостаточно и сам я их не проводил. Главный упор хочется сделать на определении, а точнее, на описании понятий, для чего будет использован материал, преимущественно найденный в Интернете (в большинстве случаев приводится с определенными сокращениями). Данная статья строится на выделенном выше противопоставлении двух типов местной культурной политики.

---

<sup>3</sup> Севан О.Г. (ред.) Европейский опыт разработок и реализации программ развития сельских территорий и малых городов. Участие населения и партнерства. М., 2001.

**«Традиционный» тип местной культурной политики: российский опыт**

Многие считают, что к жителям России исторически и сейчас неприменим термин «гражданское общество». Возможно, это так, но есть все основания говорить о развитом самоуправлении, в первую очередь, применительно к крестьянской и церковной общине. Поддержка социально слабых слоев населения — малоимущих, безлошадных, погорельцев, бездомных и проч. — осуществлялась на основе крестьянской общинной этики и христианской морали. С XVIII в. стали интенсивно развиваться города и городское самоуправление, появился представительный слой горожан<sup>4</sup>.

История России вплоть до конца XX в. демонстрирует отчетливую связь местных инициатив с политикой государства: в периоды либерализации внутренней политики развитие некоммерческого сектора ускорило, при авторитарных режимах его деятельность резко сужалась. Понятно, что эти процессы способствовали формированию социальной, экономической и политической среды, в которой может осуществляться неинституционализируемая самодеятельность граждан. Однако именно общинная самоорганизация и самоуправление, так же как деятельность церковных приходов, являются духовной почвой для становления многих форм гражданственности, в том числе, и для организации так называемого «третьего сектора» (это гражданские инициативы, выделяемые наряду с государственными и коммерческими). Более того, сейчас «в институтах третьего сектора выковываются новые общинные связи»<sup>5</sup>. Не случайно именно в США, где еще А. де Токвиль обнаружил глубокую и устойчивую общинную культуру<sup>6</sup>, местная гражданская активность сейчас имеет наивысшее развитие.

Некоммерческая деятельность образованных слоев России изначально осуществлялась в традиционных формах благотворительности, общественного призрения, но впоследствии важной сферой местной культурной работы стали просвещение, образование и наука. Тем самым компенсировалось недостаточное внимание к этим новым для страны развивающимся отраслям деятельности со стороны государства (что выражалось, в том числе, в незначительном их бюджетном финансировании).

---

<sup>4</sup> *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и культурное развитие. Л., 1990; *Рабинович М.Г.* Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. Ч. IV. С. 252–298

<sup>5</sup> *Друкер П.* Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М., 1994. С. 284.

<sup>6</sup> *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992; *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. М., 1993.

Вплоть до 1917 г. исследовательские общества были важными центрами образования и науки наряду с университетами и Академией наук. Государственный патронаж и контроль над некоммерческим сектором выражался в присвоении многим добровольным обществам и организациям титула «императорские».

Эпоха 1861–1917 гг. была поворотной для России<sup>7</sup>. В стране росло количество полноправных граждан, особенно этот процесс ускорился в 1905–1917 гг., повышались уровень образования населения и доля горожан в его составе. Появились органы гражданского самоуправления на селе в виде земств<sup>8</sup>. Последние, однако, были распространены в чисто русских губерниях. Так скоротечная индустриализация в результате реформ 1860-х гг. привела к всплеску гражданской инициативы. Уже в начале XX в. в стране действовали многочисленные независимые организации: сельскохозяйственные общества (более 850), общества взаимопомощи и ссудно-сберегательные кассы (более 1000), благотворительные организации (до 45 тыс.) и проч. Только аналогов советскому обществу «Знание» насчитывалось целых 200. К 1914 г. земское самоуправление охватывало 113 млн. чел., или 70% всего населения. Подробнее об этом можно узнать в губернской прессе: разнообразные «Ведомости» и «Памятные книги», в том числе, епархиальные.

В целом в указанный период развитие местных инициатив шло интенсивными темпами: росла благотворительность; увеличивались в численности научные, образовательные, краеведческие и просветительские учреждения; появилось женское движение; движение против пьянства (в середине XIX в., впервые в мире!), стали возникать органы самоуправления на селе, неправительственные организации корпоративного типа, институциональные формы проведения досуга, организации этнических и религиозных меньшинств страны. Однако сохранились авторитарные формы политического устройства, государственный контроль над деятельностью гражданских организаций.

И в первые годы советской власти гражданские инициативы развивались: частично по инерции последних предреволюционных лет, частично в результате произошедших в обществе демократических перемен. К началу же 1930-х гг. ситуация резко изменилась. К этому времени пол-

---

<sup>7</sup> Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Захарова Л.Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж. (ред.) Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник. М., 1992.

<sup>8</sup> Петров Ф.А. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. // Захарова Л.Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж. (ред.) Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник. М., 1992. С. 203–220.

ностью реализовалась тенденция к огосударствлению большинства форм социальной жизни<sup>9</sup>, инициированная еще Петром I. Все общественные организации (образовательные, научные, просветительские, рекреативные и проч.) на практике стали государственными. В результате коллективизации сельские общины превратились в колхозы, т.е. фактически государственные предприятия. Церковь до 1944 г. была поставлена вне закона, а после восстановления Патриархии управление религиозной жизнью было сосредоточено в специальном отделе ЦК КПСС<sup>10</sup>.

Однако неправы те, кто считает, что в советский период гражданская самодеятельность была полностью искоренена. «Тысячи микрорайонов образовали свои народные дружины... для борьбы с преступностью, с нанесением порчи имуществу, за укрепление духа и чувства гордости за место своего жительства. /.../ Документально подтверждено, что в тех микрорайонах, где активно действуют народные дружины, существенно снизился уровень преступности»<sup>11</sup>. Это высказывание, правда, взято не из рапорта об успехах ДНД начала 1980-х гг. Оно описывает деятельность муниципальной службы современного американского города Феникс. Но сходство слишком уж велико, что не может быть случайным. И советская власть, как правило, поощряла гражданскую инициативу. Она лишь — в духе российской государственности — ставила ее под свой политический, административный и идеологический контроль, отделяла полезное (в своем понимании) от вредного, осуществляла (где могла) прямое руководство, в том числе, включая органы гражданской самоорганизации в структуру государственной власти.

Наиболее ярко гражданские формы самоорганизации (в образовательной, научной, природоохранной, рекреативно-досуговой или политической сферах) проявились в 1960-е и в 1980-е гг., то есть в периоды идеологической и политической либерализации. Зачастую самодеятельность граждан, начинаясь в неполитических областях, быстро переходила к политическим формам. Невиданное ранее в России развитие гражданской инициативы (за исключением, может быть, периода 1917—1922 гг.) обеспечило в 1980-х гг. высокую степень политической мобилизации жителей, которая осуществлялась в рамках различных и весьма много-

---

<sup>9</sup> *Дмитренко В.П.* (ред.) *Формирование административно-командной системы (20-е—30-е годы)*. Сборник статей. М., 1992.

<sup>10</sup> *Клибанов А.И.* (ред.) *Русское православие: веки истории*. М., 1989. С. 616-690

<sup>11</sup> *Уильямс Т.* Феникс: исследование опыта по вовлечению граждан в демократические процессы // Межрегиональная конференция «Финансово-экономическая основа функционирования городов» (Доклады, материалы). М.: Администрация Президента РФ, Мэрия Москвы, 1997.

численных «неформальных» (то есть негосударственных) объединений: природоохранных, культурных, образовательных, досуговых, политических и проч.

Но сейчас можно констатировать, что позиции гражданских культурных инициатив резко пошатнулись, они перестали быть заметным фактором внутренней жизни. Начавшиеся в 1992 г. экономические реформы не были до конца продуманы и разворачивались в неблагоприятных условиях, а потому привели к резкому снижению уровня жизни граждан. В результате основная активность большинства жителей вынужденно сосредотачивается на проблеме физического выживания отдельной семьи. Сужаются те сферы деятельности (в первую очередь образование и наука), которые традиционно поставляли активистов в некоммерческий сектор<sup>12</sup>.

Надо сказать, что в 1990-е гг. были заторможены «современные» формы организации местной общественной жизни. Но развивались «традиционные» ее формы. И речь здесь может, в первую очередь, идти о высокой активности граждан, вовлеченных в деятельность религиозных организаций. Посмотрим на таблицу. Как можно заметить, российские граждане в 1990-е гг. не были пассивными в области своей традиционной культуры.

**Религиозные объединения\* в России: 1990–1995–1998 гг.**

Показатели	1990	1995	1998	Изменения в 1990-98 гг. (1990=100%)
Общее количество религиозных объединений	6650(100.0)	13580(100.0)	16017(100.0)	240.9
Православные церкви	3772(56.7)	7368(54.3)	9124(57.0)	241.9
В том числе Русская ПЦ (Московский Патриархат)	3442(51.8)	6942(51.1)	8653(54.0)	251.7
Ислам	914(13.7)	2708(19.9)	2891(18.0)	316.3
Иудаизм	34(0.5)	71(0.5)	96(0.6)	282.3
Буддизм	16(0.2)	95(0.7)	160(1.0)	1100.0

Источник: Мчедлов М.П. (ред.) Религии народов современной России: Словарь. М.: Республика, 1999. С. 609.

*Примечания:* В таблице сверху указано абсолютное количество; внизу (в скобках) — доля объединений (в %) отдельных религий и церквей в совокупном количестве религиозных общин. Имеются в виду религиозные общества, административные центры религиозных организаций, монастыри, религиозные братства, духовные образовательные учреждения. Большая часть местных общин «новых» религиозных движений действует вне рамок государственной регистрации и поэтому здесь не учитывается.

<sup>12</sup> *Perepiolkin L., Figatner Yu. Environmental movements in Moscow // Lang-Pickvance K., Manning N. and Pickvance C.G. (eds.) Environmental and housing movements: grassroots experience in Hungary, Russia and Estonia. Aldershot: Averbury, 1997.*

Как можно заметить, «традиционная» культурная активность граждан России в 1990-е и последующие годы возрастала, тогда как ее «современная» часть прошла кульминацию своей активности на рубеже 1980–1990-х гг. О том, что мы имеем дело именно с местной культурной политикой, говорит помещенная далее таблица (см. табл. 1).

**Табл. 1. Территориальная деятельность Русской Православной Церкви, 2004 г.**

Основные черты гражданственности человека	Базовые модальности социокультурного бытия личности и особенности их проявления в гражданском мире		
	<i>Деятельность</i>	<i>Общение</i>	<i>Сознание</i>
<b>конструктивная и творческая активность</b>	- конструктивная, созидательная деятельность; - постоянное инициирование новых дел, предложений;	- заинтересованное, творческое общение, ориентированное на позитивное содержание;	- активная жизненная позиция; - творческий динамизм; - склонность к инициативе;
<b>сознательность и целенаправленность</b>	- рефлексивная и самопрограммируемая активность;	- избирательное и целеориентированное общение;	- осознанное отношение к жизни; - целеустремленность;
<b>свобода и ответственность</b>	- свободная реализация творческих сил; - добровольное участие в общественных делах; - ответственное исполнение избранной деятельности;	- свободное общение с другими людьми; - добросовестное выполнение обязательств перед другими;	- стремление человека быть самим собой и реализоваться во всей полноте жизни; - ответственное отношение к общественным делам и другим людям;
<b>солидарность</b>	- практическое решение совместных проблем; - участие в коллективных проектах и программах;	- реальное сотрудничество и партнерство с другими ради достижения общих (родовых) целей;	- готовность к коллективным действиям и сотрудничеству; - солидарная ответственность;
<b>гуманность</b>	- бескорыстное служение людям, реальная забота о них;	- добровольное и безвозмездное оказание помощи другим людям;	- гуманизм и человечность; - милосердие и сопереживание;
<b>духовность</b>	- в широком смысле: деятельность, направленная на постижение и создание духовных, трансцендентных ценностей; в узком смысле: сознательный выход в экзистенциальное измерение жизни (самоанализ и пр.);	- духовное общение, основанное на общих верованиях или переживании трансцендентного и экзистенциального опыта; - воспитание себя и других путем обращения к высшим ценностям бытия;	- осознание человеком своего предназначения и творческой миссии в мире; - "созерцание жизни" или экзистенциальное самоуглубление; - ориентация на поиск "высших" смыслов бытия;
<b>"сверхнормативность"</b>	- установление внутренних пределов собственной активности; - вненормативная, саморегуляция	- общение, в котором соединяются требовательность к себе с разумной требовательностью к другим	- способность к самоограничению во имя разделяемых идеалов и ценностей; - самодисциплина

*Источники:* Русская Православная Церковь. 2000–2004. Приложение к «Православной энциклопедии». Справочное издание о Русской Православной Церкви. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2004. С. 260–398; *Обращение* святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II к клиру, приходским советам храмов Москвы, наместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 5 декабря 2006 года. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007.

*Примечания:* в столбцах «православные учебные заведения», «православные объедине-

ния и организации», «церковные СМИ» собраны различные по типу учреждения. Например, в качестве учебных заведений могут быть и филиалы московских богословских институтов, и семинарии, и курсы, и также постоянные чтения. В массе своей это воскресные школы. СМИ включают газеты и приложения к газетам, журналы, теле- и радиопередачи, сайты в Интернете. Православные организации также весьма разнообразны. В таблицу не включены данные по Московской епархии (Москва и Московская обл.), правящим архиереем которой являлся сам Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (его помощник Патриарший Наместник митрополит Ювеналий, он в большей мере занимается духовными делами в Московской обл.). Данные по Московской епархии трудно уложить в общую таблицу, так как здесь расположены основные (а это многие десятки) образовательные учреждения, СМИ и православные объединения и организации, деятельность которых распространяется на всю каноническую территорию РПЦ. В Москве расположены 7 соборов и храмов Московского Кремля, 480 храмов и 65 часовен. Большинство из них, вероятно, имеет свои приходы. По данным на 2007 г. общее количество храмов и часовен в Москве достигло 730<sup>13</sup>. В Московской обл. 1001 приход. На территории Московской епархии размещается 21 монастырь, а также 17 (из 25) ставропигиальных монастырей, находящихся «под каноническим управлением и начальственным наблюдением Патриарха Московского и всея Руси».

Заканчивая этот раздел на «православной ноте», хотелось бы привести достаточно стабильный взгляд на локальную культурную политику со стороны верующего православного человека. Это выдержки из статьи Николая Бондаренко, первого заместителя главного редактора журнала «Человек и закон»<sup>14</sup>. Подобная ссылка нужна здесь не только для того, чтобы проиллюстрировать две приведенные выше таблицы. Я не отношу себя к числу верующих, или, по крайней мере, воцерковленных людей. Но для меня очевидна переключка идей помещенного ниже отрывка с теми, которые будут разбираться в последующем разделе и в Приложении. Отсюда будет следовать, что «традиционная» местная культурная политика спонтанно институционализируется. Итак, слово Н. Бондаренко:

Мы живем в удивительное время, в свободной, как никогда, России. По милости Божией, мы можем открыто исповедовать свою веру, выражать свое мнение, основываясь при этом на наших традиционных ценностях. Мы можем создавать для этого средства массовой информации (СМИ), общественные движения, можем использовать существующие.

В дореволюционное время в России так и не удалось создать эффективные формы взаимодействия народа и высшей государственной власти. Гражданское общество, едва начав создаваться, опрокинулось рево-

---

<sup>13</sup> Обращение святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру, приходским советам храмов Москвы, наместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 5 декабря 2006 года. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007, с. 15.

<sup>14</sup> Адрес сайта: <http://www.kreml.org/opinions/170474656>.

люционной смутой, похоронив на десятилетия чаяния народа о правах и свободах, предполагающих уважение к личности и широкое участие граждан в общественной и государственной жизни державы.

Под местными православными сообществами нужно понимать организацию православных людей (священников и мирян) вокруг совместных православных проектов, взаимодействие между приходами на общей территории их расположения: город, район, область. Известно, что в каждом приходе есть люди различного функционального назначения, отличающиеся друг от друга: образованием, социальным статусом, талантами, возможностями, связями. Среди прихожан есть талантливые программисты, чиновники, врачи, педагоги, военные, инженеры, архитекторы, депутаты, журналисты, юристы, художники, предприниматели и т.д. Каждый приход мог бы похвастаться «своими» талантами. Талантливые православные люди, объединенные не только на приходах, что является условием обязательным, но объединенные общей территорией проживания, общей заботой о развитии православия на своей малой родине, вместе участвующие в благоустройстве самой этой территории с точки зрения наших традиционных ценностей, могут принести большую пользу Церкви и Отечеству, чем, работая по отдельности. Даже более, многие православные проекты, как, например, выпуск качественной православной газеты, требует наличия многих специалистов и финансовых средств, которых может и не быть на отдельно взятом приходе.

Также нужно понимать, что влияние одного прихода на происходящее в районе или городе всегда ограничено. Но объединенные местной православной общественной организацией православные люди могут стать влиятельной и авторитетной силой, с мнением которой будут считаться.

Но для этого православным необходимо освоить технологии работы с общественным мнением. Активным православным людям, душой болеющим за Церковь и Отечество, нужно понять, что власть — это не всегда должность, даже более того, должность не всегда наделена властными полномочиями. Власть — это категория, близкая к такому понятию, как влияние.

Мы живем в информационном обществе. В современном информационном обществе влияние осуществляется через мысли и идеи и средства доведения мыслей и идей до масс либо просто людей или группы людей. Под средствами нужно понимать средства массовой информации (СМИ).

Информационное общество диктует свои правила и законы, один из которых состоит в том, что если та или иная позиция, точка зрения отсутствует в информационном пространстве, то это означает почти следующее: отсутствует субъект, носитель этой позиции, точки зрения.



Проведение дискуссий на различные темы в малых городах, районах по-прежнему является эффективным инструментом влияния, поскольку может представлять собой важное культурное событие регионального масштаба. По нашему мнению, проведение дискуссий под сенью Церкви, посвященных вопросам как духовно-нравственного развития населения, так и другим вопросам, волнующих жителей города, района: экологические проблемы, благоустройство территории, ЖКХ, застройка, проблемы здравоохранения, образования и т.д., стало бы еще одним инструментом влияния местных православных сообществ на процессы местного уровня.

Дело в том, что вокруг нас есть люди высокого культурного уровня и образования, специалисты в различных областях, так называемая местная элита, чей потенциал не до конца раскрыт для блага общества. Это работники искусства, писатели, предприниматели, педагоги, военные, чиновники и т.д. Эти люди обладают опытом и знаниями, которые не востребованы местной властью, и которыми можно воспользоваться для благих целей. Церковь, в данном случае могла бы выступить в качестве организатора таких мероприятий, собрать вокруг себя людей доброй воли для оценки происходящих на местном уровне процессов и их корректировки, для разработки предложений, которые можно было бы адресовать местной власти.

Организация дискуссии содержит в себе: план, персональный состав участников, задачи и цель. Кроме того, дискуссией нужно уметь управлять, чтобы работа проходила конструктивно и слажено. Для усиления эффекта дискуссии наиболее содержательную ее часть необходимо публиковать в местных СМИ.

Таким образом, сосредоточив «в своих руках» местный «интеллектуальный потенциал», местные православные сообщества могут стать весомой силой, способной корректировать работу местных властей, участвуя в формировании на территориях по сути православной культуры, негласных правил и порядков, отражающих глубинный уклад российского общества, нормы и правила которых местная власть будет стараться учитывать в своей работе.

#### **«Современный» тип местной культурной политики**

Тот тип местной культурной политики, который я называю «современным», или «институционализированным», скорее всего, возник в начале XX в. в виде «фондов развития местных сообществ», или community foundations. Первый такой фонд был создан в США в 1914 г., а сейчас там их более 600. В 1921 г. такие фонды возникли в Канаде (сейчас более 100),

в 1979 г. в Великобритании (сейчас их более 50). В Российской Федерации первый такой фонд начал свою деятельность в г. Тольятти (1998 г.), а к 2003 г. их численность по стране достигла 15. Деятельность фондов развития местных сообществ заключается в поддержке благотворительности и общественной деятельности на своей территории преимущественно через периодическую выдачу грантов на конкурсной основе, а также в консультировании и иной помощи. Как считает автор одной интернетовской справки<sup>15</sup> [Кольский] преимущество этой формы деятельности заключается в том, что она объединяет усилия представителей всех секторов общества (бизнеса, власти, общественности и рядовых жителей) на решение проблем местного сообщества.

Упомянув выше о Тольятти, следует сказать, что здесь регулярно проводится Окружная Ярмарка социальных и культурных проектов («Тольятти – ...год»), имеющая своих грантополучателей в Приволжском федеральном округе. Грантовая программа имеет следующие местные приоритеты:

- социально-экономические реформы и правовая культура на местном уровне;
- образовательный, культурный потенциал территории и местные стратегии (развитие человеческого капитала);
- развитие этнокультурных, культурно-религиозных сообществ и предотвращение межэтнических конфликтов;
- открытый доступ к информации и интеграция в международные информационные сети<sup>16</sup>.

Интересно, однако, изучить отчеты по итогам подобного рода конкурсов. Ниже приводится отчет по Нижегородчине:

В Законодательном Собрании Нижегородской области подведены итоги Регионального конкурса социально-культурных проектов (сообщение от 18.02.2005 13:45).

18 февраля в Законодательном Собрании торжественно подведены итоги Регионального конкурса социально-культурных проектов. Напомним, что он был объявлен в Нижегородской области 1 октября 2004 года по инициативе председателя Законодательного Собрания, лидера нижегородских единороссов Евгения Люлина и являлся продолжением Федерального конкурса «Социальный форум», поддержанного партией «Единая Россия».

---

<sup>15</sup> Кольский А. Фонды развития местных сообществ // Центр социального партнерства. Ярославская региональная общественная организация. На сайте: <http://www.csp.yaroslavl.ru>

<sup>16</sup> Опубликовано на сайте «Новости Саратовской губернии» по адресу: <http://www.pfo.ru>.

В Региональном конкурсе принимали участие проекты, в основе которых стоит реальная деятельность общественных организаций по улучшению социально-экономической ситуации в районе, а также реализация конкретных мероприятий, социально и культурно значимых для района. Как подчеркивает Евгений Люлин, цель конкурса дать возможность каждому активному жителю Нижегородской области внести свой посильный вклад в развитие родного края.

Региональный конкурс включает в себя 6 номинаций: образовательная политика, местное самоуправление и местное сообщество, участие граждан в решении правовых проблем, культура и религия, социальные и экологические технологии – стратегии социального развития. В районах области активно работали координаторы конкурса, общественные и муниципальные организации. Для более подробного знакомства с условиями конкурса организаторы провели в декабре специальные семинары в районах.

Сбор заявок по конкурсной программе был закрыт 30 декабря 2004 г. Всего на конкурс было подано 269 заявок. Наибольшей популярностью пользовались темы из области культуры (33% от общего числа), социальной (30%) и образовательной политики (19%).

По числу поданных заявок наибольшую активность проявили Семеновский и Борский районы. Затем следуют Б. Мурашкинский и Сокольский районы, города Дзержинск и Нижний Новгород.

Каждая заявка оценена независимыми экспертами, а список победителей (72 человека) утвердил Попечительский совет Регионального конкурса, учитывая значимость каждого предлагаемого проекта для Нижегородской области. Дипломы победителям вручил Евгений Люлин.

Очень важно, по словам Евгения Люлина, что проекты придуманы не чиновниками, а простыми людьми. «Главное в каждом проекте – желание автора созидать и совершать благие дела на Нижегородской земле», – подчеркнул Евгений Люлин.

Победители, в свою очередь, благодарили организаторов конкурса за предоставленную возможность поверить в свои силы и сделать окружающий мир добрее и светлее. Отметим, что авторы лучших проектов получают деньги из грантового фонда на сумму до 30 000 рублей на их реализацию, которая начнется с марта нынешнего года. В создании фонда непосредственное участие принимало региональное отделение партии «Единая Россия» © 2003 Законодательное Собрание Нижегородской области Powered by TreeGraph Created by Graphit).

Меня не оставляет ощущение, что речь идет о мимикрии старого доброго Министерства культуры и его региональных отделений. Наверное, оно и к лучшему. В целом же нельзя не отметить главный порок гранто-

вой системы: получение гранта зависит от наличия моды на ту или иную тематику. Грант не может быть базовым элементом локальной культурной политики, по крайней мере, претендующей на какую-либо стратегию.

С конца 1960-х гг. в культурной политике Европы и США стали происходить изменения, связанные с концепциями участия и партнерства. Смысл этих изменений заключался в создании альтернативного культурного продукта, реализации маркетинговых стратегий в сфере культуры, признании мультикультурализма и культурного разнообразия<sup>17</sup>. Как мне кажется, представление о собственно культурной политике стало вытесняться более комплексным подходом, связанным с политикой развития. В Европе этого подхода придерживается такая организация, как ESCOVAST, имеющая российское отделение (им руководит О.Г. Севан).

В 1980–1990-е гг. в области локальной культурной политики возникли новые тенденции. Во-первых, стало возникать такое явление, как арт-менеджмент. Его задача заключается в том, чтобы обеспечить функционирование культуры, «творческий драйв», в противовес задачам государственной культурной политики, которые связаны с консервацией и популяризацией объектов и произведений культуры. В этом направлении работают ряд художественных центров («Дом» – Москва; «Про-Арте» – Санкт-Петербург) и начинаний (например, фестиваль «Культурная столица» в Нижнем Новгороде)<sup>18</sup>.

Наиболее важная тенденция этого периода, на мой взгляд, связана с возникновением феномена и концепции «третьего сектора», а на этой основе в дальнейшем – некоммерческих организаций (НКО). Впечатляют масштабы явления. По данным на начало 1990-х гг., в некоммерческом секторе США трудилось, помимо оплачиваемой работы, **90 миллионов (!)** человек, то есть половина взрослого населения, американский средний класс. В год это составляло **7.5 миллиона (!)** рабочих лет, а невыдаваемая за **произведенные** услуги и товары плата достигала **\$150 миллиардов (!)**<sup>19</sup>.

Следует выделить основные теории, в рамках которых идет исследование некоммерческого сектора<sup>20</sup>.

Теория гетерогенности предполагает, что третий сектор призван восполнять лакуны со стороны государства и бизнеса в обеспечении общества

---

<sup>17</sup> Глембичкая Я. Искусство нового формата // <http://www.depo.org.ru/art/news/192>

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Друкер П. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М., 1994. С. 284.

<sup>20</sup> Salamon L.M., Anheier H.K. Social origins of civil society: Explaining the nonprofit sector cross-nationally (Working Papers of The John Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project). Baltimore, 1996.

определенным комплексом товаров или услуг. Из этой теории следует, что чем выше этническая и религиозная гетерогенность общества, тем более развит некоммерческий сектор. Недостаточность этой теории, на наш взгляд, заключается в том, что по содержащимся в ней критериям трудно отделить организации третьего сектора от домохозяйств, то есть некоммерческую гражданскую активность от деятельности, осуществляемой в рамках каждой конкретной семьи. Теория “*supply-side*” предполагает, что для становления организованных форм некоммерческой деятельности необходимо социальное интерпренерство, которое будет наиболее активным в условиях этнической или религиозной разнородности общества. В рамках концепции «доверия» развитие третьего сектора обусловлено отношением общества к качеству товаров и услуг, поставляемым со стороны бизнеса.

Как мне кажется, «взрывное» развитие третьего сектора (а оно характерно, прежде всего, для США и Японии) объясняется совсем другими причинами, а именно, наличием в этих странах у граждан *возможностей* и *желания* сделать что-либо полезное для общества. На этом, по существу, завершается спираль локальной культурной политики: возникает *новая традиция*.

\*\*\*

Очевидно, что «нарисованная» здесь динамика развития «современной» культурной политики не является универсальной. Так, в США более развиты Фонды развития местных сообществ и некоммерческие организации. Может быть потому, что здесь существуют давние традиции благотворительности и спонсорства и глубокое отвращение к государственным инициативам. Для Европы характернее комплексный подход к развитию территорий, политика партнерства и поддержание культурного разнообразия. Возможно, это происходит потому, что для региона в большей мере присущ «государственный социал-демократизм», кроме того, идущая перестройка европейского социального организма требует нового типа субсидиарности (по существу, перераспределения полномочий от национального государства «вниз» и «вверх»).

Как мне кажется, сейчас в России развиваются элементы всех моделей локальной культурной политики. Но еще долго эта политика не сможет конкурировать с государственной, в том числе и потому, что субъектом политики местного уровня может быть только *обеспеченный гражданин, представитель среднего класса*. Таковых в нашей стране пока недостаточно. Можно, однако, предположить, что для нас по ряду причин будут ближе те модели локальной культурной политики, которые разрабатываются в Европе.

II. Практические (прикладные) проблемы социокультурного развития местных сообществ.

## II. Реальные процессы социокультурного развития в регионах и муниципалитетах

О.Н. АСТАФЬЕВА, С.Н. ГОРУШКИНА

### ИНФРАСТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И МЕСТО ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕЕ РАЗВИТИИ

#### Инновационное развитие сферы культуры на местном уровне

Социокультурное развитие локальных территорий в условиях административных и экономических преобразований, происходящих в стране в начале XXI в., — проблема исключительной значимости<sup>1</sup>. Речь идет, во-первых, о совершенствовании правовых и организационно-экономи-

---

**Астафьева Ольга Николаевна** — доктор философских наук, профессор, зам. заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва);

**Горушкина С.Н.** — Заместитель министра культуры Московской области (Москва).

---

<sup>1</sup> Уточним некоторые понятия. **Социокультурное развитие** — качественные изменения, происходящие в социальной сфере и в культуре конкретного сообщества, которые отображают историческую дифференциацию этих фундаментальных сфер жизнедеятельности людей, появление в них новых форм, систем, внутренних и внешних связей. Понятием «социокультурное развитие» характеризуются ее качественные изменения (совершенствование, усложнение и т.п.), свидетельствующие о появлении новых, более сложных, форм социальных структур и организации. **Социокультурное развитие территории** в аспекте инноватики предполагает стратегию согласования самоорганизации разных социальных групп как условия формирования гражданского общества, проявления демократических тенденций с управленческим стратегированием в социальной сфере и целями культурной политики, осуществляемыми на локальном уровне.

ческих механизмов, регулирующих развитие сферы культуры; во-вторых, о формировании принципиально нового отношения к культуре как ресурсу социального и экономического развития; наконец, в-третьих, о поиске форм включенности населения в процессы социокультурного развития территорий. В целом, об инновационной стратегии социокультурной политики, которая должна строиться на согласовании интересов политики, экономики и культуры, включаться в качестве основных приоритетов в концепции региональных культурных политик, т.е. «дополняться пространственным аспектом системного освоения инноваций»<sup>2</sup>. И главное – исходить из того, что переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал, так как «развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный приоритет»<sup>3</sup>.

Подобный лаконизм в объяснении происходящих изменений даже в общих чертах не передает всей сложности и остроты происходящих на местах трансформаций, связанных с внедрением «бюджетирования ориентированного на результат», освоением принципов проведения конкурсов и формирования целевого капитала, размещением заказа на культурные услуги и переходом к организационной форме «автономное учреждение культуры» и пр. Подобный каскад нововведений вызвал неоднозначную реакцию, получил противоречивые оценки и со стороны экспертного сообщества, и управленцев, непосредственно осуществляющих реформирование отрасли.

Прежде всего потому, что отношение к сфере культуры в России последние три десятка лет менялось с устойчивой периодичностью. Достаточно напомнить о реформах конца 80-х гг. XX в., о попытках преодоления традиции финансирования сферы «по остаточному принципу», переходе учреждений отрасли «к хозрасчету, самофинансированию и самокупаемости». Внедрение принципов «многоканального финансирования» в начале 90-х гг. потребовало определенных компромиссов, так как на первом этапе освоения новых принципов проявился «крен» в сторону коммерциализации, поэтому при всех очевидных достоинствах постепенно обнаружились и все связанные с этим процессом финансовые нарушения – следствия разного рода экспериментов, «погоны» субъектов культурной деятельности (творческих организаций и учреждений культуры и

---

<sup>2</sup> *Гринберг А.* О стратегии инновационного развития // Альманах. Форум – 2008: Новое в междисциплинарных исследованиях и дебатах. – М.: ИНИОН РАН, 2008. С.26.

<sup>3</sup> *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Госсовета (февраль 2008 г.) .

искусства) за коммерческой прибылью в ущерб художественному уровню. Нынешняя ситуация и характеризующие ее трансформации в социокультурной сфере, с присущими ей ошибками и просчетами, коренным образом отличается от предыдущих периодов поисков. В целом, административная реформа затрагивает все сферы общества, носит системный и динамичный характер. Другое дело, что она проводится на фоне существующих противоречий между тенденциями укрепления государственности и становлением гражданского общества, при не всегда успешных попытках отойти от практики перенесения на сферу культуры тех же финансово-экономических механизмов управления, которые эффективно действуют в других секторах общественной системы.

Тем не менее, взвесив все «за» и «против», выскажем оптимистическое предположение, что вектор государственного и общественного отношения к сфере культуры — как к затратной части бюджета — стал меняться в сторону признания культуры ресурсом социально-экономического развития и источником нового, инновационного по своей сути, мышления<sup>4</sup>. Не случайно, все чаще проблемы определения роли и функций государства, понимания, где организационно-управленческие формы излишни и могут быть заменены самоорганизацией, расширяющей пространство культурного творчества и инициатив, выдвигаются на первый план.

В чем же конкретно проявляются эти изменения, и каковы основные противоречия, их характеризующие?

Прежде всего, в развитии местного самоуправления, интенсивно протекающего в современной России в контексте демократических процессов, как показатель децентрализации власти государства, шаг навстречу гражданскому обществу.

Однако, с одной стороны, управленческие структуры, преодолевшие не простой период разграничения полномочий органов власти всех уровней в сфере культуры, вынуждены искать методы регулирования в условиях разнообразия организационно-правовых форм организаций культуры, деятельность которых может носить как некоммерческий, так и коммерческий характер. В центре — корреляция привычных подходов с идеями местного самоуправления и гражданского общества, организация неформального взаимодействия муниципальных сообществ и их управление на местном уровне.

---

<sup>4</sup> См. материалы парламентских слушаний по теме «Влияние культуры на формирование инновационной экономики, человеческого капитала, образа жизни (законодательный аспект)», которые состоялись 13 ноября 2008 года в Государственной Думе Федерального собрания РФ.



С другой стороны, соответственно, возросла ответственность управленческих структур за создание условий для инициирования самоорганизационных процессов в культуре, поддержки новых форм культурной деятельности, удовлетворяющих запросы населения на различные виды услуг культуры. Как следствие, решение задач по поддержке деятельности разных субъектов по созданию культурных индустрий, расширению сектора творческих индустрий в целом, тем самым способствующих перемещению культуры с периферии в центр общественного внимания.

Собственно говоря, не снимая с повестки дня дискуссионность вопроса о сохраняющемся сегодня разрыве между состоянием инфраструктуры локальных территорий в разных субъектах Российской Федерации, все же отметим, что социокультурный ландшафт многих локальных территорий постепенно преобразуется. И не только за счет «строительного бума» и архитектурной модернизации. Обустройство лесопарковых зон, городских набережных, реставрация церковно-культовых зданий, возведение новых памятников в целом меняют облик российских городов, индивидуализируют их социокультурный ландшафт<sup>5</sup>.

Однако необходимо иметь в виду, что целостность социокультурного ландшафта, как системы, поддерживается не столько границами территории, сколько сложившейся системой взаимодействия — социальными и культурными коммуникациями, особыми структурными взаимосвязями и взаимозависимостями. Основой коммуникации выступает самовоспроизводство социокультурных форм, ибо общество — не статичная структура, включающая разные социальные институты, в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определённых актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами<sup>6</sup>. Поэтому любая локальная территория не может также рассматриваться как сумма объектов социальной и культурной сферы, это — сложная система, в которую включен человек с его различными (витальными, социальными, культурными, коммуникативными, информационными и пр.) потребностями и интересами.

Административная реформа направлена на формирование новой системы коммуникаций в интересах граждан и бизнеса, что, в конечном счете, должно способствовать созданию и развитию каналов, механиз-

---

<sup>5</sup> **Социокультурный ландшафт** — это совокупность социальных и культурных объектов, образующих инфраструктуру определенного административного образования, которая вписана в определенный природный, геоклиматический контекст территории.

<sup>6</sup> См.: Сенур Э. Коммуникация // Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 210-215.

мов и инструментов влияния общества и бизнеса, институтов гражданского общества; на повышение удовлетворенности граждан качеством и доступностью государственных услуг; на снижение издержек бизнеса в преодолении административных барьеров; на поиски форм социальных партнеров и пр.

В связи с разграничением полномочий в ходе административной реформы и реформы местного самоуправления произошло кардинальное изменение государственной политики в отношении муниципальных учреждений культуры и социальной инфраструктуры в целом. Современное законодательство сконцентрировало ответственность за обеспечение доступа населения к культурным благам на уровне местных органов власти, отнеся к их компетенции все аспекты формирования культурной политики, в том числе решение вопросов собственности, финансирования, структуры и численности сети учреждений, определение уставных задач и механизмов их реализации.

Российский опыт последних лет наглядно показывает, что для достижения целей культурной политики недостаточно их сформулировать, обеспечить правовую базу и разработать план действий. Для того чтобы добиться существенных, общественно значимых результатов необходимо внедрение системы управления по результатам, которая увязывает цели, мероприятия, а также ресурсы, необходимые для достижения целей органов исполнительной власти в сфере культуры на любом уровне, будь то федеральный, региональный или муниципальный. Данной задаче управления по результатам в наибольшей степени соответствует инструмент управления проектами.

### **Управление проектами как инструмент социокультурной политики**

Традиционно в сфере культуры применяются два вида проектной деятельности — это проект в форме программы и проект в форме локальной идеи, направленной на реализацию творческого замысла<sup>7</sup>.

Если говорить о проектной деятельности, зафиксированной *в программах*, то следует, прежде всего, выделить их основные типы — целевые, комплексные, ведомственные, а также различать по масштабу и объему целей, задач и ресурсов, определяющих их статус (федеральные, региональные или муниципальные программы). Источником финансирования программ служат бюджетные ассигнования соответствующего уров-

---

<sup>7</sup> **Проект** — это концептуально оформленная идея, творческий замысел, воплощенные в форму описания с обоснованием расчетов всех видов необходимых ресурсов, раскрывающих сущность замысла и возможность его практической реализации.

ня бюджета. Их разработчиками и заказчиками, как правило, являются органы исполнительной власти. Программы создаются на краткосрочный (от года до трех лет), среднесрочный (от трех до пяти лет) или долгосрочный период (до 2015, 2020 г. и далее) и реализуют **комплекс инвестиционных и творческих мероприятий** (например, «Программа развития культуры села», «Программа поддержки народного творчества»)⁸. Необходимо отметить, что после разграничения полномочий, программа в контексте задач, поставленных бюджетной реформой, стала одним из наиболее эффективных инструментов культурной политики. В последнее время, когда государственная политика стала строиться на основе долгосрочных стратегических программ, роль программного метода управления в культуре становится определяющей. Программно-целевой метод позволяет сконцентрировать финансовые ресурсы на конкретных объектах, предотвратить их распыление. Наличие федеральных и региональных нормативных актов, регламентирующих порядок разработки и принятия программ, свидетельствует о том, что программа, становится основным инструментом осуществления социальной политики, позволяющим увязывать цели и результаты с наличием ресурсов и объемом потребительского спроса.

Особо следует отметить, что во многих субъектах Российской Федерации активно развиваются программно-целевые методы бюджетного планирования. В программах определяется комплекс взаимоувязанных мероприятий, которые направлены на решение конкретных тактических задач.

Среди регионов, успешно освоивших данный подход к организации деятельности учреждений культуры, назовем Архангельскую область, где разработана краткосрочная целевая программа «Поддержка социально-культурных инициатив в муниципальных образованиях Архангельской области».

В Ярославской области в 2004 г. принята областная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года», содержащая раздел «Основные мероприятия по развитию туризма и повышению культурного уровня на селе». В настоящее время разрабатывается целевая программа «Укрепление материальной базы сельских культурно-досуговых учреждений Ярославской области на 2007–2008 гг.».

---

<sup>8</sup> **Программа, как инструмент управления**, обеспечивает тесную взаимосвязь процессов, происходящих в сфере культуры, с процессами, происходящими в обществе, а ее успешная реализация способствует обеспечению конституционных прав человека в области культуры, укреплению человеческого капитала, в целом – социокультурному развитию страны и ее отдельных территорий (региона, муниципального и иного территориального образования).

Во Владимирской области в 2004 г. утверждена областная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года», в рамках которой предусмотрено выделение средств на реконструкцию и поддержку ряда сельских объектов культуры. В Приморском крае принята программа «Социальное развитие села» до 2010 года»; в Челябинской области действует программа «Социальное развитие села на 2005–2010 годы». В Кировской области программа – «Социальное развитие села на 2004–2010 годы» принята в 2004 г. и откорректирована с учетом требований административной реформы.

В целом в Российской Федерации, по данным мониторинга Минкультуры России, действуют:

1. Региональные целевые программы – 18 территорий (24 программы);
2. Ведомственные целевые программы – 8 территорий (10 программ);
3. Раздел о поддержке культуры в иных программах региона – 8 территорий (17 программ).

Другим уровнем *проектной деятельности* выступает организационно-управленческая и научно-методическая деятельность, связанная с разработкой локальных идей, *направленных на реализацию конкретного творческого замысла*. В основном разработчиками и исполнителями локальных проектов выступают организации культуры, некоммерческие организации в рамках их уставной деятельности, в ряде случаев – даже частные лица. Для реализации локальной творческой идеи привлекаются финансовые средства (или иные ресурсы) из различных источников, таких как благотворительные фонды и коммерческие организации. В ряде случаев, когда идея созвучна задачам социокультурного развития территории, получает общественный позитивный резонанс и предполагает социальный эффект, то не исключается поддержка проекта структурами территориального управления, направление на ее реализацию бюджетных средств. Цели локальных проектов предусматривают разработку темы внутри уже имеющейся структуры (создание музейной экспозиции, создание электронного каталога библиотеки), либо имеют исследовательский или издательский характер. Хотя время реализации локального проекта, как правило, ограничено конкретными временными рамками для его воплощения, тем не менее, подлинная ценность проекта – в сохранении эффектов в долгосрочной перспективе. Так происходит продвижение проекта к развернутой программе, скажем, программе модернизации конкретной территории ресурсами культуры. В качестве примеров можно привести российскую программу «Культурная столица Поволжья», позволившую повысить конкурентоспособность таких городов как Ульяновск, Киров, Нижнекамск, Чебоксары, Ижевск, Димитровград, Новочебоксарск за счет развития городской

культуры: инновационных решений по организации музеев, театров, библиотек, а также поддержки локальных проектов и творческих инициатив (по совершенствованию инфраструктуры, освоению новых публичных городских пространств, продвижению бренда, решению социальных проблем и т.д.). Последовательность и системность в реализации серии близких по тематике, но различных по решению локальных проектов, созвучных региональной программе развития, позволила расширить связи между городами, способствовала укреплению региональной целостности за счет достижения равновесия между местной, региональной, национальной и международной составляющей программы, гармонизации событийного ряда и инфраструктурных элементов<sup>9</sup>.

Необходимо отметить, что креативные идеи, рождаемые в рамках локальных проектов, отличаются уникальностью и ценны своей культурно-просветительской направленностью; являются инновационными по своей сути и предполагают партнерские связи, стимулирующие интерес местного сообщества к культурной деятельности. Общественная значимость локальных проектов, оригинальная форма их подачи, умение учитывать интересы партнеров — все это послужило основой для формирования платформы поддержки локальных творческих проектов, основу которой составили финансовые средства бизнеса.

Более того, ключ к экономической конкурентоспособности учреждений культуры заложен в них самих, ибо креативность и творчество позволяют поднять качество предоставляемых культурных услуг.

Учреждения и организации культуры становятся более мобильными в системе социальных коммуникаций: взаимодействуют с бизнесом, рассматривая его и как клиента (заказчика услуг), так и в качестве инвестора. Тем самым расширяется система взаимодействия с различными источниками спонсорской и благотворительной помощи. В зависимости от производимого продукта, творческие индустрии обладают разным потенциалом сотрудничества с бизнесом — одним удается развиваться за счет продажи своего культурного продукта, другие могут привлекать бизнес в основном как спонсора, третьи рассчитывают на благотворительность бизнеса. Бизнес, в свою очередь, путем поддержки культурных инициатив стал создавать себе позитивный имидж<sup>10</sup>.

---

<sup>9</sup> См.: *Гнедовский М.Б.* Странствующая столица как лаборатория культурной политики // Странствующая столица: роль культуры в развитии территории. М.: Институт культурной политики, 2007. С. 11-12.

<sup>10</sup> См.: *Зеленцова Е.* Бизнес для творчества или творчество для бизнеса? // Журнал «60 параллель». 2008. № 2 (29.) С. 118-129.

В качестве примеров сотрудничества подобного рода можно назвать выставку «Живопись XXI века» (Эрмитаж — «Ингосстрах — Санкт-Петербург»). Значительный вклад в стимулирование творческих инициатив внесли Фонд Потанина на поддержку новых музейных технологий, другие грантовые фонды, поддерживающие исполнительское и изобразительное искусство. Большое общественное признание творческих инициатив специалистов сферы культуры и их практические результаты по расширению форм работы послужили поводом для учреждения грантов Президента Российской Федерации на проекты общенационального значения.

Активное развитие творческих проектов и их высокий авторитет в местном сообществе послужили основанием для прихода на рынок зарубежных частных инвесторов (TACIS IBPP, Фонд Форда, программа малых грантов Всемирного банка). Не вдаваясь в анализ причин участия иностранных партнеров в проектной деятельности российской культуры, необходимо отметить очевидную разницу подходов у зарубежных и отечественных инвесторов к приоритетам по тематике и критериям отбора проектов.

Таким образом, *существенная разница между двумя формами проектной* деятельности в культуре заключается в том, что *программа* (как в описанном выше варианте) может рассматриваться как связанная единой целью серия проектов, однако чаще всего *программа* используется как *инструмент управления бюджетными ресурсами, в то время как локальный творческий проект* выступает *механизмом фандрайзинга* для реализации творческих инициатив.

*Объединяющим фактором* программы и локального проекта является то, что обе эти формы являются *инструментом управления ресурсами сферы культуры*.

Как уже отмечалось, проектный метод управления предусматривает четкую увязку с целями и результатами. Однако следует отметить, что процесс внедрения управления по результатам в сфере культуры в значительной степени сдерживается из-за укоренившегося в психологии специалистов традиционного *принципа управления сетью* организаций культуры. В сущности, эта проблема характерна практически для всех типов бюджетных учреждений и обусловлена проблемой «старения кадров». Менеджмент сферы культуры и его основные административные навыки сформировались в советское время. Советская доктрина рассматривала культуру как часть государственной идеологической системы. В целях обеспечения идеологии была создана сеть, структура которой в полной мере отражала приоритеты культурной политики основанной на партийных директивах. Нормативное регулирование осуществлялось на базе

типовых документов в рамках сметного финансирования, что обеспечивало вертикаль управления, не оставляя возможностей для разнообразия форм организации культурных процессов. Со сменой парадигмы государственного управления изменился подход к определению роли культуры в современном обществе.

***Фактически культура стала рассматриваться как ресурс и инструмент для достижения внешних по отношению к ней социально-экономических целей.*** Такое изменение курса во многом обусловлено глобальными тенденциями общественного развития. Реформы в обществе (административная, бюджетная, местного самоуправления) повлекли за собой новые требования к формам и методам организации культурной деятельности. И в данной ситуации сетевой менеджмент — оказался в основном несостоятельным для создания имиджевых проектов, отвечающих вызовам времени.

### **Проектная деятельность в сфере культуры: творческая самоорганизация и инновационные решения**

Характеризуя состояние социальной и культурной сферы в России в последнее десятилетие XX в., исследователи указывали на ее кризисное состояние. Особо подчеркивалось, что разрушение инфраструктуры во многом связано с отсутствием средств у городских властей, на баланс которых были переданы большинство исключительно затратных объектов. В качестве позитивных примеров преодоления ситуации «вымирания культуры» назывались успешные проекты по развитию малых городов (Мышкин, Тихвин, Старицы и др.), ориентированные на активное участие населения в развитие городской среды. Именно в подобных социально и культурно ориентированных проектах авторы видели будущее в развитии малых поселений.

Однако этого в силу слабости инициативных групп, недостаточной нацеленности к возможностям местного самоуправления социокультурных программ, ориентированных на муниципальное развитие, было в то время явно недостаточно<sup>11</sup>. Сегодня ситуация иная: на арене появилось множество новых субъектов культурной политики, среди них менеджеры, развивающие творческие и культурные индустрии (кинопроизводство, шоу-бизнес), галеристы, продюсеры, поддерживающие частные практики в сфере культуры и искусства, которые, согласно международному

---

<sup>11</sup> См.: Междисциплинарный подход к разработке программы развития малого города и прилегающего района (на примере Московской обл.) / Российский комитет по селам и городам — ЕКОВАСТ, Российский институт культурологии: Отв. ред. *О.Г. Севан*. М.: «Техно-печать», 2001. С. 8-10, 44-45 и др.

опыту, являются базовыми для успешного развития предпринимательства в гуманитарной и творческой сфере.

Наряду с развитием новых практик в организации культурной деятельности появились частные инвесторы и фонды, поддерживающие проекты в сфере культуры и искусства<sup>12</sup>. В качестве интересных проектных решений можно назвать фестиваль театральных проектов «Золотая маска», (ассоциация «Золотая маска» – Сбербанк России), кинофестиваль «Кинотавр» (компания «БИЛАЙН»). Позитивным примером реализации одного из музейных проектов по сохранению культурного наследия города Коломны и развитию туризма и креативных индустрий является проект «Коломенская пастила. История со вкусом», получающий на разных этапах его разработки поддержку не только в рамках грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире»<sup>13</sup>, но и со стороны государственных и муниципальных структур (выделение средств Президентом РФ, средств федерального бюджета в виде гранта по поддержке малого бизнеса и ФЦП «Культура России»), а также международных грантов Европейской комиссии по поддержке инициатив в области культуры между ЕС и Россией. Создание на территории древнего посада уникального музейного комплекса «Коломенская пастила. У Николы на Посадах» – это новый проект, развивающий ранее начатую работу талантливого творческого коллектива. Если поначалу этот проект был связан с желанием воссоздать старинные рецепты изготовления известной на всю Россию в XVIII–XIX вв. коломенской пастилы (истоки этого гастрономического продукта в этой местности уходят в XV в.), о которой упоминалось в произведениях Карамзина, Лажечникова, Соколова-Микитина, Чайнова и др., то в настоящее время он становится проектом, развивающим средствами культуры территорию города. Сегодня в качестве проектного предложения выдвигается идея создания музея коломенской пастилы и фабрики, коллекционного сада и исторического гостевого дома братьев Сурановых. Развитие гастрономического туризма и создание культурно-исторической среды может быть отнесено к инновационному инфраструктурному проекту, имеющему высокую социально-экономическую значимость.

---

<sup>12</sup> **Творческие индустрии или «креативные индустрии»** – образуют один из секторов современной экономики, где в качестве базового ресурса привлекаются искусство, народное творчество, культурный туризм, компьютерные технологии и др., на основе которых создаются разные типы предприятий малых или средних форм, в деятельности которых основной являются творческая, индивидуальная составляющая.

<sup>13</sup> См. подробнее о грантовом конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимом Благотворительным фондом В. Потанина: <http://www.museum.fond.potinin.ru>.



Тем не менее, анализируя практику взаимодействия бизнеса и культуры, можно предположить, что благотворительность бизнеса в большей степени ориентирована на социальную сферу (детские дома, церкви, больницы), а не на культурную деятельность. Среди форм сотрудничества бизнеса с творческими индустриями преобладает спонсорская поддержка. Большинство представителей бизнес-структур утверждают, что руководствуются при выборе проекта интересами компании, оценивая его по следующим параметрам: целевая аудитория культурного проекта; соответствие проекта имиджу компании; соразмерность бюджета проекта возможностям компании и объемам продаж; оригинальность проекта; личные симпатии лиц, принимающих решения к определенным направлениям культуры или творческим личностям; репутация руководителя проекта, презентация проекта.

Творческие организации, чей продукт априори нерентабелен, говорят о социальном партнерстве. Они пытаются убедить бизнесменов не столько в выгодности, сколько в политической и социальной значимости поддержки культуры. Эта группа, работающая в сфере актуального немассового искусства, ориентированного на производство не товара, а творческого продукта, всегда будет жить за счет грантодателей и благотворительных фондов.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что культурным инициативам, в особенности, если они выходят за традиционные сетевые рамки, приходится рассчитывать только на спонсорские средства. Поэтому частные практики в сфере культуры либо малобюджетны (антреприза, луна-парк), либо объектом инвестиций выступает технологическое оснащение досуговых объектов (кинотеатры, клубы), что свидетельствует об ограниченности действия проекта во времени и ограничении его влияния на культурную среду. Тематическая фрагментарность и, в особенности, отсутствие государственного патроната, не позволяют в достаточной степени реализовать большой потенциал, заложенный в идее частных практик в сфере культуры. О проектах такого рода как создание коллекций Третьякова и Бахрушина, сегодня говорить не приходится, поскольку государственная политика в сфере культуры не предусматривает эффективных механизмов привлечения благотворительных либо инвестиционных средств для развития культурных инноваций и сохранения культурного наследия.

Очевидно, что в среднесрочной перспективе важным фактором, способствующим развитию отрасли, будет являться стимулирование увеличения доли частного финансирования сферы культуры, в том числе использование механизмов государственно-частного партнерства (далее ГЧП), развития меценатства и благотворительности.

В особенности необходимо отметить перспективы ГЧП как нового вида проектной деятельности, обеспечивающего эффективность использования ресурсов культуры, в котором участниками будет государство (муниципальное образование) и инвестор. Базовые основы этих взаимоотношений определены в Гражданском кодексе Российской Федерации, Федеральном законе о концессионных соглашениях и ряде постановлений Правительства Российской Федерации.

Эффективность социокультурного развития территорий сегодня во многом определяется состоянием системы коммуникаций и разнообразием форм взаимодействия государства и бизнеса. Международный и отечественный опыт государственно-частного партнерства показывает, что его успешное развитие связано с наличием у субъектов рынка полной информации о социально-экономическом развитии территории, о задачах и целях социальной политики, приоритетах государственной поддержки, насыщенности и дефиците рыночных предложений. Широта сферы применения механизмов государственно-частного партнерства и разнообразие моделей реализации, успешность проектной деятельности как одной из форм ГЧП может гарантироваться при условиях соответствия этих проектов стратегическим планам и основным тенденциям социально-экономического развития территорий. Частью региональной политики становится кластерная политика социокультурного развития локальных зон, которые рассматриваются как «точки роста» через воссоздание культурных объектов и включение их в современный контекст.

Примером инновационного решения социокультурного развития Московской области является формирование рынка инвестиционно привлекательных и взаимовыгодных предложений для бизнес-структур, на основе которых могли бы быть разработаны проекты, связанные с объектами культурно-исторического наследия. Казалось бы, в международной практике имеется множество удачно реализованных проектов, связанных с развитием территории объекта культурного наследия, созданием культурно-исторических зон. Это связано, прежде всего, со стабильностью правовых условий и разработанностью законодательной базы, регулирующей возможности использования недвижимых памятников истории и культуры, прилегающих к ним территорий, исторически и функционально связанных с недвижимым памятником и являющихся его неотъемлемой частью.

Вследствие несовершенства федерального законодательства в сфере сохранения культурного наследия в нашей стране и отсутствия у большинства субъектов РФ правовой базы регулирования государственно-частного партнерства в сфере культуры в пределах собственных полномочий и компетенций, практика организации и проведения конкурсов в

сфере культуры с привлечением объектов культурного наследия в России отработана еще слабо<sup>14</sup>. Сказать более откровенно, только начинает серьезно осваиваться. Уникальность культурного и природного наследия в каждом конкретном случае требует прохождения сложной процедуры согласования интересов государства и бизнеса, так как воссоздание и дальнейшее использование объектов культурного наследия – это всегда риск, причем в равной степени и для инвестора, и для государства. Поэтому в минимизации рисков заинтересованы обе стороны. На наш взгляд, шаг к спасению историко-культурных памятников и территорий был сделан Министерством культуры Московской области во время проведения Межрегиональной научно-практической конференции «Государственно-частное партнерство в сфере культуры: модели сотрудничества» (сентябрь 2009 г., усадьба Середниково Московской области). Глубина проработки и подготовки спонсорского пакета при соответствующей правовой поддержке, думается, позволит адаптировать включенные в него предложения под запросы потенциальных инвесторов.

Пакет включает в себя памятники, находящиеся на разных территориях и отличающиеся по степени сохранности, что предполагает в дальнейшем разработку разных типов проектов по сохранению культурного наследия и включению его в современный социокультурный контекст, в том числе путем:

- развития территории подмосковных усадеб с воссозданием построек с целью инфраструктурных застроек и парковых зон, открытия пансионатов, ресторанов, небольших гостиниц и пр.;
- осуществления коттеджной застройки территорий с включением объекта культурного наследия в центральную часть инфраструктуры;
- освоения земельных участков под строительство туристических центров;
- воссоздания отдельных зданий и построек, имеющих культурно-историческое значение, с целью их использования под социальную инфраструктуру (гостиницы, пансионаты и пр.);
- разработки новых земельных участков для создания современных социокультурных кластеров.

Значительная часть проектов связана с наличием на территории отдельных районов Московской области памятников – построек, зданий и

---

<sup>14</sup> Кулешова М.Е., Веденин Ю.А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России // Право и культура: коллективная монография / Под общ. ред. Егорова В.К., Астафьевой О.Н., Тихомирова Ю.А. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 361-390.

сооружений с исторически сложившимися территориальными зонами. Тем самым эти места, как правило, уже обладают определенным символическим капиталом – культурно-историческим брендом, что, несомненно, делает этот проект экономически более выгодным. Благодаря факту причастности будущего проекта к имени известного деятеля культуры и искусства или событию, имеющему важное культурно-историческое значение, проектное предложение становится более привлекательным. К таковым относятся усадьба Демьяново в г. Клину (связь с именами композитора П.И. Чайковского, поэта А. Белого, художника А. Васнецова и др.); усадьба Фроловское в Клинском районе (связана с именем композитора П.И. Чайковского); усадьба Мелихово в Чеховском районе (связана с именем писателя А.П. Чехова) и др. Получение в будущем права на строительство жилых (коттеджных) поселков в местах, относящихся к культурно-историческим территориям, также становятся одним из конкурентных преимуществ территории. В проектные предложения также включены: с.Данилово Пушкинского района (связано с именами Тютчева и Баратынского); д. Осинки Солнечногорского района (с именами Менделеева и Блока); дача выдающегося врача С.П. Боткина (Чеховский р-н, Мещерский с/о., д. Мещерское). Интересным проектным предложением можно считать великолепную усадьбу Пушино на Наре, являющуюся владением князей Вяземских; усадьбу Тарасково (Каширский р-н, с. Тарасково), которую посещал великий русский писатель Л.Н. Толстой. Однако даже если усадьба является памятником из разряда «рядовых», то его ценность, определяется временем и местом, архитектурой и исторической значимостью в инфраструктуре конкретной территории, придающей своеобразие социокультурной среде, при творческом подходе обязательно будет использован во время осуществления политики брендинга территории. Не случайно, усадьбы Спасское (г. Воскресенск), Кузьминское (г. Домодедово), Филатово (Истринский р-н), усадьба В.И. Аигина (Пушкинский р-н) и многие другие также включены в спонсорский пакет Московской области.

Фактически, Министерство культуры Московской области взяло на себя функции инициатора зарождения новых институтов социокультурного развития, определяя принципы функционирования и поддержки кластерной политики.

Работа на данном направлении требует не только более глубокого нормативного регулирования и методического обеспечения, но и навыков по разработке проектов, направленных на решение общественно-значимых задач в сфере культуры и затрагивающих интересы частных инвесторов. Для успешной работы на данном направлении необходимо осу-

шествование серьезной научно-исследовательской работы: анализ предпосылок (внешних и внутренних факторов) использования ГЧП в сфере культуры, досуга, охраны и сохранения объектов культурного наследия.

Далее необходимо оценить риски, связанные с передачей государственных и муниципальных активов сферы культуры во владение и пользование частного сектора; выявить наиболее перспективные направления для организации ГЧП; разработать прогноз социально-экономических результатов внедрения ГЧП и последствий для культурной среды. И только после комплекса этих мероприятий можно подойти к разработке проектных предложений об условиях передачи государственных и муниципальных активов для управления в частный сектор по отдельным направлениям деятельности (исполнительское искусство, концертная деятельность, объекты культурного наследия).

Для успешной реализации этого комплекса мероприятий необходимы новые управленческие инструменты по поддержке творческих индустрий и внедрению в практику механизмов государственно-частного партнерства. Вывод о необходимости управленческого звена был сделан в социологическом исследовании, проводимом партнерством по поддержке творческих индустрий в рамках проекта ТАСИС «Манчестер – Санкт-Петербург» еще в 2002 г. Респонденты со стороны предпринимательских кругов, принявшие участие в исследовании, были единодушны во мнении, что развитие предпринимательства в гуманитарной и творческой сфере Санкт-Петербурга в значительной степени зависит от политики городских властей, занимающихся вопросами культурной политики.

В настоящее время приоритеты культурной политики не предусматривают развития механизмов взаимодействия с частными практиками в сфере культуры. Органы культуры ориентированы на работу в первую очередь с государственными и некоммерческими организациями культуры. Признавая справедливость замечаний в адрес органов управления в сфере культуры, высказанных участниками исследований, полагаем, что наличие еще одного органа управления не решит проблемы. Необходимо менять принципиальные подходы к механизму управления сферой культуры, принимая в качестве базовой идеи управление по результатам.

Успешность данного подхода демонстрируют **локальные проекты и частные практики, для которых принцип управления «по результатам» стал основополагающим фактором устойчивости и обязательным условием для привлечения инвестиций.**

Мир становится все более динамичным, наблюдается изменение делового окружения, усиление влияния общественности и потребителей. Устойчивый успех в конкурентной борьбе за ресурсы определяют уро-

вень профессиональной компетенции служащих, их способность видеть перспективу и воплощать намеченные планы. В связи с чем, на первое место по значимости в организации процессов управления выходят знания, аналитические и коммуникативные навыки управленческого персонала. Меняется стиль управления от жесткого контроля затрат – на управление по конечным результатам.

В качестве новых методов управления должны выступать: стратегический и среднесрочный планы развития, бюджетные целевые программы, механизм конкурентного распределения ресурсов, нормативы и стандарты, государственные бюджетные задания. С целью определения результативности деятельности необходим мониторинг достижения целей и задач и мониторинг удовлетворенности получателей услуг. Изменение целей и методов управления неизбежно влечет за собой смену инструментов, в ряду которых проектная деятельность является наиболее эффективной и способной объединить усилия отраслевых организаций и частных практик для удовлетворения потребителей культурных благ, которыми являются настоящее и будущие поколения страны и мировое сообщество.

**С.Б. СИНЕЦКИЙ**

## **МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК ОСНОВНОЙ РЕСУРС ТЕРРИТОРИИ**

Понимание сущности феномена «ресурс», представление о ресурсах как о феномене является ключевым в компетентности управленца. Если не уметь отвлечься от «первого плана» и не уметь выходить за рамки ситуации, на время забывая очевидно-привычное, то о развитии, конкурентоспособности, выходе на новый уровень... и т.п. можно только говорить, без особой надежды сделать.

Под ресурсами территории, в большинстве случаев имеют в виду полезные ископаемые, объекты природопользования (промысловые озера, лесозаготовительные предприятия, охотничьи и собирательские угодья) или производственные объекты (промышленные, машиностроительные, сельскохозяйственные и др. предприятия). Иногда сюда добавляют торгово-сбытовые сети (там, где они развиты). Обычно именно указанные элементы хозяйства составляют некую условную модель, образ которой почти автоматически возникает в голове управленца при попытке определить и оценить имеющиеся ресурсы.

Полтора десятилетия, прошедшие с начала реформ показали, что ориентация лишь на указанный тип ресурсов может пагубно сказаться на всем жизненном устройстве. Оказалось, что производства могут годами не работать, объекты природопользования вырабатываться, сельское хозяйство сворачиваться до уровня приусадебного. Стало достаточно очевидно, что при всей значимости традиционных ресурсов необходимо более активно искать и включать в процесс развития какие-либо иные.

Сегодня все чаще говорят о социокультурных ресурсах. Однако, оставаясь в предметной логике, управленцы-практики расшифровывают понятие «социокультурный ресурс» через ведомственные сети «социалки»: муниципальные образовательные учреждения, учреждения дополнительного образования, культурно-досуговые учреждения, учреждения здравоохранения и т.п. На эмпирическом уровне руководители-практи-

ки знают, что образование, культура и здравоохранение – сферы по определению затратные и ресурсы (финансовые и материальные) нужны как раз для них. Однако, не имея возможности противостоять указаниям «сверху», осваивают адекватную времени риторику, позволяющую, с одной стороны, создать позитивную (оправдывающую) картину использования социалки, а с другой, «выбить» как можно больше дотаций на ее содержание. Возможности конвертации результатов функционирования социокультурных институтов в нечто способствующее развитию, конкурентоспособности и росту благосостояния пока неочевидны для большинства руководителей территорий. Обычно их предельная полезность видится в развитии платных услуг.

Ограниченность в понимании социокультурного ресурса проявляется в практически полном игнорировании самоорганизационных и генерирующих возможностей самих жителей (населения). Это не злой умысел (попытка подавить инакомыслие), но традиция, доставшаяся российскому государственному и муниципальному управлению еще с советских времен. Мы должны вполне точно понимать, что любые декларации, концепции, стратегии, программы и т.д., призванные выступить организующим началом деятельности управленцев-чиновников, всегда основываются на одной из двух моделей организации жизни социума. Эти модели различаются характером взаимоотношений власти и населения. Рассмотрим эти модели.

1. Государствоцентристская (властьцентристская) модель. Смысл ее в том, что чиновничий аппарат является центром генерации идей, исполнителем задуманного и оценщиком достигнутого. В этой ситуации, инициативы «снизу», как правило, не востребованы, а если и так, то не имеют шансов на реализацию. При этом преобладают решения воспроизводственного характера, население воспринимается как объект воздействия, который нужно в лучшем случае «вовлечь» и «привлечь» к реализации инициативы сверху.

2. Социоцентристская (гражданоцентристская) модель. Смысл ее в том, что генератором идей, в значительной степени исполнителем и оценщиком достигнутого является само население, представленное разного рода общественными объединениями и просто активными гражданами. Власть здесь выступает в первую очередь как инструмент продвижения общественных интересов и сама является ресурсом сообщества.

В основе указанных моделей лежат разные механизмы осуществления (см. табл. 1):

Формально рассуждая, следует признать концептуальную завершенность обеих моделей. В то же время, с точки зрения рыночных ориентаций



Таблица 1.

<b>Властьцентристская модель</b>	<b>Гражданоцентристская модель</b>
Вырабатывает решения самостоятельно и пытается убедить население в их правильности	Оформляет, решения, сформулированные на основе общественного мнения, согласовывает их с общественными объединениями граждан
Рассматривает граждан как дополнительную помеху в своей деятельности	Рассматривает граждан как соратников, источник идей, необходимых для успешной деятельности власти
Старается минимизировать общественную активность. Не способствует развитию институтов гражданского общества	Стремится развивать общественную активность, способствует появлению общественных объединений, повышает престиж активных жителей
Стремится избежать общественного контроля. Опирается на бюрократические инструменты обеспечения собственной легитимности и проведения решений	Стремится к общественному контролю, и, таким образом, разделению ответственности за принимаемые решения. В обеспечении собственной легитимности опирается на общественное мнение (опросы, общественные слушания, рабочие встречи, референдумы...)
Рассматривает себя как источник благ для населения	Рассматривает себя как инструмент исполнения волеизъявления населения, а коллективный разум - как источник благ

современной российской экономики и общих тенденций общественного развития, более предпочтительной является социоцентристская модель.

Даже если рассматривать власть (высших чиновников и депутатов) как элиту — т.е. сбор самых достойных и умных в своем сообществе, то и тогда нельзя забывать, что ни одна элита в мире не способна сегодня самостоятельно конкурировать с общественным интеллектом. Какими бы ни были умными управленцы (депутаты, чиновники, руководители предприятий) их интеллектуальный потенциал вряд ли даже приблизится к соответствующему потенциалу общества. Чем быстрее это будет осознано элитой, чем быстрее будут созданы механизмы задействования общественного интеллекта в решении проблем настоящего и формировании образа общего будущего, тем интенсивнее будет развиваться общество.

Властьцентристское сознание объективно (не независимо от субъективных благих намерений его носителей) порождает системные проблемы в жизни территории. Данные проблемы базируются на специфическом понимании властью ресурса как «ресурса для себя» («для территории»). Иными словами, и чиновники исполнительной власти, и депутаты (по преимуществу) сканируют возможности района с точки зрения того, что может принести пользу им в воплощении собственных замыслов (стратегий, концепций, программ, постановлений...). Однако никогда вопрос не ставится в иной плоскости: «для кого ресурсом является власть?» или «для кого ресурсом является наш район (территория)?». Таким образом, «идеология использования» доминирует над «идеологией партнерства», порождая перманентный конфликт между «ресурсом» и претендующим на его использование властью.

Проблема первая заключается в *отсутствии механизма преемственности* между властью разных временных отрезков. Народная мудрость – «новая метла по-новому метет» – хорошо отражает эту ситуацию. Новая администрация забывает не только устные обещания, данные предшественниками, но и легко отказывается от уже принятых законным путем решений. Совершенно понятно, что стратегии развития, принимаемые сегодня на 10 – 15 лет вперед имеют мало шансов на реализацию, поскольку тех, кто их принимал, к тому времени во власти не будет. А те, кто будут, с легкостью откредятся от любых неудобных положений этих документов.

Вторая проблема заключается в *воспроизводящем характере деятельности*. Властьцентристскому сознанию чужды маркетинговые новации, а ситуации неопределенности воспринимаются не как возможности для изменений, но как посягательства на устои. Если когда-то на территории было развито сельское хозяйство, то именно сельское хозяйство нужно возрождать (а, если, добыча угля – то добычу угля). И ухудшение ситуации это не следствие изменившейся конъюнктуры или интересов общества, а чья-то злая воля.

Третья проблема – в ментальной трансформации местного сообщества, основой мировоззрения которого постепенно становится *гиперпатернализм*. Сама практика жизни отучает некую критическую массу местного населения даже думать о «завтрашнем дне» территории как места для сообщества. Эти думы как бы изначально закреплены за представителями власти. Безынициативность, жизнь сегодняшним днем и для себя, ожидание чуда (причем, не от местных властей, а от областных и федеральных) – типичные характеристики провинциального населения (исключения лишь подтверждают правило).

В совокупности эти проблемы порождают ту ситуацию, которую мы имеем в подавляющем большинстве территорий: неспособность к саморазвитию, ориентация на выживание, депопуляция, односторонняя зависимость от внешних субъектов (вышестоящих властей, предпринимательских структур и т.п.).

Сегодня многие территории Челябинской области (да и России) создают концепции (стратегии) социально-экономического развития на перспективу (как правило, до 2020 г.). Не имея возможности для системного анализа этих документов в рамках статьи, отметим, что в большинстве соответствующих проектов опора на местные сообщества, развитие инфраструктуры третьего сектора лишь декларируются и не имеют сколько-нибудь серьезной дальнейшей проработки (даже теоретической). Подобные декларации – пример не столько нового мышления, сколько но-

вая, соответствующая времени (конъюнктурная) риторика. Подобные концепции (предполагающие вывод основных показателей развития территорий в положительный сектор прироста), будучи принятыми и утвержденными, вряд ли реалистичны, поскольку основаны исключительно на административных усилиях власти. Между тем, именно повышение активности жителей и развитие их организаций может быть фундаментом и гарантией возможных преобразований, частичной страховкой от ошибок власти. В современной ситуации именно развитие местного сообщества (именно как сообщества, а не конгломерата выживающих каждый по-своему жителей) только и может быть основой любых концепций развития. Причем, чем меньше территория, тем больший акцент в её стратегии должен смещаться на формирование местного сообщества и его роли в местном развитии.

Понимание властью себя как ресурса для сообщества (пусть пока и гипотетического сообщества) неизбежно переводит все теоретические (а, нередко, фантазийные) измышления относительно будущего в практическую плоскость. Дальнейшие действия по переходу к социоцентристской модели управления требуют решения нескольких задач:

1. Формирование территориального сообщества, ослабление патерналистских начал в мировоззрении жителей.

2. Стимулирование развития инфраструктуры сообщества: поощрение возникновения объединений граждан по интересам и проблемам.

3. Специальное создание и поддержка возникающих естественным путем дискуссионных (коммуникативных в широком смысле) площадок, на которых в самых разных форматах могли бы встречаться различные группы граждан, группы граждан и представители власти, группы граждан и представители бизнеса и т.д.

4. Повышение зналевой культуры сообщества в различных областях (правовой, экологической, предпринимательской, политической и др.) через сеть культурно-досуговых и образовательных учреждений: создание народных университетов, университетов опыта и т.п.

5. Формирование социопроектных навыков сообщества, позволяющих во-первых, не бояться генерировать идеи и делать это максимально обстоятельно. Во-вторых, иметь представление о технологии реализации идеи, включая поиск ресурсов. В-третьих, готовность личного участия в реализации идеи.

Выполнение этих задач позволит сделать сообщество субъектом развития, а местную власть – ресурсом сообщества и одним из его инструментов.

Социопроектный потенциал сообщества – ключевое условие его самодостаточности. Если мы обратимся к опыту общественных объедине-

ний, то увидим в них нужный нам прообраз. Не имея стабильно поступающих доходов, данные организации всегда добиваются поставленных целей, умея грамотно сформулировать задачи, продемонстрировать свой проект, обеспечить его ресурсами. Общественные организации – это и есть минисообщества, сумевшие отстроить свои отношения с миром, именно по гражданиноцентристской модели.

В то же время, даже общественным организациям (т.е. относительно небольшим по численности объединениям граждан) требуются годы для обретения самостоятельности и успешности. Их члены систематически участвуют в самых разных образовательных мероприятиях (тренингах, проектных семинарах, круглых столах и др.). Для территориального же сообщества это процесс несравнимо более длительный и непростой технически.

Преодоление гиперпатернализма, закрепившегося в виде культурной нормы (т.е. воспроизводящегося), требует, помимо желания самой власти:

– во-первых, возможности власти самоопределиться в качестве ресурса для сообщества. Имеется в виду, что помимо доброй воли нужно располагать физическим временем для систематических коммуникаций с представителями сообщества (по темам, которые задаются сообществом или его частью), экспертными возможностями, политическим весом, как на территории, так и за ее пределами;

– во-вторых, осуществления специальной культурной политики, направленной на постепенное изменение ценностно-нормативных основ жизненного устройства сообщества. В данном случае мы имеем в виду приучение людей к самостоятельности и коллективной самостоятельности.

Столь объемное вступление было необходимо для понимания ситуации, существующей в большинстве территорий Челябинской области, в т.ч., Каслинском муниципальном районе. Ситуация эта типична и сложилась не в результате чьего-то умысла, а в силу исторических причин. Изменение ситуации (прерывание негативного воспроизводства) возможно лишь волевым усилием местных элит, существенная часть которых представлена в административном аппарате и депутатском корпусе района.

В настоящий момент в Каслинском муниципальном районе существуют следующие предпосылки и ограничения для развития социопроектного потенциала населения и перехода к социоцентристской модели развития (см. табл. 2):

Таким образом, мы наблюдаем принципиальный паритет «предпосылок» и «ограничений», который не может быть преодолен без политической воли как районных, так и областных элит. В случае сохранения паритета возможно два основных сценария развития ситуации:

Таблица 2.

<i>Предпосылки</i>	<i>Ограничения</i>
Администрация района и депутатский корпус на субъективном уровне готовы к партнерству с местным сообществом, рабочему взаимодействию с региональным экспертным сообществом, открывающим возможности для разработки реальной концепции развития до 2020 г., в т.ч. социоцентристской культурной политики.	Администрация района существенно ограничена во времени. Неразбериха в полномочиях, отсутствие многих регламентов (например, по совместному использованию природных ресурсов соседствующими муниципалитетами) вынуждает решать сиюминутно возникающие вопросы практически не оставляя времени для разработки политики управления и стратегии развития.
Существует оптимальная инфраструктура (в т.ч. печатные СМИ) и профессиональные кадры для осуществления культурной политики.	Отсутствуют внутренние ресурсы для разработки и экспертизы культурной политики.
Есть дееспособный актив района (лидеры немногочисленных общественных объединений и просто инициативные граждане), имеющие опыт участия в социопроектных работах и готовый к принятию миссии лидеров будущего сообщества.	Население района представляет собой не сообщество, а конгломерат отдельных физических лиц и семей, не связанных общими идеями развития района. Отсутствует "образ будущего", задающий вектор консолидации населения, преобразующий его в самостоятельный субъект (сообщество).
В ряде населенных пунктов района (с. Шабурово, с. Багаряк) система местного самоуправления сложилась "естественным образом", на уровне здравого смысла, что позволило в значительной степени сохранить инфраструктуру жизнеобеспечения, а в некоторых случаях создать очаги качественной культурной среды.	В целом, местное самоуправление находится на этапе зарождения. Нет отработанной системы его осуществления, нет традиций самоуправления и, что особенно тревожно, у населения отсутствует мотивация к повышению социального статуса, принятию решений и ответственности за будущее района.
Актив территории способен генерировать (это подтверждается проектными семинарами и деловыми играми, проводимыми в районе) качественные идеи вариантов будущего развития района.	Даже у актива территории отсутствуют навыки социопроектного подхода к реализации идей. Обычно реализация идеи возлагается на какое бы то ни было руководство (что неизбежно при патерналистской ментальности). Это автоматически предполагает отказ от ответственности, а при многократных неудачах - зарождение чувства неверия в саму возможность изменений.
Район пользуется стабильным вниманием со стороны научного сообщества области и страны. Это обусловлено как его богатым историческим наследием, так и соседством с ЗАТО. В районе систематически проводятся археологические изыскания, экологические конференции, круглые столы. Есть возможность привлекать внешних экспертов и консультантов, хорошо знающих район и понимающих его специфику.	Администрация и депутатский корпус района, общественный актив испытывают "психологическую усталость" из-за неочевидности пользы для района от внимания со стороны ученого мира. "Нас постоянно изучают, а что толку, все равно ничего не меняется", - такую фразу можно все чаще слышать от представителей районной элиты.

1. Постепенная депопуляция и ухудшающееся воспроизводство.
2. Превращение района в придаток одного из энергетических гигантов, переход на обслуживание его предприятий и сопутствующей инфраструктуры с полной зависимостью от их устойчивости (например, в случае строительства на территории района АЭС).

При переходе к социоцентристской модели развития вполне вероятно гармоничное сочетание современных технологий, привносимых энергетиками, и исторически обусловленных форм бытования каслинского социума. Ресурсы энергетиков могут стать основой для музеефикации и стилизации под традиционные форматы значительных ареалов территории. В свою очередь, качественно выполненные работы по музе-

ефикации и стилизации (включающие обновление инфраструктуры, соблюдение санитарно-экологических требований) существенно повысят капитализацию территории (например, повысится стоимость жилья, земли и т.п.). Последнее, во-первых, повысит интерес потенциальных инвесторов и потенциальных образованных переселенцев (особенно, в сочетании с самодеятельным активным населением). Во-вторых, сделает территорию привлекательной для образовательного и рекреационного туризма. Конечно, туристические перспективы Каслей связаны с включением в более широкий проект, накрывающий (связывающий едиными маршрутными сетями) несколько близлежащих территорий (это связано с рентабельностью соответствующего бизнеса). Однако подготовка своих объектов – самостоятельная ответственность каждой территории.

Именно на этом парадоксальном сочетании традиции и новации может родиться новый образ будущего Каслинского муниципального района, новые самореализационные возможности его жителей (в рамках новых видов культурной и предпринимательской деятельности) и, как следствие, новое качество самой жизни.

**Г.В. ТЮРИН**

## **КТО БУДЕТ РАЗВИВАТЬ МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА?**

Говоря о развитии территории, мы, так или иначе, сталкиваемся с вопросом о развитии местных сообществ. Сегодня почти общепризнано, что развитие той или иной деревни или того или иного поселка (как и города), в первую очередь, должно базироваться на вовлечении людей в процесс позитивных преобразований, становлении местного сообщества.

К сожалению, понятие «местное сообщество» осталось за пределами российского правового пространства. Скорей всего, не приходится надеяться на то, что в ближайшее время ситуация изменится и местные сообщества получат «законные права гражданства». И, тем не менее, вопрос о том, каким образом местные сообщества могут найти свое место, свою нишу в существующей системе местного самоуправления продолжает оставаться предметом обсуждения.

Представляется, что одним из значимых вопросов в данном контексте является вопрос о связи местных сообществ и субъектов местного самоуправления. Необходимо понимать, кто есть субъект действия, кто субъект самоуправления. Это печка, от которой надо плясать.

Чтобы говорить об управлении на какой-то локальной территории, о решении проблем местного значения, а уж тем более о развитии данной территории нужно определить, кто непосредственно обладает правом на осуществление всех этих функций, то есть, кто является субъектом местного самоуправления.

В понимании того, кто является субъектом местного самоуправления, возможно несколько подходов.

Один из них такой: носителем прав на осуществление местного самоуправления является отдельно взятый человек, гражданин.

Другой подход заключается в том, что носителем прав является группа людей, связанных общей территорией.

Таким образом, возникает вопрос, является ли право на местное самоуправление индивидуальным правом каждого отдельного гражданина или его можно рассматривать как коллективное право некоего коллектива людей, связанных общей территорией.

В российской правовой практике и коллективный, и индивидуальный подходы считаются правомерными, поскольку признается право граждан на участие в местном самоуправлении и право населения на осуществление местного самоуправления.

И все же, если говорить о местном самоуправлении как об управленческой системе (а тем более, как об эффективной управленческой системе), то нужно исходить из того, что субъектом права на осуществление местного самоуправления являются некие человеческие коллективы, некие территориально организованные общности людей.

В таком случае возникает понимание, что в местном самоуправлении участвует не просто разрозненная масса жителей, которые сосуществуют на данной территории, но и некая консолидированная общность людей, связанная общими интересами, целями и осознающая свою связь друг с другом и с данной территорией как ценностью.

В этой связи естественен вопрос о том, каким понятием обозначать данную общность. И вот, в первой половине 90-х гг. для обозначения этой самой сплоченной социальной и территориальной общности, осуществляющей местное самоуправление, появилось понятие «местное сообщество».

Этот термин возник в процессе с подготовки проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», принятого в 1995 г. Именно термином «местное сообщество» был обозначен субъект местного самоуправления в одном из вариантов проекта закона. Этот термин широко обсуждался, и в ряде регионов быстро начал завоевывать позиции и вводиться в постоянный оборот. Надо понимать, это было связано с тем, что термин точно соответствовал обозначаемому понятию, показывая и подчеркивая социальный аспект (связность, объединенность населения).

Но у этого понимания по разным причинам возникло немало оппонентов. И в результате острой полемики из окончательной версии закона 1995 г. данный термин был исключен. Вместо него в законе «Об общих принципах...» 1995 г. правовое признание получили два других понятия, чтобы обозначить субъект местного самоуправления: «население» и «муниципальное образование». Было отмечено, что эти понятия более «нейтральные».

Острая дискуссия возникла и на стадии подготовки присоединения России к Европейской Хартии местного самоуправления, когда оказа-



лось, что при подготовке российского перевода Хартии соотнести выбранные в российском законодательстве понятия с текстом Хартии не так просто. Тогда как в Хартии в качестве субъекта местного самоуправления обозначаются некие территориально организованные человеческие общности, связанные проживанием на общей территории.

В частности, статья 3 Хартии определяет, что под местным самоуправлением понимается право и реальная способность субъектов, представляющих собой некие территориально обособленные общности, регламентировать значительную часть публичных дел. Встал вопрос о том, как перевести, каким термином обозначить эти общности на русском языке.

Одна из возникших сложностей заключалась в том, что в самой Хартии, по сути дела, имеется несколько толкований и, более того, одновременно используется несколько терминов, которые имеют, в известной степени, разные смыслы. Хартия местного самоуправления представляет собой своеобразный компромисс между разными европейскими моделями местного самоуправления, она родилась как результат долгих усилий, направленных на то, чтобы совместить довольно разные подходы.

Первоисточниками Европейской Хартии местного самоуправления являются аутентичные тексты, написанные на французском и английском языках и имеющие одинаковую юридическую силу. В этих двух версиях для обозначения вышеупомянутых территориально обособленных общностей, которые занимаются осуществлением местного самоуправления, в текстах-первоисточниках используется английский термин “local authorities” и французский термин “collectivites locales”.

Совершенно очевидно, что под этими терминами имеется в виду основной субъект местного самоуправления и его четкое определение имеет очень большое значение. Из преамбулы Хартии следует, что государства, подписавшие данный международный договор, признают, что данные территориально-социальные общности являются одной из главных основ любого демократического строя, что их существование обеспечивает одновременно эффективное и приближенное к гражданам управление. Хартия по сути дела констатирует, что население государства уже фактически разделено на территориально обособленные общности, имеющие собственные интересы, обусловленные проживанием в соответствующей местности, тем самым, подтверждается признание наличия в государстве, присоединившемся к Хартии, этих самых “local authorities” (англ.)/ “collectivites locales” (фр.).

Кроме того, как отмечают комментаторы закона 131-ФЗ А. Замотаев и А. Кирилин, из этих положений Хартии следует, что реализация и защита интересов этих общностей наиболее эффективно осуществляется

органами публичной власти, сформированными населением указанных местностей и, более того, что защита указанных интересов является неотъемлемой частью демократического государственного устройства.

Таким образом, не требуется подтверждения факта наличия некоего территориального коллектива людей, которые осуществляют местное самоуправление. Государства, подписавшие Европейскую Хартию местного самоуправления, безоговорочно признали существование этих самых “local authorities” (англ.) / “collectivites locales” (фр.). Этот вопрос не требует рассмотрения и доказательств, объективное существование территориально обособленной общности местного населения констатируется как очевидный, всеми признаваемый, а потому не требующий специального доказательства факт.

В Хартии идет речь не о праве граждан на объединение в целях осуществления местного самоуправления, а о следующих шагах – о юридическом признании прав территориальных объединений граждан и установлении государственных гарантий реализации этих прав. И Россия к этим нормам также полностью присоединилась.

Но вот как эти нормы выразить в российской терминологии, как решить проблемы перевода? Оказывается, перевод международного юридического документа, это отнюдь не техническая и не лингвистическая задача. Это скорее работа с понятиями, требующая согласования международных норм с внутренними, создание такой интерпретации международной нормы, которая, с одной стороны, неслы бы на себе черты международного стандарта, с другой – соответствовала бы внутренним нормам.

В итоге, в официально принятом переводе Европейской Хартии местного самоуправления на русский язык эти общности “local authorities” (англ.) / “collectivites locales” (фр.) стали называться «органы местного самоуправления».

Это является более или менее корректным переводом термина в англоязычной версии Хартии “local authorities”. Текст перевода на русский язык дает следующее определение: под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел.

И все же корректность этого перевода в российском правовом пространстве вызывает серьезные сомнения, поскольку в данном случае получается, что местное самоуправление – это деятельность учреждения, называющегося «орган местного самоуправления». Но согласно нашей Конституции, местное самоуправление – это не власть учреждений, а форма власти народа.

А.Замотаев и А. Кирилин в комментарии к статье 3 Федерального закона № 131-ФЗ указали, что «решение проблемы перевода заключается в использовании в качестве русских синонимов “local authorities” (англ.) и “collectivites locales” (фр.) определений «муниципальное образование» или «местное сообщество». По каждому из этих определений имеются в науке аргументы как «за», так и «против». В пользу определения «местное сообщество» говорит его близость к понятию «население».

Однако, как указывают А. Замотаев и А. Кириллин, более приемлемым следует признать все же термин «муниципальное образование», поскольку у него имеется одно неоспоримое преимущество: он уже используется в федеральном законодательстве с 1 января 1995 г. В то же время определение «местное сообщество» в федеральном законодательстве не применяется. Думается, что это не самый убедительный аргумент, целый ряд новых терминов был введен Законом 2003 г.

Но так или иначе, мы вынуждены признать: термин «местное сообщество» не был введен в оборот федеральным законодательством 1995 г., не был представлен в официально принятом российском переводе Европейской Хартии местного самоуправления, не нашел отражения и в новом законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. На сегодняшний день понятия «местное сообщество» в российском праве нет. Вместо него для обозначения субъекта местного самоуправления существует несколько претендентов.

Это следующие субъекты:

- народ,
- граждане,
- население,
- органы местного самоуправления,
- муниципальные образования.

Народ. Закон 131 ФЗ в п.2 ст. 1 говорит о том, что «Местное самоуправление в Российской Федерации — форма осуществления народом своей власти...».

Граждане. Ст. 3 Закона 131 ФЗ определяет: «Граждане Российской Федерации (далее также — граждане) осуществляют местное самоуправление посредством участия в местных референдумах, муниципальных выборах, посредством иных форм прямого волеизъявления».

Население. П.2 ст. 1 Закона 131 ФЗ, кроме определения местного самоуправления как формы власти народа, добавляет, что местное самоуправление — это также «самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения».

Органы местного самоуправления. Приведенная в предыдущем абзаце цитата из статьи 1 закона 131 ФЗ указывает, что органы местного самоуправления являются теми институтами, через которые население реализует свое право на местное самоуправление.

Муниципальные образования. Согласно ст. 2 Закона 131 ФЗ «муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения», при этом в ст. 10 Закона 131 ФЗ говорится что, «местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения». Первые три понятия оказываются, так или иначе, связанными.

Местное самоуправление является формой осуществления власти народа в рамках всей страны. В рамках меньшей территории речь будет идти о населении данной территории. А население можно понимать, как сумму граждан, населяющих ту или иную территорию. Поэтому, кроме органов местного самоуправления, которые, безусловно, являются важнейшим субъектом местного самоуправления, остаются население и муниципальные образования.

Вопрос о том, насколько муниципальные образования (МО) можно считать субъектами местного самоуправления, остается открытым. Некоторые эксперты, праведы и политики указывают на то, что даваемое в законе определение муниципального образования близко понятию местного сообщества как территориально организованного коллектива. Они предлагают рассматривать МО как понятие, которое может заменить собой местное сообщество, развивая мысли о том, что муниципальные образования также представляют собой социальные общности, объединяющие население.

Думается, что это не совсем правомерно, и муниципальные образования – это, прежде всего, территориально-административные единицы, имеющие четко определенные границы, территорию и органы власти, действующие в границах этой территории. Административный характер этого института может подчеркнуть, скажем, естественность сочетания «администрация муниципального образования». Скажем, почти невозможно представить сочетания «администрация местного населения» или «администрация местного сообщества». И закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», в первую очередь, указывает на территориальные аспекты муниципальных образований (территорию, границы, порядок изменения территорий и границ).

МО имеют, конечно, население, но ничто не указывает на то, что они априори представляют собой некие интегрированные коллективы. Они могут быть консолидированными, но могут и не быть, и чаще всего не являются. Понятие «муниципальное образование» является несубъектным, его субъектность размыта, это, прежде всего, территориально-административная единица.

Субъекты легко находятся внутри МО: органы местного самоуправления, население, различные предприятия, учреждения, организации, разные неформальные или формальные группы (или даже местные сообщества, поскольку в некоторых российских поселениях можно говорить о том, что такие территориальные общности реально сложились, кое-где о них уже можно говорить).

Еще раз подчеркну, заменить местные сообщества муниципальные образования не могут по нескольким причинам.

Муниципальное образование – это, в первую очередь, формально организованная структура, отличающаяся тем, что имеет юридический статус, организационные и юридические характеристики, герб, печать, границы, начальника. Это, в первую очередь, организационный, юридический, административный аспекты, которые имеют огромное значение, но заменить собой человеческий аспект не могут.

Сообщество – это, прежде всего, люди во всех возможных связях и взаимосвязях. Это в значительной степени неформальная система (хотя отчасти это может быть и формализовано) плюс связи, ценности, отношения, формы взаимодействия, чувства привязанности, чувства родства и соседства.

Кроме того, «неподменяемость» одного понятия другим подтверждается тем, что не все сообщества могут получить статус муниципальных образований. Есть немало территориально организованных человеческих общностей, которые могут являться местным сообществом, но никогда не смогут стать жителями, объединенными в границах муниципального образования поселенческого типа, например, жителями сельского поселения, как это ни парадоксально звучит в терминах действующего законодательства. Во многих регионах сейчас жители отдельно взятой небольшой деревни или хутора с численностью меньше тысячи человек очень часто остаются жить в границах не сельского поселения, а в границах всего лишь «сельского населенного пункта». Ведь как известно, «сельское поселение - один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов)...» (ст. 2 Закона 131-ФЗ). Но разве плохо, что эти маленькие населенные пункты будут

представлять собой общность, объединенный коллектив? Там эта общность также необходима!

Словом, муниципальное образование – это важнейшее (можно сказать, базовое) понятие, но оно не отменяет необходимость развития местных сообществ. МО – это внешняя, больше формальная, структура (или каркас), местное сообщество – это внутренняя, больше неформальная, структура. И именно их соединение дает огромные позитивные результаты.

Непростым является и вопрос о том, насколько возможно считать население субъектом местного самоуправления.

Многие эксперты указывают на то, что в правовой науке использование понятия «население» затруднено, поскольку, «население» – совокупность индивидов в силу их механического объединения, при котором сложно говорить об общих качествах, не приходится предполагать сплоченность, наличие общих интересов. Поэтому, например, в международном праве это понятие используется в наиболее общих элементарных требованиях, которые вытекают из самого факта человеческого существования, скажем, в требованиях правопорядка и тому подобных.

Население, как таковое, может быть совсем не связано с территорией, скажем, если это население временное.

Во многих юридических ситуациях (связанных с обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия, режима чрезвычайного положения и т.д.) физические лица, которых вполне допустимо причислить к населению в силу их временного пребывания на территории, не могут быть отнесены к числу лиц, которые формируют местное самоуправление на этой территории. Скажем, иностранные сезонные рабочие.

Если исходить из понятия «население», то первенствующими субъектами местного самоуправления оказываются органы местного самоуправления, поскольку сложилась практика, которая рассматривает население как объект социальной политики и защиты, а также как клиента, которому предоставляются некие публичные услуги. Оно является объектом управления, на него направлено управление, ему предоставляют услуги. А оно пассивно их потребляет.

Чтобы население стало субъектом, оно должно создать внутри себя какую-то структуру, связи, объединения. Когда это происходит, начинает возникать местное сообщество. Население, чтобы быть субъектом действия, должно стать сообществом! Поскольку именно сообщество (и только оно) способно сформировать особую связанность физических лиц с определенной локальной территорией и возникающую в силу этого их

особенную связанность между собой. Всё это не только определяет формирование особенных местных потребностей, но и создает социальные основания для консолидации физических лиц в сообщество, способное по признанию государства выступать субъектом местного самоуправления, т.е. действовать под свою ответственность при организации местной жизни.

Когда встает вопрос о местных интересах, включая интересы местного населения, когда встают вопросы о развитии той или иной территории, то об эффективных моделях приходится говорить в том случае, если имеется возможность взаимодействовать с местным населением как с местным сообществом, а не простой совокупностью граждан.

Именно местное сообщество в союзе с местной властью является реальным и по-настоящему продуктивным субъектом самоуправления (точнее, приходится говорить, должно было бы являться).

Именно развитие и становление местных сообществ позволит сделать местное самоуправление более активным, дееспособным и массовым, позволит решить многие проблемы местных территорий, которые сегодня остаются нерешенными (приходится констатировать: могло бы позволить).

И только через местное сообщество и его субъектность можно отделить (отграничить) местное самоуправление от других видов социального управления.

Жизнь все активнее требует внимания к развитию сообществ. К сожалению, ситуация с сообществами остается противоречивой. С одной стороны, это понятие стало общепотребительным, оно больше и больше используется политиками, экспертами, представителями муниципалитетов. С другой стороны, оно по-настоящему не осмыслено, не оценено. Местные сообщества уже есть в действительности, т.е. в российской практике реализации прав граждан на местное самоуправление. Есть реальные объединения граждан по территориальному признаку, способные отвечать за развитие своих территорий.

Но местных сообществ нет как правовой реальности, имеющих официальный правовой статус. И поэтому их нет по существу. Они остаются предметом для споров, абстракцией, научной схемой, чем-то, что каждый понимает по-своему.

Местные сообщества остаются где-то на задворках общественной жизни. Они не востребованы элитой, не востребованы управленческими системами. Не возникло понимания, что это один из существенных механизмов развития страны. Эта тема остается сотканной из противоречий. Хочется надеяться, что они разрешатся.

**Н.И. МИРОНОВА**

## **СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПИЛОТНЫХ РЕГИОНАХ)**

### **1. Введение**

В данной статье представлена часть результатов работы по проекту РГНФ «Исследование социокультурных ресурсов территории в рамках муниципальной реформы: институциональный подход» № 07-03-00393а. В течение 2006–2009 гг. объектами исследования были Каслинский муниципальный район Челябинской области, Пинежский муниципальный район Архангельской области, а также отдельные территории и заслуживающие внимания социокультурные процессы в Республике Карелия и Калужской области.

Институциональный подход проявился в процессе экспедиционной работы, когда происходило изучение реально складывающихся социальных институтов, понимаемых авторами в виде своеобразных «узлов» проявления активности общества. Как известно, классик институциональной теории Дуглас Норт рассматривает институты как формальные и неформальные «правила игры» в обществе или те ограничители, в рамках которых происходит взаимодействие между людьми<sup>1</sup>. Именно в этом контексте и было проведено исследование – рассматривались реально происходящие социокультурные процессы и возникающие на практике институты как результаты проявления на конкретных территориях активности местного сообщества – представителей власти, бизнеса, рядо-

---

**Миронова Нина Ивановна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии (Москва).

---

<sup>1</sup> Норт Дуглас «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» // Фонд экономической книги «НАЧАЛА», Москва, 1997.



вых жителей и их объединений. Большое внимание в данном исследовании уделено также проблеме территориального развития на фоне общегосударственной трансформации и серьезных кризисных явлений.

Начало нынешнего века ознаменовано реформированием практически всех сфер общественной жизни России, и одной из самых масштабных является муниципальная реформа, которая принесла пока больше хаоса, чем порядка. Эта реформа напрямую связана с реформированием бюджетно-налоговой системы, образования, культуры, социальной поддержки, ЖКХ и проч. Повсеместно в России наблюдается спад промышленного и сельскохозяйственного производства, безработица, разрушение социальной инфраструктуры. Для большинства российских регионов характерны исчезновение традиционной хозяйственной специализации, практическое отсутствие внешних инвестиций, ветшание жилищного фонда, памятников природы, истории и культуры. С 2008 г. на ситуацию в российских регионах стал влиять также мировой финансово-экономический кризис, последствия которого еще предстоит осознать.

В наибольшей степени все эти негативные процессы затронули жизнь на небольших, в особенности сельских территориях. Там сложилась устойчивая тенденция к обезлюживанию. Причем Северо-Западный федеральный округ в этом смысле лидирует: по исследованию И. Абанкиной, доля в нем сельских населенных пунктов с числом жителей до 10 человек составляет 41%, тогда как в среднем по России – 30%<sup>2</sup>. Например, в Пинежском районе Архангельской области только в 80 из 124 населенных пунктов есть постоянно проживающее население. Часть работоспособного населения предпочитает трудиться в других регионах постоянно или временно. Трудности каждой из исследованных территорий во многом связаны с общероссийскими проблемами, имея, тем не менее, региональную специфику.

Так, одна из специфических проблем *Архангельской области и Карелии* связана с приватизацией и изменением культуры производства в лесопромышленном комплексе. Новые собственники действующих холдингов в целях увеличения производительности труда в последние 3–5 лет стали внедрять современную технику. Для ее эксплуатации, во-первых, нужно меньше персонала, во-вторых, нужны совершенно иные работники, с другой ментальностью и образованием. В результате значительная часть местных лесорубов лишилась работы, а у органов местного самоуправления возникли серьезные проблемы занятости сельского населения.

---

<sup>2</sup> Абанкина И. В. Культура безлюдья // Отечественные записки. № 4 (25). 2005.

В проблемном блоке социально-экономической целевой программы «Сохранение и развитие культуры МО «Пинежский район» (2008–2010)» акцент сделан на проблеме разрушения складывающихся веками традиций и нравов в сельской местности, что ведет к деградации населения: «угрожающие размеры приобретает пьянство; более быстрыми темпами, чем в городе, растет число правонарушений; разрушается институт крестьянской семьи». По мнению разработчиков указанной программы, ухудшение экономической ситуации повлекло за собой ухудшение социально-психологического климата в сельском сообществе, разрушение нравственных устоев деревни.

Специфической проблемой *Каслинского района Челябинской области* является «зажатость» города Касли между двумя крупными «атомными» городами Озерск и Снежинск. За последние полвека это привело, во-первых, к экологическому загрязнению горнозаводской части района, а во-вторых, к значительной потере интеллектуальной части человеческого капитала. Молодежь города и сельских территорий вокруг него *«служила регулярным наполнением людских ресурсов близких растущих городов»*<sup>3</sup>. Эти проблемы долго усугублялись отношением отдельных министерств и ведомств, областной и федеральной власти к Каслинскому району как неперспективному в экономическом плане. Такое пренебрежительное отношение со стороны государственной власти сказывалось негативно на социально-психологическом климате в районе: у жителей сформирована установка на свою ненужность, забытость и желание уехать. Работать органам местного самоуправления в такой ситуации чрезвычайно сложно.

Совершенно очевидно, что, если какая-либо территория находится вне внимания государственной власти, на грани экономического выживания и экологического бедствия, представителям муниципальной власти крайне проблематично думать о территориальном (местном) развитии. В то же время перед муниципальными образованиями (районными, городскими, сельскими), не успевающими адаптироваться к происходящим переменам, встает угроза не просто проиграть более конкурентоспособным территориям. Речь уже может идти о самом существовании административной единицы как таковой. Масштабы сокращения численности населения многих российских муниципалитетов в целом по России увеличиваются год от года.

Одной из самых важных проблем, выявленных в рамках проведенного исследования по проекту РГНФ, является отсутствие местного со-

---

<sup>3</sup> Из характеристики района, написанной к Программе культурного развития г. Касли и района «Наследие нашего края», принятой в 1993 году.

общества как устойчивой системы социального взаимодействия жителей и общественных объединений друг с другом и с муниципальной властью. С одной стороны, климат на селе действительно во многом определяется психологической усталостью людей, иждивенческими настроениями, социальной и трудовой апатией. Но с другой стороны, есть и много людей, которые готовы трудиться, они соскучились по настоящему делу. Им просто нужен лидер.

Говоря о реформировании всех сфер общественных отношений, включая муниципальную, в то же время нельзя забывать, что именно новое законодательство о местном самоуправлении содержит требование о необходимости создания программ социально-экономического развития муниципальных образований. Но кроме формальных причин заниматься планированием своего будущего, не менее, а более вескими, являются объективные условия кризиса, в которых оказалось большинство российских территорий. Поэтому базовой ценностью сегодня, как никогда раньше, является парадигма развития.

Аналогичные процессы кризисных явлений имели место в середине прошлого века во многих странах, города и районы которых имели промышленное и сельскохозяйственное прошлое. На фоне научно-технической революции и энергетического кризиса закрывались шахты, промышленные предприятия, сильно сокращался объем производства. Борьба за экологию и более дешевую рабочую силу приводила к выносу предприятий с территорий городов или даже стран. Международный опыт выхода из подобных ситуаций показывает единственный путь спасения территории – осознание необходимости поиска *собственных внутренних ресурсов развития и формирования местной идентичности*.

Различные территории выбирали разные стратегии своего выживания. Это и развитие новых производств, отвечающих современному уровню научно-технического прогресса, и модернизация научно-образовательной сферы, и расширение сферы услуг. Существует также много примеров выхода из кризиса *через сферу культуры*, через «изобретение себя заново», через открытие уникальных для каждой территории социокультурных ресурсов. В каждом из успешных примеров процветание начиналось с новых идей и деятельности лидера, которого можно отнести к представителю особого общественного сословия или, как говорит знаменитый социолог Р.Флорида, к представителю «креативного класса», способного менять будущее отдельных компаний и целых территорий. В своей книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» (М., 2005) автор на множестве примеров доказывает перспективы эконо-

мического роста территорий через привлечение творческих личностей к процессу местного развития.<sup>4</sup>

Понимание культуры как локомотива местного развития начинает возникать и в России. Пример успешных результатов социокультурных процессов в деревне *Никола-Ленивец Калужской области* также подтверждает тезис о возможности местного развития при наличии представителей креативного класса. В данном случае ими оказались московские художники и архитекторы, которые построили в этой деревне свои дачи, а в окрестностях деревни создали масштабные объекты современного искусства, число которых ежегодно увеличивается, и к 1 августа 2009 достигло 25. Причем, кроме «николо-ленивецких» дачников, авторами уже стали другие креативно мыслящие личности из России и зарубежья. Главное же, с точки зрения возрождения самой деревни и развития окружающей ее территории, состоит в формировании сельского сообщества: ведь в реализации замыслов профессиональных художников и архитекторов, с легкой руки художника Николая Полисского<sup>5</sup>, участвуют жители соседней деревни Звизжи, включая школьников. Таким образом, у деревенских жителей появилось дело, которое приносит им не только средства к существованию, но и удовлетворение от искусно сделанной работы, будь то снеговика, башня из прутьев, огромное деревянное «ухо» или любой другой шедевр, расположенный прямо на берегу реки, в поле или в лесу.

Уже трудно поверить, что столь живописный дачный поселок, где сейчас расположились творческие мастерские художников, не так давно был умирающей деревней. Вокруг самой деревни, стоящей на высоком берегу чистой реки Угры, теперь возник музей современного искусства под открытым небом. Начиная с 2006 г., весной и летом здесь проводятся фестивали ландшафтных объектов «Архстояние»<sup>6</sup>, на которые съезжаются не только специалисты, но и обычные люди, в основном горожане, желающие отдохнуть «с изюминкой». Все экспонаты так называемого «музея» созданы из природных материалов и мастерски

---

<sup>4</sup> При этом Р. Флорида выделяет две составляющие креативного класса: 1) суперактивное ядро – это люди, которые независимо от профессии (ученые, инженеры, преподаватели, поэты, писатели, актеры, художники, дизайнеры и др.) целиком поглощены творческим процессом и 2) «креативные специалисты», мыслящие самостоятельно и работающие в целом ряде отраслей, основанных на знании, в том числе, в управлении бизнесом, в финансовой сфере, правовой системе, здравоохранении и др.

<sup>5</sup> На сайте <http://www.polissky.ru/> можно увидеть все работы этого художника, начавшего сотрудничать с деревенскими мужиками с 2000 года по проекту «Снеговика»: на берегу Угры было слеплено более 300 снежных баб, дедов, внуков и внучек.

<sup>6</sup> <http://arch.stovanye.ru/>

вписаны в окружающее пространство. Теперь уже преобразуется само это пространство – в него вкладываются инвестиции в виде труда местных жителей, средств спонсоров, а также креативных идей российских и зарубежных консультантов. Например, чтобы еще лучше смотрелась построенная посреди огромного поля, заросшего бурьяном, белая «ротонда»<sup>7</sup>, голландские ландшафтные архитекторы предложили местному предпринимателю засеять поле вокруг ротонды гречихой. Летом гречиха зацвела белым, и поле с ротондой еще более преобразилось. А вокруг быка – золотого тельца<sup>8</sup> – во время летнего фестиваля паслись 50 телочек черно-белой масти, что также входило в замысел одного из проектов «Архстояния-2009».

## **2. Каслинский муниципальный район Челябинской области**

Каслинский муниципальный район находится в северной части Челябинской области, примыкая к четырем городским округам – Верхнеуфалейскому, Кыштымскому, Озерскому и Снежинскому. Два последних являются «атомными» городами (ЗАТО), имеющими на своей территории стратегические объекты – производственное объединение «Маяк» в Озерске и ядерный центр в Снежинске. Автомобильные дороги до и внутри Каслинского района хорошего качества. Это дороги федерального значения Челябинск-Екатеринбург и Екатеринбург-Кыштым, а также ряд автодорог областного и местного значения, которые связывают поселения, входящие в состав района. Железная дорога проходит вдалеке от города Касли – административного центра района

В соответствии с новыми требованиями реформы местного самоуправления муниципальная карта района в настоящее время состоит из 11 поселений. Два из них получили статус городских поселений – это город Касли и рабочий поселок Вишневогорск, остальные 9 – статус сельских поселений. Как предусмотрено реформой, каждое муниципальное образование поселенческого типа может состоять из одного или нескольких населенных пунктов. Всего в Каслинском районе 48 населенных пунктов.

---

<sup>7</sup> Автор ротонды Александр Бродский. Ротонда – это небольшой дом среди поля. Он расположен в важной видовой точке, откуда открывается прекрасная круговая панорама окрестностей. <http://arch.stoyanie.ru/ru/objecty/rotonda>.

<sup>8</sup> Деревянный бык-телец архитектора Василия Щетинина – образ, лишенный агрессии. Это символ терпения, близости к корням, сохранности и тыла. Он и корабль-ковчег, готовый спасти в годы потопа, он и смотровая башня, и кормилец, и защитник. Визуально-пластическое воплощение проекта – смотровая площадка с выставочным павильоном и сценой, откуда открываются виды на Николо-Ленивец и объекты музея под открытым небом. <http://arch.stoyanie.ru/ru/objecty/proekt-pavilon-pozolochennyi-telets>.

Социально-экономическую ситуацию в Каслинском муниципальном районе преждевременно характеризовать как безнадежную. Имеющийся внутренний потенциал может позволить при его полном выявлении и грамотном использовании выйти на достойный виток развития. Важно, чтобы направление поиска этого потенциала было многомерным, чтобы оно не сводилось только к индустриальному, постиндустриальному и сельскохозяйственному будущему. Важно также органам местного самоуправления Каслинского муниципального района, Каслинского городского поселения, всем остальным органам поселенческой власти не надеяться на внешнюю помощь. Самый широкий охват имеющегося потенциала дает поиск в логике социокультурного пространства территории.

Что входит в социокультурное пространство Каслинского района? Это его уникальное географическое положение, богатство недр, памятники природы, историко-культурное наследие, уникальная пространственная среда города Касли (по крайней мере, его исторической части) и многих сельских поселений. Немаловажное значение имеет сформировавшийся бренд – каслинское литье. Но самое главное – это современные социокультурные процессы, инициаторами которых являются люди – живущие здесь постоянно или приезжающие на время.

### ***2.1. Социокультурные процессы формирования местного сообщества на территории Каслинского района***

#### ***2.1.1. Разработка программы «Наследие нашего края»***

Началом современных социокультурных процессов на территории Каслинского района можно считать проведение в 1992 г. деловой игры по разработке концепции его социокультурного развития. Экспертами-игротехниками и инициаторами описываемых в данной работе процессов выступили С.Б. Синецкий (руководитель игры), М.Я. Соболев<sup>9</sup>, В.А. Баскаков<sup>10</sup> – жители города Челябинска. Это была очень необычная для того времени работа по социопроектной деятельности, участниками которой были представители общественности, работники учреждений культуры, образования, здравоохранения Челябинской области и Каслинского района. Во время работы ее участники осознали необходимость выделения общественных инициатив в качестве ведущих факторов развития. В результате появился проект культурной программы, получивший впоследствии название «Наследие нашего края». Обсуждение разработанного проекта программы состоялось на общественных слушаниях, а 9 ноября 1993 г. программа была утверждена главой муниципального образования «Го-

---

<sup>9</sup> В то время директор Областного учебно-образовательного инновационного центра ГУКИ.

<sup>10</sup> В то время заведующий кафедрой менеджмента Челябинского колледжа культуры.

род Касли и Каслинский район». Важно отметить, что процессы, связанные с разработкой концепции и программы культурного развития территории, а также процессы ее реализации, идущие в настоящее время, являются важными социокультурными процессами для Каслинского района.

Приятно удивляет тот факт, что основной акцент разработанной 17 лет (!) назад программы был сделан на *социокультурный потенциал края* – богатейшую историю, культурное и природное наследие, общественную активность жителей. Такой подход оказался, с одной стороны, весьма прогрессивным для того времени, но с другой стороны, несколько преждевременным, а потому востребованным не в полной мере обществом и действующей муниципальной властью. Теперь же стало ясно (именно это подтверждает проведенное по гранту РГНФ исследование), что все разработанные тогда конкретные направления развития территории оказались полезными для этой территории. Многие предложения, сделанные на основе реализации программы, по сей день не потеряли своей актуальности. Программа жива и реализуется, хотя ряд субъективных и объективных факторов не позволяют делать это настолько быстро, насколько хотелось бы. К настоящему времени стало еще более очевидно, что ее скорейшее выполнение действительно могло бы переломить социально-экономическую ситуацию и значительно повысить уровень жизни в Каслинском крае.

В качестве основных составляющих программы были определены органично связанные между собой и взаимно дополняющие друг друга следующие направления:

1. Возрождение Каслинского художественного литья, названного в программе «результатом уникального сосредоточения многообразных природных и историко-культурных предпосылок», а также «стержневым фактором во многом определяющем культурное строительство в районе».

2. Изучение и развитие других народных промыслов и ремесел, традиционно присутствующих в районе. В программе речь идет о резных деревянных изделиях (наличники, фронтоны домов каслинцев уникальны), кузнечном ремесле, художественном вязании, ткачестве, возрождении иконописной школы и певческого искусства.

3. Изучение и музеефикация индустриального наследия, а также памятников архитектурного зодчества города и района. В этой части программы речь идет о необходимости паспортизации многих объектов индустриальной культуры, что выполняется в настоящее время.

4. Изучение и включение в культурный оборот древнерусских традиций края. Актуальность данного направления программы вызвана тем,

что территория Каслинского края была «прибежищем» старообрядцев. Старообрядческая культура наложила своеобразный отпечаток на жителей этих мест – трудолюбие, основательность, серьезность характера. Среди представителей старообрядчества много отличившихся своей предприимчивостью (управляющие заводов, рыбопромышленники), а также мастера кузнечного ремесла, резчики по дереву, иконописцы, скульптуры, литейщики, чеканщики. До сих пор старообрядцы хранят элементы древнерусской культуры, что требует создания музея на базе сохранившегося старообрядческого монастыря на озере Сунгуль (в 14 км от города).

5. Развитие туристической деятельности на базе образовательно-краеведческих маршрутов. Разработчиками программы сделан справедливый вывод: оснований для развития такой деятельности более чем достаточно даже без учета выполнения четырех предыдущих пунктов программы. Это многочисленные историко-архитектурные комплексы, 21-ая площадка на озере Сунгуль – место работы известного ученого Тимофеева-Ресовского («Зубра»), каслинская природа («Уральская Швейцария» назвал ее Д. Мамин-Сибиряк), уникальная система озер и пр.

6. Вопросы духовно-нравственного воспитания названы итоговой задачей культурной программы Каслинского края. Дети и юношество должны видеть и осознавать «свидетельства крепости жизненного уклада дореволюционного периода, способности организовать хозяйство края с учетом природных и социальных факторов, особенности характера населения».

### *2.1.2. Реализация программы «Наследие нашего края»*

Реализация этой программы сейчас происходит при поддержке депутатского корпуса и главы Каслинского муниципального района. Основным исполнителем программы, а также инициатором и проводником происходящих в Каслинском крае социокультурных процессов является районное Управление культуры. Описывая результаты социокультурных процессов можно особо выделить:

- Созданный по инициативе Управления культуры и утвержденный органами власти историко-архитектурный опорный план города Касли – важнейший документ, определивший границы особо охраняемых зон и объектов на территории города.

- Постоянный сбор и обработку архивных материалов по истории Каслинского края.

- Реставрацию надгробий на Каслинском мемориальном кладбище.

- Создание и работу интерактивной краеведческой экспозиции «Изда крестьянского быта XVIII–XIX веков» в здании Дворца культуры.



- Наличие краеведческого фонда в каждой библиотеке Каслинского района, будь то городская или сельская..

- Научно-исследовательскую работу сотрудников Каслинского историко-художественного музея, их деятельность в сфере музейной педагогики и воспитания интереса взрослых и детей к истории родного края. По посещаемости этот музей сейчас занимает 4 место в области после музеев таких крупных городов как Челябинск, Златоуст и Магнитогорск. В перспективе в рамках работы музея на будущих расширенных площадях (при условии нахождения соответствующих ресурсов) предполагается создание действующего макета старого демидовского завода и оборудования уникальной экспозиции Каслинского художественного литья.

- Ежегодный выпуск, начиная с 2006 года, Каслинским обществом краеведов литературно-краеведческого журнала «Каслинский альманах». Это общество возникло естественным образом, «снизу», как и полагается любому неформальному, но востребованному жизнью движению.

- Прошедшую в ноябре 2008 года конференцию «Репинские чтения», посвященную автору первой книги о Каслях М.Е.Репину. Такое событие культурной жизни стало возможным благодаря инициативе общества краеведов и победе Управления культуры на областном конкурсе творческих инициатив.

### *2.1.3. Деятельность организаций, учреждений и местного сообщества в Каслинском районе*

Современные социокультурные процессы на территории – это, конечно же, и **деятельность учреждений образования и культуры**. Несмотря на крайне низкое финансирование сферы культуры<sup>11</sup> и образования<sup>12</sup>, ведущее к символической оплате труда творческих работников, старению квалифицированных кадров, нехватке жилья для специалистов, недостаточное техническое оснащение и другие проблемы, в Каслинском районе действует много творческих коллективов, побеждающих на фестивалях и конкурсах зонального, областного, всероссийского и международного уровней.

Во многих сельских поселениях школа и библиотека являются центрами культуры, без которых общественную жизнь селян трудно представить. Сельские библиотекари и учителя – это не просто инициаторы

---

<sup>11</sup> Доля расходов консолидированного районного бюджета в течение 2000–2007 гг. на сферу культуры колеблется от 4,0% до 4,8% в 2002 г. В 2007 эта доля составляет 4,1%.

<sup>12</sup> Доля расходов консолидированного районного бюджета в течение 2000–2006 гг. на общеобразовательные учреждения снизилась с 27 до 15%, на дошкольные учреждения снизилась с 8 до 7% (в 2002 г. эта доля была равна 9%), на учреждения дополнительного образования доля расходов является стабильной и равна 2%.

множества мероприятий, в которых участвуют дети и взрослые. Это «родники» населенных мест, их «живая вода». Они занимаются как поддержанием местных традиций, так и формированием новых.

Багарякская средняя школа представляет собой удивительное явление на фоне не только сельских, но и городских школ. Внешне это большое красивое здание, вокруг которого мы увидели ухоженное руками ребят зеленое пространство – деревья, кустарники, газоны, а также огромный приусадебный участок, где выращиваются ягоды, фрукты и овощи для школьной столовой. Внутри школа светлая, просторная, оборудованная компьютерами и Интернетом. В школе создан краеведческий музей. Душой школы и, если можно так выразиться, социокультурным ресурсом всего района является директор В.И. Зайцев, опирающийся в своей работе на школьное самоуправление и попечительский совет.

*Местное сообщество* Каслинского края достаточно структурировано, что представляет собой также важный социокультурный ресурс и источник процессов развития. Вот только некоторые примеры функционирующих структур активности местных жителей.

Распространена практика участия в общественной жизни представителей малого бизнеса, который есть практически в каждом сельском поселении. Проведение праздников и дней села, обустройство спортивных и детских площадок происходит обычно при поддержке местной бизнес-элиты. Особенно отличается примерами социально ответственного бизнеса Шабуровское сельское поселение, на праздники которого съезжаются не только сельские жители, но и городские. Предприниматель из Челябинска зарегистрировал там свою фирму, чтобы доходы местного бюджета пополнялись, в том числе, за счет деятельности данного предприятия. В поселке Вишневогорск инвестором нового горнолыжного спортивного центра является предприниматель, который провел здесь детство и научился в Вишневых горах кататься на горных лыжах.

Очень активно на территории всего района работает Совет ветеранов. Кроме важнейшей работы по социальной поддержке ветеранов, по воспитанию молодежи, по поддержанию в нормативном состоянии памятников и мемориальных досок, Совет организовал клуб, куда можно придти, чтобы просто пообщаться, а если захочется – петь, вязать, читать стихи.

Не менее активно работает Каслинская организация Всероссийского общества инвалидов, которая занимается их реабилитацией через вовлечение в общественную жизнь. Нынешним руководителем общества организована работа кружков и спортивных секций. Каслинские инвалиды всегда принимают участие в областных спортивных фестивалях,

занимая первые места по многим видам (шахматы, тяжелая атлетика, гонки на колясках и др.). К сожалению, эти люди часто оказываются обделенными вниманием как районной, так и областной власти. Руководителям порой не хватает времени, чтобы поздравить и морально поддержать победителей, чтобы организовать бесперебойную работу транспорта или еще что-то важное для их поддержки.

На озере Аракуль ежегодно проходит фестиваль авторской песни. В апреле 2008 г. в Каслях начала работать молодежная палата, в планах которой создание Школы гражданской культуры.

Большое влияние на жизнь местного сообщества оказывает деятельная, с точки зрения местного развития, позиция наставника Каслинского Храма Вознесения господня Иерея Георгия: ежегодно совершаются по 2-3 паломнические поездки, готовятся спектакли, проводятся совместные праздники, например, дни славянской культуры и письменности. Уже 10 лет в церкви работает воскресная школа. Ее выпускники фактически получают дополнительное образование и представляют собой элитный слой культурного сообщества, готового участвовать во всех благих начинаниях.

Муниципальная элита Каслинского района, ориентированная на поиск инновационных путей развития территории и нестандартных решений имеющихся проблем<sup>13</sup>, представляет собой еще один важнейший социокультурный ресурс территории.

Сама работа по гранту РГНФ в 2008 г. на территории Каслинского района стала своего рода катализатором для более активной работы по реализации программы «Наследие нашего края». Ее участников можно рассматривать также в качестве появившихся на территории социокультурных ресурсов. Важно отметить, что, кроме руководителя проекта, основными участниками нынешних процессов является та же группа игротехников, которая и теперь продолжает продвигать «несвоевременные» идеи социокультурного развития Каслинского края. Это говорит о научной (методологической), идейной и, если хотите, личностной преемственности и ответственности, что усиливает происходящие социокультурные процессы.

В ходе проведения в рамках проекта РГНФ семинаров, участниками которых было местное сообщество и представители муниципальной вла-

---

<sup>13</sup> Муниципальная элита представлена депутатами и главами муниципалитетов – главой района В.Ю.Коротких, главой Каслинского городского поселения Г.П. Карагодиным, главой Вишневогоского городского поселения В.Г. Новиковым, а также главами и сотрудниками администраций ряда сельских поселений, где удалось побывать автору во время летней экспедиции.

сти, возникли актуальные для сегодняшнего времени проектные идеи, требующие реализации в партнерстве власти, местного бизнеса, общественных объединений и рядовых жителей. Например, родились следующие проекты – развитие сети информационных программ по вопросам здоровья, образования, культуры и другим вопросам; информационно-консалтинговая помощь социально-активным гражданам, инициативным группам; школа гражданской культуры; школьная дипломатия (на базе Багарякской средней школы).

В качестве партнерских организаций при этом выступают: сеть областных, районных и школьных библиотек, Общественная палата Челябинской области, Молодежная общественная палата при Законодательном собрании Челябинской области, Молодежная палата Каслинского района, Челябинский клуб ЮНЕСКО, Челябинское отделение Центра экологической политики и культуры, Челябинский фонд культуры, Челябинский детский фонд, Общество краеведов «Наследие», Челябинский Зеленый Крест, «Женская сеть на Урале». Ряд проектов осуществляется при поддержке государственной корпорации «Росатом».

## ***2.2. Перспективы, направления и технология развития Каслинского района***

Кроме описанных выше социокультурных ресурсов, процессов и конкретных проектов, следует обратить внимание на еще невыявленные и нераскрытые возможности, которые могут появиться у города Касли и окружающей его территории. Например, речь может идти о том, что профессор В.Л. Глазычев называет *«конурбацией»*<sup>14</sup>. Этот термин означает особый вид межмуниципального сотрудничества между городами, не имеющими общих границ, но обладающими общими интересами. По мнению В.Л. Глазычева, город Касли географически входит в так называемое *«пятиградие»*, образованное еще четырьмя городами – Озерск, Снежинск, Миас и Златоуст. Социокультурный (человеческий) потенциал этой территории, соизмерим с человеческим потенциалом всей Челябинской области. По европейским меркам, это «пятиградие» образует целую «страну, располагающую единым резервуаром человеческого капитала»<sup>15</sup>.

Процессы выстраивания между названными пятью городами горизонтальных связей и равноправного межмуниципального партнерства по интересующим их проблемам (например, экология), смогли бы дать но-

---

<sup>14</sup> Выступление В.Л.Глазычева на V международной научно-практической конференции «Проблемы устойчивого развития городов» Миасс, 18 октября 2008 года.

<sup>15</sup> Там же.

вые импульсы для развития каждого из них. Особенно важным такого рода сотрудничество (конурбация) становится в условиях кризиса и конкуренции отдельных городов. Пятиградие при этом имеет значительные шансы оказаться в выигрыше, направляя сэкономленные ресурсы на развитие. Субъектом такого развития может быть только сообщество административно независимых городов.

Одним из направлений развития Каслинского Урала и всего пятиградия мог бы стать *межмуниципальный туризм*, выстроенный на основе многочисленных памятников природы и индустриальной культуры, территориально расширенный до природно-ландшафтного и историко-археологического заповедника мирового значения Аркаим, расположенного на юге Челябинской области.

К числу потенциальных возможностей Каслинского Урала следует отнести также *совершенствование муниципального управления*, понимаемое, во-первых, как *технологическую задачу* построения устойчивых социальных связей и равноправных партнерских отношений между органами местного самоуправления района и поселений, входящих в его состав, а внутри каждого муниципалитета – между муниципальной властью и жителями, а во-вторых, как *содержательную задачу* капитализации имеющегося социокультурного потенциала всеми заинтересованными в развитии территории субъектами – государственной и муниципальной властью, бизнес-сообществом, жителями и их объединениями, экспертным сообществом.

В качестве решения *технологической (управленческой) задачи* подойдет, например, такие меры:

- проведение муниципальной политики, направленной на ослабление патерналистских начал в сознании жителей;
- стимулирование развития инфраструктуры местного сообщества путем поощрения возникающих по самым разным интересам и проблемам объединений граждан, общественное одобрение инициатив местной бизнес-элиты;
- специальное создание дискуссионных коммуникативных площадок разных форматов, конкурсов социально ответственного бизнеса и социальных проектов и проч.;
- просвещение сообщества в сфере гражданской культуры, права, экологии, предпринимательства и др. через сеть разнообразных образовательных проектов – школ, лучших практик и т.п.;
- формирование проектной культуры сообщества, позволяющей генерировать идеи и их реализовывать, включая поиск ресурсов и готовность личного участия.

- В качестве решения второй *задачи капитализации имеющегося социокультурного потенциала*, необходимого для представителей власти, видится:

- пересмотреть и переосмыслить роль и возможности культуры (примеры культуры как локомотива развития есть);

- сместить акценты на создание территориальной инфраструктуры для творческих личностей, учитывать тенденции изменения общественного сознания: для реализации творческого потенциала креативным людям становится необязательным жить в крупном городе, чтобы там работать;

- сохранить уникальный архитектурный облик центра Каслей и исторически сложивших сел и деревень Каслинского Урала;

- информационно поддерживать бренд территории.

### **3. Пинежский муниципальный район Архангельской области**

Пинежский муниципальный район расположен на юго-востоке Архангельской области в бассейне реки Пинеги, правого притока Северной Двины, и занимает 32,12 тыс. кв. км (это почти три Бельгии). Протяженность реки по району 594 км. На территории района находятся 122 населенных пункта (деревни, села и поселка), объединенных в результате муниципальной реформы в 15 сельских поселений. Административным центром муниципального района является село Карпогоры, находящееся в 217 км от города Архангельска.

Дорожно-транспортная сеть развита плохо. Постоянно действующей автомобильной дороги между Карпогорами и Архангельском нет. Весной и осенью после продолжительных дождей проезд возможен только для автомобилей повышенной проходимости, а зимой по зимнику<sup>16</sup>. В районе действует железнодорожная линия Архангельск – Карпогоры (принадлежит ОАО «РЖД»), а также ведомственная Мезенская железная дорога от Карпогор до поселка Шангас. Внутри Пинежского района также затруднено сообщение. Так, прямой проезд от административного центра района до села Пинега возможен только по зимнику. Летний маршрут от Карпогор до Пинеги больше зимнего более чем в два раза.

В условиях неразвитости дорожной сети традиционная лесопереработка и сельское хозяйство выражены слабо. Продукция этих отраслей оказывается неконкурентоспособной из-за высокой себестоимости ее вывоза. Зато Пинежский район в целом является своеобразным природным заповедником Архангельской области, привлекательным для тури-

---

<sup>16</sup> Зимник – автомобильная дорога, эксплуатация которой возможна только в зимних условиях, при минусовой температуре.

стов. Сеть объектов культуры района продолжает сохраняться и достаточно стабильно функционировать, несмотря на то, что доля культуры в бюджете района составляет менее 5% на протяжении восьми последних лет.

### **3.1. Социокультурный потенциал Пинежья**

Исследование по гранту РГНФ показало, что социокультурное пространство и ресурсы Пинежского района связаны как с его историей, так и с современностью. Причем оба контекста – исторический и современный – обладают важнейшими для развития характеристиками неповторимости и уникальности.

*Во-первых*, уникальность проявляется в удивительной истории Пинежского края, особенностях географического расположения, историко-культурном наследии в виде сохранившихся культурных ландшафтов, памятников и памятных мест, а также в духовной культуре пинежан. Эта уникальность не отделима от местной идентичности – принадлежащего только пинежанам самосознания, проявляющегося в говоре, фольклоре, ремеслах, традициях, культуре повседневности.

*Во-вторых*, уникальность можно обнаружить уже в некоторых современных социокультурных процессах на территории Пинежского района. Так, события в пинежской деревне Нюхча можно поместить во все учебники по муниципальному управлению как классический пример трудностей в условиях российской действительности формирования местного сообщества «снизу», от жителей. Деревня Еркино на реке Пинега известна многим, как в России, так и в других странах, благодаря своему опыту территориального общественного самоуправления. Пинежский район является одним из трех муниципальных районов Архангельской области, который стал участником уникального для всей России эксперимента по разработке стратегии территориального развития в рамках межмуниципальной кооперации. Кроме того, существует еще один ресурс, которым может пользоваться Пинежский район наряду с другими муниципалитетами Архангельской области. Ресурсом этим является проводимая Комитетом по культуре Архангельской области региональная политика в отношении роли и места в местном развитии на основе культуры не только районных учреждений культуры, как это было до муниципальной реформы, но и отдельных поселений, отдельных деревень, органов территориального общественного самоуправления.

Многие уникальные характеристики территории являются основой ее *бренда*. В свою очередь бренд территории сам по себе является мощным социокультурным ресурсом при условии его постоянной информационно-организационной поддержки. В 2007 г. в Пинежском районе совместно с Лешуконским и Мезенским началась работа по брендингу –

поиску символа уникальности и узнаваемости всех трех районов<sup>17</sup>. Совершенно очевидно, что основой этого поиска в Пинежье являются сохранившийся культурный ландшафт, фольклор, ремесла, традиции, культура повседневности.

### **3.2. Современные социокультурные процессы в Пинежском районе**

#### **3.2.1. Проблемы формирования местных сообществ посредством развития территориального общественного самоуправления (ТОС)**

За время архангельской экспедиции в 2008 г. автору удалось побывать в ряде сельских поселений, где созданы и работают органы ТОС. Далее приводится анализ динамики становления ТОС и местных сообществ в архангельских деревнях.

**Сурское сельское поселение** включает 16 населенных пунктов, в двух из которых действуют органы ТОС – в поселке Шуйга и в деревне Засурье. Обе структуры созданы и работают на разных принципах. Эта разница связана с особенностями самих поселений, в частности, с разной историей появления и развития населенного места и, конечно, с разным менталитетом живущих там людей.

**Деревня Засурье** – исторически сложившееся очень красивое место прямо на берегу реки, где в настоящее время компактно живет всего 56 человек, среди которых 19 детей, т.е. в основном там живут молодые люди. Именно они решили объединиться, чтобы самим заняться дорогами и благоустройством деревни. Раньше на решение этих вопросов они просто «скидывались» деньгами и своим трудовым вкладом (без формирования структуры ТОС). После того, как начали проводиться областные конкурсы «Сельская инициатива», жители Засурья создали орган ТОС и начали писать заявки на участие в проектах. В рамках первого выигранного проекта была построена детская площадка. Кроме денег, полученных для этих целей с областного уровня, из районного бюджета в качестве софинансирования было выделено 9000 руб. Второй выигранный проект называется «Семья в истории деревни». По этому проекту предполагается создать в Засурье краеведческий музей. В качестве здания музея уже обустроен дом (принадлежит школьнику, живущему в Суре). Представляется, что в данном случае можно говорить об использовании системы ТОС в качестве ресурса местного развития деревни Засурье.

**Поселок Шуйга** в Сурском сельском поселении выглядит не слишком привлекательно, поскольку состоит в основном из однотипных домов на две семьи, хотя эти дома достаточно удобные для сельской мест-

---

<sup>17</sup> К сожалению, из-за смены всех трех глав районов в 2009 г. данная работа пока приостановлена.



ности. В поселке 760 жителей, занимающихся в основном личными подсобными хозяйствами. Вокруг, как и везде на Пинежье, богатые дарами леса, реки и озера. Возник рабочий поселок, в отличие от деревни Засурье, искусственно – как место проживания работников созданного в советское время Леспромхоза. В настоящее время на базе Леспромхоза создано ООО, которое не использует труд местных жителей<sup>18</sup>. Поэтому какая-либо производственная инфраструктура (впрочем, как и в Засурье) отсутствует. Коммунальная система поселка также пришла в упадок: вышли из строя котельная, водонапорная башня.

Средний возраст остающихся в поселке жителей быстро повышается, население стареет. К тому же, в отличие от жителей Засурья, здесь еще сохраняется менталитет людей, постоянно надеющихся на государство. Глава Сурского поселения долго уговаривала их создать в поселке ТОС, чтобы получить дополнительные деньги из областного бюджета по конкурсу «Сельская инициатива» и заняться восстановлением коммунальной системы. Сейчас в поселке есть ТОС, силами которого совместно с поселенческой властью построена водонапорная колонка (из районного бюджета в рамках софинансирования выделено 75000 руб.), началось восстановление котельной и планируется строительство спортивной площадки. Но говорить в этом случае о работе ТОС, как инструменте развития поселка, вряд ли возможно. Пока речь идет об использовании средств регионального и районного бюджетов на дополнительное дотирование местного бюджета поселения с целью восстановления разрушенной коммунальной инфраструктуры. ТОС в данном случае занимается решением вопросов местного значения, привлекая для этого также трудовой вклад жителей.

**Веркольское сельское поселение** включает 5 населенных пунктов, в которых проживает в сумме 460 жителей. В одном из них – деревне Верколе в 2007 г. был создан Комитет ТОС. Идея создания ТОСа и его первого проекта принадлежит заведующей сельской библиотеки, которая захотела создать в рамках областного проекта «Сельская инициатива» своеобразную лавку ремесел, через которую местные жители смогли бы реализовывать продукцию народных промыслов туристам.

Сама идея наладить сбыт сувенирной продукции и тем самым поддержать местных жителей в деревне Верколе, где жил писатель Федор

---

<sup>18</sup> Причин такой ситуации оказалось две. Во-первых, в силу того, что квалифицированных кадров в поселке почти не осталось, во-вторых, частной структуре экономически выгоднее организовать вахтенный метод и возить рабочих из других сел зачастую без оформления трудовых договоров. Тем самым, легче «уйти» от налогов или просто не доплачивать временным рабочим.

Абрамов и создан его музей, очевидно не плоха, поскольку через эту деревню и музей проходит примерно 2000 туристов в год (в основном это школьники в весенние и летние каникулы). Кроме того, в деревне есть гостевой дом Т. Седуновой, где часто останавливаются туристы. Но после того, как проект был поддержан на конкурсе, на него выделены деньги из областного и районного бюджетов, отремонтирован «дом ремесел» и некоторые жители стали приносить туда свои поделки, деятельность Комитета ТОС зашла в тупик.

Очевидно ни сами инициаторы ТОС, ни те, кто поддержал предложенную инициативу, не продумали до конца механизм реализации подобного проекта. Возникшее противоречие состояло в том, что любая структура ТОС имеет общественную, т.е. некоммерческую природу. Иметь на счету финансовые средства (заработанные, спонсорские и т.п.) можно только в случае приобретения статуса юридического лица. Тратить же эти средства можно только на цели, зафиксированные в уставе ТОС. В данном случае у Комитета ТОС даже не было статуса юридического лица<sup>19</sup>. В то же время организация продажи туристам сувениров, сделанных руками жителей, имеет другую природу – коммерческую. Ведь представляется естественным выделять некоторый процент от продаж на развитие ТОС, в частности, на отопление «дома ремесел», на его ремонт и пр.

В основе «слабости» веркольского ТОСа, по нашему мнению, лежат две причины. Первая связана с непродуманностью проекта в целом. Это вызвано, очевидно, элементарным отсутствием знаний и опыта у тосовцев. Роль областная власти ограничилась выделением финансовых средств по конкурсу, и никто из представителей области или района не предостерег от потенциальной проблемы на этапе разработки такого проекта.

Вторая причина состоит в отсутствии налаженного социального партнерства органов местного самоуправления Веркольского сельского поселения, активистов ТОС, сотрудников музея и предпринимателя Т. Седуновой. Все это свидетельствует об отсутствии в Верколе местного сообщества, формирование которого есть одно из основных задач выборной муниципальной власти. Если все участники, озабоченные развитием этой территории, не объединятся и не найдут конструктивных механизмов взаимодействия и равноправного сотрудничества, судьба ТОС в

---

<sup>19</sup> Заметим при этом, что с принятием в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ необходимость проходить этап государственной регистрации для получения органом ТОС статуса юридического лица потеряла свою значимость. В настоящее время органы ТОС считают достаточным зарегистрировать устав ТОС уполномоченным органом местного самоуправления соответствующего поселения. Это так называемая «муниципальная» регистрация (ст. 27 упомянутого закона).

деревне Верколе, равно как и перспективы развития, даже при наличии имеющегося там потенциала, не внушает оптимизма.

**Карпогорское сельское поселение** включает 7 населенных пунктов. Структуры ТОС созданы в двух деревнях Шотова и Ваймуша с 2002 г. Это означает, что в отличие от описанных выше ТОСов, эти структуры создавались, получая организационную поддержку Института общественных и гуманитарных инициатив (ИОГИ), созданного Глебом Тюриным. Как сами деревни, так и функционирование в них ТОС, сильно отличаются.

*В деревне Шотова* живет 450 человек. Расположена она на высоком красивом берегу Пинеги. Раньше деревня была усадьбой совхоза, в ней имелась вся необходимая для жизни и работы инфраструктура. Люди не привыкли заниматься обустройством своей территории сами, поэтому, когда совхоза не стало, все пришло в упадок.

Недалеко от деревни – небольшое кладбище и здание каменного храма Пресвятой Богородицы, построенного в 1909 г. купцом Северьяном Кыргаловым. Храм был освящен, но после революции стал недействующим, разрушающимся. В годы войны в нем хранили зерно, а потом не стало даже крыши. Здание в данный момент бесхозное, что по действующему Гражданскому кодексу РФ обязывает органы местного самоуправления поселения поставить его на учет как объект недвижимости. В чьей собственности окажется храм, пока неизвестно.

Тем не менее, у некоторых жителей деревни Шотова возникла идея если не восстановить, то хотя бы законсервировать храм, построив крышу, заделав оконные рамы, починив стены. С 2003 г. возник ТОС-проект «Дорога к храму», на который из областного бюджета было получено 29000 руб., примерно столько же было собрано в виде пожертвований. На эти деньги были закуплены только материалы, инициаторы проекта трудились бесплатно, оборудуя ограду кладбища и пожарный водоем. С 2004 г. начались работы по консервации храма, которые длились четыре года. В 2008 году, на этапе завершения проекта, было выделено из бюджетов области – 100000 руб., района – 35000 руб., сельского поселения – 15000 руб. Проблем у руководителя ТОС и основного идеолога и реализатора этой работы немало, и, по его мнению, работа ТОС идет к развалу.

Во-первых, бюджетные деньги приходят осенью, а работы можно делать только летом, когда позволяет погода. Кстати подобного рода проблемы испытывают многие участники ТОС-движения во всей Архангельской области, что требует особого рассмотрения этого вопроса на областном уровне.

Во-вторых, по его мнению, основная часть жителей деревни охладела к начатой работе. На субботники приходят не более 10-ти самых активных, а через службу занятости на эти виды опасных работ брать нельзя.

Сам руководитель – человек очень активный и преданный начатому делу, но в деревне уже возникают конфликтные отношения, поскольку данный проект продолжает осуществляться против желания большинства деревенских жителей. Они спрашивают у руководителя ТОС, почему деньги тратятся на храм, а в деревне нет спортплощадки. Представляется, что подобные работы по восстановлению или консервации храмов целесообразнее осуществлять созданной церковной общиной, а не территориальным общественным самоуправлением.

*Деревня Ваймуша* оставила очень светлое впечатление не столько самым местом (Ваймуша означает «луг заливной» и считается центром одного из двух магнитных полей земли), сколько людьми, живущими там (около 800 человек). Перед входом в общественный музей нас встретили пинежскими песнями, шанежками и очень вкусным квасом местного производства. Собранный экспозиции музея становится тесно в деревенском доме, создатель музея заворожилась рассказами о живших здесь людях и социальном устройстве деревни Ваймуши в прошлом.

Деятельность здешнего ТОСа в отличие от ТОСа в деревне Шотова строится на программе «малых дел» и помощи органам местного самоуправления в решении вопросов местного значения – заняться уличным освещением, починить тротуар и спуск к реке, привести в порядок кладбище и стадион, построить детскую площадку. Организуют эту работу комитет ТОС из 9 человек – 4 мужчин и 5 женщин, причем только одна из них на пенсии, остальные работают. В деревне распространена система самообложения. Например, на сельском сходе было принято решение собрать по 100 руб. со двора и построить пожарный водоем. Техника для строительства предоставлялась органами сельского поселения. Таким же способом было построено место для полоскания белья на реке. Выпускается стенгазета «Деревенька». Каждую весну проходят субботники по благоустройству. Можно сделать вывод, что в Ваймуше сформировано местное сообщество, а его сердцем и душой является Комитет ТОС.

Жители Ваймуши настроены оптимистично в отношении будущего своей деревни. При этом, конечно, сказывается близость районного центра. Но немалое значение имеет и их менталитет. Так, они считают, что больше всего местному развитию мешает сознание людей, но оно, к сожалению, формируется с телевизионных экранов, откуда рождается мода на городские стереотипы жизни, не соответствующие сельской культуре. Если же больше уделять внимания своеобразию и прелести поморской культуры, формировать новую систему ценностей в изменившихся условиях российского социума, то можно найти и точки роста во многих архангельских деревнях.

**Кушкопальское сельское поселение** включает деревню Кушкопала (административный центр сельского поселения), поселок Пачиха и деревню Еркино (население сейчас около 300 чел.). ТОС создано в одной из них — в деревне Еркино. Проследить динамику становления ТОС было особенно интересно именно здесь, т.к. на примере Еркино Глеб Тюрин показал в своей книге «Опыт позитивного отношения у жизни. Взгляд из Нью-Еркино», написанной в 2003 г., пример развития сельской инициативы. Предисловие книги содержит ее цель — показать «как деревня стала понемногу отвечать за себя, как постепенно люди учились управлять своей судьбой и судьбой своей деревни». Забегая вперед, можно сразу сказать: «Пока не научилась...». Но почему?

За ответом на этот вопрос мы и приехали в Еркино. А приехав, ... влюбились. Да и как остаться равнодушными к этим местам: высокий красного цвета (особые мергелевые породы) берег Пинеги, огромные сосны, а на противоположном берегу — уютная северная деревушка. Чтобы в нее попасть, нужно сначала докричаться (мобильная связь там отсутствует), причем очень громко, т.к. река достаточно широкая — «За реку-у-у!!!». А потом дождаться лодки. Долбленка с шестом выглядит очень экзотично. Путь в Еркино оказался незабываемым. Сама деревня тоже поразила какой-то особой планировкой и энергетикой места.

В Еркино мы расположились в знаменитом Марфином доме и стали беседовать с теми, кто начинал здесь развивать ТОС под патронажем ИОГИ и продолжает что-то делать сейчас. Пришли — Марина Кликунова, бывшая руководителем ТОС в 2002 г., а сейчас сотрудник администрации в Пинежском районе, и еще две женщины. Полученная от них информация — это взгляд «изнутри» на произошедшие и происходящие сейчас перемены.

Разговоры о ТОС начались в деревне с 1999 г., когда туда приехал Г. Тюрин и начал проводить деловые игры. Люди поначалу не понимали, о чем идет речь, смеялись, не воспринимали звучащие идеи, «крутили у виска пальцами». Были и такие, которые подозревали «девчонок в обогащении». На пути становления непривычного дела случались «взлеты и падения».

Первый проект «Летний лагерь» (он же «Пленэр в Еркино») в 2001 г. был очень успешным. Бюджетное финансирование было минимальным, а трудовой вклад жителей — значителен. В проект были вовлечены взрослые и дети. Две недели городские и сельские (еркинские) ребята обучались не только по программе серьезной художественной школы, но и традиционным ремеслам — ткать на станке, валять валенки, плести из бересты, вязать варежки с северными узорами. Мастер-классы квалифицированно вели местные жители. Тосовцы организовывали для детей ин-

тересные походы, поездки и экскурсии. Подготовка к лагерю потребовала косметического ремонта дома бабушки Марфы и другой работы по приему городских детей, в которой участвовали многие жители села, и это, пожалуй, было самое важное для становления ТОС. В него начали верить. В этот же год посадили и убрали картошку, выручив какие-то, пусть небольшие, деньги.

Второй проект частично финансировался областной властью и был реализован совместно с проектом ИОГИ «Берегиня» при поддержке Европейского сообщества. Его результатом был капитально отремонтированный Дом ремесел – Марфин дом, который стал основным центром и визитной карточкой Еркинского ТОСа. Успешным делом была также работа по ремонту моста, в которую тосовцы вовлекли деревенских мужиков, что было непросто. Но осень 2002 г. оказалась неудачной, т.к. посадили, но не успели до морозов и снега убрать картошку. К тому же внутренние конфликты обострились настолько, что решили «распуститься». Пришедшие на собрание жители деревни, а их оказалось немало, не позволили это сделать. Люди увидели реальную пользу от ТОС. После собрания его состав изменился и увеличился: было 7 человек, стало 13. Кроме молодых появились и пожилые люди, которые и сейчас составляют основной костяк. Корпоративную поддержку своей коллеге (М. Кликунова была учителем в школе) оказали школьные учителя, став членами ТОС.

Оглядываясь назад, участницы ТОС отмечали свои ошибки, которые они исправляли. Например, на каком-то этапе их деятельность стала закрытой для селян, т.к. им было хорошо и комфортно просто собраться вместе, чтобы поговорить по душам, попеть, занимаясь рукоделием. А когда заметили, что люди стали завидовать (*«там поют и пляшут, значит их деньгами завалили»*), в Марфином доме начали устраиваться дни открытых дверей.

В первые времена работы в новом составе тосовцы собирались каждый день. Кроме того, что сажали картошку «для экономики» и занимались ткачеством «для души», они построили овощехранилище для школы, сделали пожарный водоем, уличное освещение, каждый год помогали старикам с заготовкой дров и проч. Стоит при этом отметить, что в тот момент (и до 2003 г.) нынешняя муниципальная реформа не началась и в Пинежском районе существовало одноуровневое местное самоуправление: статус муниципального образования имел только район. В сельсоветах действовали местные администрации, а в деревне Еркино работал староста. Выполняемая еркинским ТОСом работа фактически относится к решению вопросов местного значения, поэтому получается, что ТОС фактически брал на себя, причем достаточно эффективно, часть полномочий муниципальной власти.

Почему же деревня не стала отвечать за себя, а люди так и не научились управлять своей судьбой? Ответом на этот вопрос является целый комплекс связанных друг с другом причин. Они были сформулированы совместно участниками разговорами в «Марфином доме».

Самая главная из причин – продолжающийся общий упадок российской деревни, в результате которого в деревне стало меньше «социального ресурса»: многие молодые и активные за это время уехали.

Вторая не менее важная причина – отсутствие лидера. Прежний лидер ТОС Марина Кликунова уехала в районный центр, а нового - не появилось. При этом Марина призналась, что видит, насколько она нужна здесь людям, но веские объективные обстоятельства не позволяют вернуться в деревню насовсем. Заметим, что в настоящее время позитивные практики организации жизнеустройства на местном уровне встречаются весьма редко. Но если они возникают, то держатся исключительно на лидере, который работает грамотно, творчески и самоотверженно либо в системе местного самоуправления (глава района или поселения, депутат или председатель представительного органа), либо в системе общественного самоуправления (староста в деревне, руководитель органа ТОС, руководитель общественного объединения и др.).

Вывод, сделанный в Еркино – «нужны заводы, инвесторы с материальными и социальными инвестициями, т.е. с идеями». При этом было отмечено, что еркинцы сейчас не стали бы отторгать чужого, как раньше. Среди причин, негативно влияющих на общественные настроения в Еркино, обсуждались также следующие:

– поменялась система власти, в которой ТОС не очень понимает свое место («с Федеральным законом № 131-ФЗ стало хуже: органы местного самоуправления поселений бесправны, у них нет ни техники, ни денег, депутатам работать тяжело, они стали снимать с себя полномочия»);

– поменялась сама власть («главой Кушкопальского поселения выбрали не того»);

– очень трудно стало оплачивать свет и отопление («если раньше денег от проданной картошки хватало заплатить истопнику, то теперь с новыми тарифами не хватает»);

– раньше делянку для заготовки дров можно было купить по льготной цене, а теперь из-за нового законодательства будут проблемы, поэтому, когда кончатся заготовленные впрок дрова, отапливать Марфин дом станет просто нечем.

Для *ТОС во всем Пинежском районе* характерно увеличение как количества органов ТОС, так и их финансирования (см. табл. 1):

**Табл. 1. Объем финансирования деятельности органов ТОС Пинежского района**

Год	Областной конкурс "Сельская инициатива"	Районный конкурс "Сельское развитие Пинежского района"	Мероприятия по развитию ТОС (конференции, семинары и пр.)
2003	20 000 руб.	-	-
2004	20 000 руб.	10 000 руб.	2000
2005		34 000 руб.	-
2006	50 000 руб.	20 000 руб.	-
2007	60 000 руб.	20 000 руб.	30 000 руб.
2008	100 000 руб.	70 000 руб.	134 000 руб.

*Прим.: Данные представлены администрацией Пинежского района.*

Сейчас никем не подвергается сомнению сама идея и дальше развивать этот вид общественной активности, который, безусловно, является одним из важнейших механизмов формирования местных сообществ и, как следствие, - всей системы местного самоуправления. Но чтобы подобное развитие ТОС происходило, важным представляется создать на областном уровне постоянно действующую систему консультаций, семинаров, площадок, где возможен обмен идеями и опытом. Необходимо вести мониторинг становления ТОС. Другими словами поддерживать систему ТОС не только финансово, но и организационно.

### *3.2.2. Органы муниципальной и государственной власти, бизнес-структуры, ориентированные на инновации*

Говоря о социокультурных процессах Пинежского района в период реформы местного самоуправления (2006–2008), нельзя обойти вниманием деятельность тех представителей местного сообщества, которые ориентированы на инновации в сфере культуры и ищут ответы на новые вызовы времени. Такими субъектами являются работники отдела по культуре, искусству и туризму администрации Пинежского муниципального района, глава Пинежского муниципального района, некоторые местные предприниматели и Комитет по культуре администрации Архангельской области.

Заслуги главы района П.Л. Меньшуткина, всей районной администрации, а особенно районного отдела по культуре, искусству и туризму и местных предпринимателей состоят в инициативах по разработке и началу реализации **Социально-экономической целевой программы «Сохранение и развитие культуры МО «Пинежский район» (2008–2010 годы)»**.

В данном документе фактически выполнен анализ современного состояния социокультурных ресурсов Пинежского района, в частности, описана социально-экономическая ситуация в районе, проанализиро-



вано значение Пинежского района для развития культуры всей Архангельской области, показано богатейшее природно-культурное наследие Пинежья.

Главным культурным достоянием Пинежского района в программе названа *традиционная сельская культура*. Подробно в районной Программе показана такая уникальная характеристика Пинежского района как его культурная неоднородность, субрайонная (названная «субрегиональной») структура, представленная несколькими территориями, каждая из которых имеет свои центры и собственную культурную специфику. В документе сделан вывод, что существующая дифференциация социокультурного пространства Пинежского района устойчиво формировалась на протяжении нескольких десятилетий и, очевидно, сохранится в обозримом будущем.

Вот типы поселений, представленные в программе и различающиеся в пределах района культурным потенциалом и тенденциями развития:

*Первый тип* — это исторические, т.е. формировавшиеся на протяжении столетий, сельские поселения с преобладающим до настоящего времени коренным населением. Они расположены в основном вдоль реки Пинеги и ее притоков. Эти поселения, по сути дела, являются той самой естественной «заповедной» средой, в которой обитают носители традиционной культуры, и где пока еще сохраняется механизм ее воспроизводства<sup>20</sup>.

*Второй тип* — это поселки современного типа, созданные в советское время для рабочих лесозаготовок. В них живет как коренное, так и пришлое население, а потенциал развития культуры, по сравнению с историческими селами, ниже. В такой среде преобладают нормы и образцы массовой культуры, которая мало связана с региональной спецификой и носит достаточно примитивный характер<sup>21</sup>.

*Третий тип* — это крупные села и поселки, являющиеся традиционными культурными центрами, и каждый из них имеет свою индивидуальную линию развития — Веркола, Сура, Чакола, Кеврола, Карпогоры, Пинега.

Для любого исследователя вывод очевиден — имеющееся культурологическое разнообразие позволяет рассматривать Пинежский район как

---

<sup>20</sup> К первому типу поселений относятся Нюхча, Сульца, Шиднема, Городецк, Остров, Явзора, Лавела, Кушкопола, Еркино, Едома, Немнога, Шардонемь, Ваймуша, Шотова, Кобелево, Лохново, Красное, Большое Кротово, Шотогорка, Чешегора, Пиринемь, Веегора, Матвера, Труфанова, Вальтево, Воепола, Цимола и др.

<sup>21</sup> Ко второму типу поселений относятся Сосновка, Кулосега, Шуйга, Н-Лавела, Ясный, Пачиха, Сылога, Сия, Междуреченский и др.

*территорию, потенциально привлекательную для развития туризма.* Логично, что одной из основных целей районной программы «Сохранение и развитие культуры МО «Пинежский район» (2008–2010 годы)» является содействие развитию туризма.

Как уже отмечалось в данной работе, глава Пинежского муниципального района совместно с коллегами из Лешуконского и Мезенского районов стали инициаторами уникального для всей России эксперимента по разработке стратегии территориального развития в рамках межмуниципальной кооперации. Заметим при этом, что процессы сотрудничества нескольких муниципалитетов для решения хозяйственных задач, а тем более, для развития территорий, еще не получили распространения в российской практике муниципального управления, хотя нынешняя реформа местного самоуправления отводит подобному механизму решения вопросов местного значения весьма важную роль.

Проведенный в процессе стратегирования анализ потенциала трех районов привел к выбору туризма как точки роста, способной комплексно развивать территорию каждого из них. В каждом из трех районов есть свои «изюминки», в каждом есть исторические деревни, но их число катастрофически сокращается. Вымирание естественно сложившихся русских деревень уничтожает русскую культуру, справедливо считают разработчики стратегии. Наверное, сохранить каждую деревню объективно уже невозможно, но самые крепкие из них должны получить «второе дыхание».

Основной рост туристической отрасли в экономике района (он составляет 20-25% в год) происходит за счет развития соответствующей инфраструктуры возле поселка Пинега, где одновременно могут разместиться 150 человек, а отдыхать на всей территории комплексов – в несколько раз больше. В 2008 г. эти места посетили 30 тыс. российских и зарубежных туристов. Развитие туризма здесь может происходить еще более быстрыми темпами, если дорога к Пинежскому комплексу будет функционировать круглый год. В настоящее время эта дорога становится непроезжей в осеннюю и весеннюю распутицу.

Четыре из шести имеющихся в районе гостевых домов наиболее востребованы и активно заполняются. Они принадлежат местному предпринимателю Т. Седуновой – жительнице Пинежского района, бывшему директору дома культуры, человеку творческому и энергичному. Число туристов, обслуживаемых ею, за последний год удвоилось и составляет 2500 человек, хотя до сих пор не существует никакой рекламы и специальной информационной поддержки ее работы. Люди просто передают друг другу информацию о возможности необычного отдыха на Пинеге.

Деятельность **Комитета по культуре Архангельской области** выгодно отличается от работы аналогичных структур в других субъектах Российской Федерации. Проводимая Комитетом работа, безусловно, может рассматриваться как интересный опыт инициирования социокультурных процессов значимых для области в целом и Пинежского района, в частности.

Дело в том, что в областном Комитете по культуре приоритетом считают содействие муниципальной реформе и развитию эффективного местного самоуправления. Причем, если раньше этот Комитет взаимодействовал только с районными учреждениями культуры, то теперь он готов сотрудничать непосредственно с органами местного самоуправления поселений, органами ТОС и даже с жителями. Тем самым, отраслевой подход меняется на территориальный, что представляется чрезвычайно важным для решения проблемы утраты идентичности жителями Поморского края, для познания себя, самоидентификации.

В аналитической записке «Об итогах развития сферы культуры Архангельской области в 2007 году», подготовленной Г.Я. Лаптевой, заместителем председателя Комитета по культуре, в число основных событий 2007 г., на первое место попали **события, способствующие осознанию того, что культура может рассматриваться как важнейший ресурс социально-экономического развития локальных территорий и региона в целом.**

В указанной аналитической записке подчеркивается, что потенциал культуры на муниципальном уровне становится ресурсом при условии, если культура активно вовлекается в процесс деятельности различных субъектов, имеющих свои стратегии, связанные с идеей развития территории. Кроме того, Комитетом по культуре Архангельской области постоянно делается акцент на необходимости формирования горизонтальных связей на муниципальном уровне, т.к. это способствует внедрению инновационных технологий, дающих эффект расширяющегося социокультурного пространства.

В качестве результатов прошедшего в Архангельске 13 ноября 2008 г. «круглого стола» на тему «Система охраны традиционных сельских поселений как объектов наследия и пути их развития» участники выделили традиционные поселения региона в особый тип (вид) населенных мест, ценность которых состоит в *традиционном укладе жизни*. Именно такие поселения, по мнению участников круглого стола, «образуют самобытность множества мест Архангельской области и в то же время являются самой хрупкой ее стороной, которая может быть утрачена при масштабных социально-экономических преобразованиях». К качественным характеристикам традиционных поселений отнесены:

- глубина и действенность (жизненность) местных (локальных) традиций, их самодостаточность;
- аутентичность, сохранение культурной целостности (семья, дом, устои, сильное чувство причастности к «малой родине»);
- инновационный (природосберегающий, использующий альтернативные источники энергии) потенциал традиционных (доиндустриальных) технологий, позволяющий жить на территории по принципу разумной достаточности;
- сохраненные знания как структурный капитал, который может послужить трамплином для инноваций;
- образовательный и исследовательский потенциал в контексте культурной и естественной истории поселения;
- возможность создания особо охраняемой территории при участии местного населения.

По результатам «круглого стола» сделан чрезвычайно важный для данного исследования РГНФ вывод – обозначенные качественные характеристики должны учитываться при оценке жизнеспособности традиционных поселений, поскольку привычный метод оценки «экономического потенциала» таких поселений здесь неприемлем. По справедливому мнению участников, *«категория развития как такового встречается здесь явные ограничения, поскольку сам традиционный образ жизни не предполагает «развития» в общепринятом смысле. Его ценность, по преимуществу, заключается в обратном: в трансляции исторических образцов самосознания (идентичности) и жизнедеятельности в неизменном виде».*

#### **4. Современные социокультурные процессы в Республике Карелия**

В качестве исследования социокультурных процессов в Карелии, влияющих на формирование местных сообществ, акцент сделан на деятельности Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Карелия», реализации в Республике театрально-библиотечного проекта, развитии сельской кооперации и культурного туризма. Кроме того, достаточно подробно выполнено исследование социокультурного пространства деревни Пяльма Пудожского района.

##### **4.1. Деятельность Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Карелия»**

Ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Карелия» (далее также Ассоциация или Ассоциация МО) является одной из самых «старейших» региональных объединений муниципалитетов, созданных в 1994 г., т.е. еще до принятия первого базового закона о местном самоуправлении. В то время в Ассоциацию входили только 19 тер-

риторий, имеющих статус муниципальных образований. Ими были 16 районов и 3 города областного значения. Сейчас, кроме них, в Ассоциацию входят и вновь созданные в ходе муниципальной реформы муниципалитеты – сельские и городские поселения<sup>22</sup>.

Нельзя сказать, что общероссийская проблема эффективности института местного самоуправления и полноценного статуса муниципальных образований в Карелии уже решена. Будет преувеличением также сказать, что местное самоуправление в Карелии состоялось, и это есть заслуга деятельности Ассоциации. Тем не менее, карельскую Ассоциацию отличает достаточная результативность функционирования, несмотря на все сложности становления института местного самоуправления как в республике Карелия, так во всей России. Мы не раз убеждались в этом, приезжая в Карелию: там идут отдельные позитивные процессы, происходящие благодаря позиции, реакции и умению руководства Ассоциации сотрудничать и взаимодействовать с самыми разными организациями и людьми. У нас также не вызывает сомнений, что стабильная и результативная работа этого объединения – это заслуга, прежде всего, исполнительного директора Ассоциации А.Д.Юрьева, который занимает свою должность со дня учреждения Ассоциации МО.

Что отличает карельскую Ассоциацию МО? По нашему мнению, это две вещи – способность к партнерству и грамотно выбранный приоритет своей деятельности. Так, за все время своего более 15-летнего существования она работает в конструктивном взаимодействии со многими структурами республиканской власти (более тесно – с Государственным комитетом Республики Карелия по вопросам развития местного самоуправления). Также Ассоциация с готовностью выступает партнером со всеми иными организациями, рядовыми гражданами или представителями власти, которые проявляют любые инициативы, направленные на развитие отдельных территорий или Карелии в целом. Среди разнообразной деятельности Ассоциации МО, включающей работу по всем векторам муниципальной сферы, остановимся на описании трех процессов в Карелии, имеющих явную социокультурную направленность и представляющих, по нашему мнению, интерес как позитивный опыт муниципального развития особенно сельских территорий.

#### ***4.2. Социально-театрально-библиотечный проект***

Все началось с выхода в 2006 г. в издательстве «Карелия» повести Надежды Васильевой «Етишкина жизнь». В этой повести талантливо и

---

<sup>22</sup> Всего в Карелии 127 муниципальных образований, из которых 109 вновь образованных поселений – 22 городских и 87 сельских, 2 городских округа (Петрозаводский и Костомукшский), 16 муниципальных районов.

очень правдиво, описывается жизнь деревенского мужика Петра Иванова, в просторечии – Петьки Портного, и жизнь современной российской деревни со всем ее драматизмом и трудностями. Читатель знакомится с историей жизни главного героя, где было больше ошибок и промахов, несчастий и боли, чем радости и удовлетворения от прожитой жизни и построенных им отношений с соседями и близкими людьми – матерью, женой, двумя детьми. Повесть читается на одном дыхании, ее язык ясен и точен. Картины деревенской жизни встают перед читателем без прикрас, но они проникнуты огромной болью за то, что происходит сейчас с деревней и ее жителями, они наполнены теплотой, любовью и сердечностью к непутевым героям.

Но талант писательницы проявляется не только в реалистичном описании сегодняшней деревенской жизни. Тонко и ненавязчиво она передает через своих положительных героев новую жизненную философию, следование которой может (и должно!) изменить, прежде всего, внутренний мир каждого живущего на этой планете, а значит – жизнь его окружения, в том числе – атмосферу местного сообщества в деревни или городе. Даже тем, кто безнадежно болен (жена Петра), даже тем, кто окончательно запутался и довел себя до самоубийства (сын Петра), даже тем, кого «достала до ручки» политика государства, развалившая нашу сельскую Россию, а также многим и многим другим могут помочь ... лишь они сами. Именно эта глубокая мысль доказывается на страницах повести. Эта помощь возможна только посредством изменения своего «внутреннего Я», только после мощной личностной трансформации. Вот почему так необходимо обратиться к духовным истокам, научиться любить себя, а значит относиться и к окружающим с пониманием, состраданием и любовью, научиться постоянно находиться в состоянии внутреннего равновесия и осознанности.

Важность внутренней трансформации становится такой ясной по мере прочтения повести! Эту трансформацию начинает осознать и постепенно совершать герой Петька Портной, у которого «душу скрутило так, хоть из шкуры вылезай». И он, обращаясь с молитвой к Богородице, просит у всех прощения, «воя по-звериному», с пожаром «где-то глубоко внутри». Вот так с помощью современной литературы автор несет новое важное для многих из нас знание: только после внутреннего очищения и перерождения может возникнуть новая реальность внутри и вокруг каждого из нас. И как следствие этой новой реальности естественным образом возникает чувство ответственности каждого человека за прожитый день, свою судьбу и судьбу своего места – деревни, села, города. Нечто похожее возникает у Петьки после перенесенного инфаркта, а у всех жи-

телей деревни — после очищающей сцены пожара. Мужики смотрят, как догорает дом, беседуют и решают взять ответственность за свою жизнь в деревне — наконец-то построить мост, который давно так нужен.

В конце повести сам собой возникает вывод: кроме большого влияния на нашу жизнь факторов внешних, том числе, социальных, экономических и политических (этого автор повести вовсе не отрицает), очень многое в судьбе каждого человека зависит от состояния его души, богатства внутреннего мира, а также от уровня духовности нашего общества в целом. Изложение такого рода философии сделало деревенскую прозу Н.Васильевой звучащей очень свежо, очень по-современному, заставляя всех читателей, городских и сельских, размышлять о себе и сложных проблемах жизни сельской России.

Вот почему возникла идея «пойти с этой повестью к людям, чтобы их оживить», как сказала нам при встрече писательница Н.Васильева. Эта идея родилась в ее разговоре с исполнительным директором Ассоциации А.Д. Юрьевым. Письменное обоснование будущего проекта было представлено исполнительному директору Библиотечной Ассоциации Республики Карелия В.П. Лапичковой, которая горячо поддержала возникшую идею социально-библиотечно-театрального проекта. А.Д. Юрьев со своей стороны всячески занимался лоббированием и продвижением проекта. Н. Васильева написала для проекта пьесу, причем в двух вариантах — на 5 действующих лиц, чтобы ездить со спектаклем по карельским селам, и на 10 действующих лиц, чтобы показывать в городских театрах. Проект получил название — «О чем болит душа...». Как отметила Н. Васильева, актеры<sup>23</sup> почти два месяца работали над спектаклем самозабвенно и совершенно бескорыстно, без уверенности, что проект будет профинансирован.

Первый спектакль прошел в малом зале Национального театра Петрозаводска. На него были приглашены учителя, библиотекари, депутаты, журналисты. Поскольку спектакль всем понравился, идея проекта стала обретать конкретное содержание, постепенно превратившись в республиканскую программу Министерства культуры и по связям с общественностью Республики Карелия. Сначала было профинансировано три экспериментальных показа, затем деньги были выделены на 44 бесплатных показа в районных городах, поселках и отдаленных деревнях республики. После спектакля проводились творческие встречи со зрителями.

Пожалуй, не только для Карелии, но и для всей России, такого рода культурная программа — случай беспрецедентный, если при этом учесть

---

<sup>23</sup> Ими стали актеры нового профессионального театра «Перспектива», созданного по инициативе актера и режиссера Леонида Владимирова.

*«и сам факт поддержки местной драматургии. ... Что касается сельской тематики, она вообще очень далеко оттеснена на театральные задворки. На пестром книжном рынке деревенская тема тоже не частый гост.»<sup>24</sup>.*

Все непростые организационные вопросы по транспорту, графику выездов, договоренностям с сельскими Домами культуры, клубами, библиотеками, составлению смет и прочим бумажным формальностям взяла на себя В.П. Лапичкова, руководитель проекта, исполнительный директор Библиотечной Ассоциации Республики Карелия, заместитель директора Национальной библиотеки. Она также была участницей поездок по деревням и творческих встреч со зрителями. Вот как описывает Н. Васильева эти поездки:

«Пурга испуганно бьется в лобовое стекло микроавтобуса. Поскрипывают компактно уложенные декорации. Участники проекта «О чем болит душа...» устало дремлют под протяжный вой мотора. Как и в старые добрые времена, наша выездная бригада не предъявляет высоких требований к бытовым условиям, в которых проходят командировки. Иногда расстояние в 1100 километров покрываем за одни сутки, без ночлега, для того, чтобы показать спектакль в одном из отдаленных уголков республики. После семи часов езды по зимней дороге спешно устанавливаем декорации, готовим реквизит, показываем спектакль, проводим творческую встречу, записываем на диктофон отзывы зрителей, их раздумья на темы наболевшие, созвучные тем, которые поднимаются в спектакле. Ведь тема острая – о судьбах жителей вымирающих российских деревень, деревень, которые ежегодно исчезают с карты большой страны тысячами. Так что поговорить есть о чем».

Успех прошедших в 2007 г. спектаклей был огромным. Во-первых, сельские зрители, к которым десятилетиями (в некоторых селах с 1966 г.) не приезжали с показами какие-либо театральные коллективы, были радостно удивлены и просто ошеломлены. Во-вторых, игра актеров и содержание пьесы была такой, которая не оставила их равнодушными, заставляя остро сопереживать и часто плакать. Поэтому после спектакля они не расходились, начинали говорить о наболевшем, обсуждать проблемы клубной работы в селе, воспитания детей, семейных взаимоотношений, вели разговор о том, что сможем сделать собственными силами для того, чтобы изменить свою жизнь к лучшему, как повысить свою гражданскую активность и изжить равнодушие ко всему, что происходит вокруг.

В путевых заметках, которые вела Надежда Васильева представлена яркая характеристика социокультурного пространства российского села

---

<sup>24</sup> Васильева Н. Путевые заметки «О чем болит душа...».



и звучит голос нашей глубинки, о которой мы знаем так мало. Особенно мало знают политики, хотя именно от них часто исходят столь непродуманные решения в отношении сельских территорий, которые на самом деле располагают нераскрытым пока социокультурным потенциалом.

Подобный опыт Карелии показал, что культурное событие (чтение книги, просмотр пьесы и т.п.) обладает огромным влиянием на умы и сердца современников. Гораздо большим, чем статьи журналистов и речи ученых, экспертов и представителей власти о роли самих граждан в обустройстве своих территорий и необходимости самоорганизации и формирования местного сообщества.

#### ***4.3. Развитие сельской кооперации и культурного туризма в Карелии***

Система сельской кооперации в Карелии, как и во всей России, начала зарождаться столетие назад, когда в ходе аграрных столыпинских реформ 1906–1913 гг. появился социальный слой крестьян, получивших право собственности на землю. Этот факт также говорит о важности и первичности для любых преобразований того, что сейчас называют *человеческим капиталом*, а он, в свою очередь, является основой социокультурных ресурсов территории. Как известно, именно с возникновением в России такого способа самоорганизации, каким является сельская кооперация, стал возможен впечатляющий рост сельскохозяйственного производства зерна, масла и других продуктов питания в начале XX в. Что касается наиболее актуальной для сегодняшнего времени кредитной кооперации, то ее развитие шло в России с 1872 по 1917 г. двумя волнами, получив максимальный подъем также в годы столыпинской реформы. Сто лет назад российские кредитные кооперативы смогли превратиться в самостоятельные финансовые структуры, это и сегодня является целью современного кооперативного движения, начинающего позитивно влиять на все стороны развития местного, в особенности, сельского развития.

Современный этап развития сельской кооперации вызван политико-экономическим переустройством российского государства 1990-х гг., в процессе которого, кроме государственной, стали формироваться иные формы собственности и рыночные отношения. Первые сельскохозяйственные кооперативы робко начали появляться в конце 1990-х гг. Их инициаторами был тот слой сельского сообщества, который занимался малыми формами хозяйствования на небольших территориях, почувствовав потребность в объединении своих небольших ресурсов на принципах самоорганизации, свободы предпринимательства и доступа к микрофинсированию. Поэтому именно в сельской местности кооперация стала наиболее востребованной организационной формой, в той или иной мере влияющей на развитие сельской территории.

Темпы создания новых сельскохозяйственных кооперативов в России значительно усилились в 2006–2007 гг. в связи с реализацией в российских регионах национального проекта «Развитие АПК». К сожалению, инициированная нацпроектом «волна» кооперативного движения не привела к устойчивости и прочности новых структур, поскольку любая форма самоорганизации требует, прежде всего, инициатив и предприимчивости, возникающих «снизу». В отсутствии таковых, идущие «сверху» предложения неизбежно тормозятся, поскольку часто на местах не находится людей, обладающих адекватными для самоорганизации качествами. В этом смысле редким исключением является Республика Карелия, где нашлись люди, подхватившие «историческое знамя» российской кооперации.

Как известно, основными принципами построения системы сельской кооперации являются взаимопомощь, личная ответственность, самоорганизация и самоуправление. Но самое большое значение на любой организационный процесс оказывает личностный фактор, наличие лидера, способного взять на себя ответственность за начатое дело. Таким лидером оказалась в Карелии Т. Гоцалюк, ставшая в 90-е гг. фермером.

К тому времени в Карелии, как и во многих других российских регионах, активно создавались на волне государственной поддержки фермерские хозяйства, а потом они оказались без поддержки государства и стали стремительно исчезать. Фермерам нужны были дешевые кредиты, но доступа к ним сельские труженики не имели, и часто их семьи оказывались без средств к существованию. Среди них оказалась семья Т. Гоцалюк, поэтому ей пришла идея выживания путем объединения средств самих фермеров.

Важно отметить, что такая идея возникла у Т. Гоцалюк после опыта работы депутатом в представительном органе сельского поселения и четырехлетнего обучения на специальных семинарах, что свидетельствует о необходимости организации в российских регионах образовательного процесса по кооперативному движению. Карелия в этом смысле отличается активно развитым приграничным сотрудничеством со Скандинавскими странами<sup>25</sup>.

---

<sup>25</sup> Так, большую роль в повышении квалификации Т. Гоцалюк и приобретении ею лидерских качеств сыграла программа ТАСИС, в частности шведский проект «Общественное движение сельских женщин России», профинансированный Европейским Союзом. Обучение в рамках данного проекта по программам «Женщина – лидер общественного движения» и «Межфермерская кооперация» позволило ей изучить опыт Скандинавских стран, что впоследствии стало с успехом применяться в управлении кооперативом. Для организации образовательных семинаров, проведенных в Карелии в конце 2001 – начале 2002 гг.

Первыми объединились 25 фермеров одного из районов республики — Прионежского, организовав сельскохозяйственный кредитный потребительский кооператив (СПКК) «Содействие+», председателем которого стала Т. Гоцалюк. Одной из ближайших задач этого кооператива стало возрождение кредитной кооперации в Карелии, которое способствовало бы созданию других видов кооперации.

В отличие от многих других кооперативов России особенность всей системы карельской кредитной кооперации состоит не только и не столько в социальной направленности и своего рода благотворительной помощи жителям и муниципальной власти в решении вопросов местного значения, хотя такое направление деятельности, безусловно, присутствует. Главная особенность проводимой лидерами кредитного движения политики заключается в осознании ими местного развития сельской территории как условия для всеобщего блага, включая реализацию своего собственного интереса в расширении масштабов кооперации в целом. «Не доход, но польза» — девиз карельских кооператоров.

Поездив по многим районам Карелии, мы увидели, насколько пайщики кредитных кооперативов вовлечены в местную жизнь, в решение вопросов местного самоуправления. Многие из них стали и становятся депутатами или главами сельских поселений. Руководители кооперативов независимо от того, являются они представителями муниципальной власти или нет, хорошо знают нужды, слабости и проблемы местного сообщества. Они видят свою задачу не только в осуществлении кредитных функций, но, прежде всего, в развитии малого и микробизнеса, расширении числа рабочих мест на селе, привлекательности сельских территорий для любого рода инвестиций. Их гражданская активность проявляется в борьбе с иждивенческими настроениями сельских жителей и в стремлении к сотрудничеству и конструктивному диалогу со всеми субъектами, которые либо присутствуют в зоне действия кооперативов, либо также заинтересованы в местном развитии.

Именно ориентация на местное территориальное развитие позволила сельской кооперации в Карелии начать работу по сельскому культурному туризму, которым мало занимаются или вовсе не занимаются кооперативы в других регионах, хотя на их территориях тоже, как правило,

---

по теме «Стратегия развития сельской кредитной кооперации и пилотные проекты», привлекались как российские, так и иностранные эксперты. Первый кооператив в Карелии был организован в июне 2002 г. по окончании этих семинаров. См. Л.И. Розанова Эволюция интеграционных процессов в сельских сообществах // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2006. № 4.

есть немалый природный и культурно-исторический потенциал<sup>26</sup>. Для сельских кооператоров Карелии давно стало очевидно, что проблемы развития сельской территории, сельского хозяйства и сельского туризма, основанного на бережном использовании богатств природы и культуры русского Севера, тесно связаны. Опыт их работы показал, что один гостевой дом в деревне, привлекающий до 10 туристов, дает работу 5-12 сельским жителям: хозяевам дома; перевозчикам; организаторам рыбалки и охоты; фермерам или хозяевам, ведущим личное подсобное хозяйство в этой же деревне; мастерам народных промыслов; хозяевам магазинов и кафе.

Большое значение в выборе ориентира республики на сельский туризм оказал Карельский научный центр РАН, который является постоянным партнером власти при разработке стратегий и программ развития, а также научным помощником и партнером в кооперативном движении, занимаясь серьезными разработками темы сельских сообществ и местного развития<sup>27</sup>.

#### ***4.4. Формирование местного сообщества в деревне Пяльма Пудожского района Республики Карелия***

Историческую деревню Пяльма Пудожского района можно считать уникальным местом не только в Карелии, но во всей России. Эту уникальность ей придают, прежде всего, социокультурные процессы местного развития, начатые уроженцем, а ныне жителем этой деревни Петром Алексеевичем Поташевым. И только во вторую очередь уникальность связана с географическим расположением, богатством природных и культурных ландшафтов, исторической застройкой и другими внешними характеристиками места, которыми богаты практически все исторически сложившееся сельские поселения.

Расположена деревня Пяльма всего в километре от Онежского озера, куда втекает разделяющая деревню на две части быстрая и чистая река с тем же названием, что и деревня. Застройка деревни относится к концу XIX – началу XX в. Основу ее составляют величественные северные дома-комплексы, объединившие под одной крышей жилую и хозяйственную части. На многих домах сохранены богато оформленные наличники, декоративные балконы («голдережки») и другие элементы традиционной пудожской архитектуры. Гармоничным украшением деревни является

---

<sup>26</sup> Например, астраханские кооператоры, которые приехали в Карелию перенимать опыт, сетовали нам, что они не додумались заниматься сельским туризмом, хотя ресурсный потенциал для этого у них тоже есть.

<sup>27</sup> См. научные работы Морозовой Т.В., Розановой Л.И., Диановой Е.В., Кораблева Н.А. и др.

видная отовсюду часовня Ильи Пророка XVIII в., построенная из сосновых бревен и обшитая тесом. В самом большом, украшенном мезонином доме (его в конце XIX в. построил дед Петра), который просто поразил нас своими размерами и продуманностью внутреннего многоуровневого пространства, теперь находится деревенский музей, созданный П. Поташевым. Все экспонаты там представлены в своем эволюционном развитии, Там много находок и изюминок, придуманных Петром, например, его родословная в виде орбиты с приложением, где указаны имена предков.

Родившись в этой деревне, Петр был девятым ребенком из десяти братьев и сестер и уже с восьми лет работал наравне со взрослыми. С удовольствием учился в деревенской школе, был очень спортивным и любознательным. Будучи школьником и видя, как хрущевские реформы по укрупнению деревень разрушали родную деревню, мечтал с ребятами создать там общину. В 1950-е гг. из возникшей естественно-исторически Пяльмы вывезли все строения социальной инфраструктуры – клуб, школу, больницу, магазины и проч. Перевезли все это в соседний поселок, возникший в 1930 г. искусственно, как лагерный пункт, где вместо традиционных карельских домов стояли бараки и жили когда-то узники – строители беломорского канала. Более того, очевидно в надежде, что деревня скоро умрет, бывший лагпункт еще и переименовали в поселок Пяльма (ранее поселок назывался Кодачи). Эта путаница до сих пор создает трудности приезжим. Местные же по-прежнему называют новый поселок Кодачи.

П. Поташев закончил в 1975 г. Петрозаводский институт, получил специальность инженера-механика и был распределен в Иркутскую область, где проработал на военном заводе с вредными производствами более 10 лет. В годы перестройки, после того, как в 1985 г. вышел закон СССР о кооперации, он решил вернуться в родную деревню, чтобы реализовать свою мечту – **создать сельскую общину и землячество рода Поташевых – выходцев только из своей деревни**. К тому времени там остались одни старики, неизбалованные вниманием власти. Петр начал заниматься фермерством (по его словам, «выращивал все, кроме пшеницы, но все забирали за бесценнок перекупщики»), а также взял на себя многие функции по обустройству местной жизни, которые раньше были у власти: стал помогать местным жителям заготавливать дрова на зиму, чистить печные трубы и т.п. Помогал селянам абсолютно бескорыстно. Более того, купив трактор, бензовоз и грузовик, он бесплатно пахал всем огороды, занимался благоустройством деревни – вывозил мусор, несколько раз чинил мост через реку, косил (и продолжает косить до сих пор) на территории деревни траву, чтобы сохранить прежний культурный ландшафт (сено в

деревне уже никому не нужно, т.к. никто не держит скотину). С годами его фермерские усилия ослабевали: если вначале выращивал более 60 тонн картофеля, то теперь – менее 20 тонн.

Переехав насовсем в деревню, Петр сразу восстановил старую традицию сажать и убирать сообща («помочи») картошку. Это мероприятие превратилось в два ежегодных праздника: весной, когда по очереди засаживали все вместе каждый участок, вспаханный Петром, а осенью – когда убирали урожай. На первом таком празднике люди плакали, вспоминая прежние времена.

В 1989 г. П. Поташев оказался на областной конференции и услышал призыв председателя Совета министров: «Кто вернется в деревню, получит землю». Прямо на конференции П.Поташев заявил министру о своем желании взять землю, и тот обещал. После чего, с огромными перипетиями и сложностями, которые чинились на районном и ведомственном уровне, ему все-таки было передано в пожизненное наследуемое владение 78 га рядом с чертой деревни Пяльма и 450 га лесного массива недалеко от деревни. Петр создал и зарегистрировал в 1990 г. ООО «Родник» – общество, в ведении которого эти земельные участки находятся.

Чтобы отобрать из частного владения эту землю, районное начальство занималось угрозами и посулами. На сессии районного совета принималось решение вернуть земли в собственность района, но арбитражный суд это решение отменил. А однажды районные чиновники даже пытались разыграть «спектакль» в виде схода граждан, для чего специально некие граждане были привезены из поселка в деревню Пяльма. Но жители деревни в обиду земляка не дали, и когда поняли, в чем дело, по-своему, по-деревенски выгнали непрошенных гостей. Заметим, что оформить Петру право собственности на эти земельные участки было очень трудно раньше, но не менее трудно и теперь, т.к. на одно межевание сейчас требуется 5 млн. руб.

С самого начала жизни в деревне и до сих пор П.Поташев наполнен самыми разными идеями местного развития. В 1990-х гг., услышав, что в Петрозаводске началась работа по разработке концепции развития Карелии, он поехал в Институт экономики КарРЦ РАН и сформулировал 20 предложений, среди которых было предложение по содействию развития сети гостевых домов в карельских деревнях. Лишь спустя более 10 лет подвижнической, волонтерской работы он выиграл грант по одному из проектов Евросоюза и съездил в Швецию и Ирландию, где посмотрел, что такое шведская коммуна, как работают фермерские хозяйства, как функционируют гостевые дома разной специализации. Познакомился также с азами кооперации и проектной культурой за рубежом, где буду-

шие грантополучатели сначала вынуждены годами доказывать себе и власти определенную степень дееспособности, прежде чем власть начнет поддерживать их конкретный проект финансовыми ресурсами. Фермер П.Поташев один из первых стал членом кооператива «Содействие+», а затем одним из организаторов Ассоциации владельцев сельских усадеб «Усадьба» (создана в рамках проекта ТАСИС), став в 2003 г. заместителем председателя этой Ассоциации.

В 2002 г. Петр собрал всех деревенских на сход (их было тогда 37 человек) и предложил создать территориальное общественное самоуправление, назвав его «Община». Цель объединения была сформулирована так: «чтобы не кивать друг на друга и взаимодействовать с властью, не рассчитывая на бюджетные деньги». Сразу избрали Совет ТОС и старосту общины, которым стал П. Поташев. Эти обязанности Петр исполняет бесценно уже 7 лет. Бюджет общины стал вестись просто по двум статьям – приход и расход, но очень строго и прозрачно. В качестве приоритетов своей деятельности учредители общины сразу определили: связь, свет, поддержание в приличном состоянии кладбища, территорий своих усадеб и деревенских улиц.

Проблемы со связью отпали с появлением у всех мобильных телефонов. Любопытно, что только в 2008 г., когда телефоны-автоматы уже были не нужны, их установили в деревне, потратив огромные деньги из федерального бюджета. Свет в деревне, как и раньше, подается с перебоями. Чтобы привести в порядок кладбище в первый год собирались все вместе 3 раза, а теперь – 1 раз в год (мы видели: кладбище и изгородь вокруг него в идеальном состоянии). Постепенно убрали весь мусор со своих усадеб и деревенских улиц, для чего Петру приходилось долгое время вести «воспитательную» работу, «когда ласковым словом, а когда и крепким».

В деревне теперь, в доме одного жителя, есть библиотека. Он ведет каталог книг, собирает и материалы для местного музея. Одной из рода Поташевых уже написаны современные стихи, описывающие жизнь в Пяльме в хронологическом порядке.

Важное значение для жизни деревни имеет мост через широкую Пяльму. Когда его состояние потребовало капитальной реконструкции, началась пятилетняя «народная стройка». Окончательно мост был построен зимой 2009 года. Он представляет собой очень массивную, прочную и надежную деревянную конструкцию, стоящую на трех широченных опорах из железа и бетона. Если бы его строила государственная структура, то на такой мост было бы истрачено миллиона три, говорят специалисты (один проект обошелся бы в 200-300 тыс. руб.), тогда как общине в финансовом выражении мост обошелся примерно в 100 тыс. руб.: «все ма-

териалы покупали по дешевке и почти все строили сами». Из них 40 тыс. собрали в виде добровольных взносов, 40 тыс. руб. получено из бюджета сельского поселения, в которое входит (как населенный пункт) деревня Пяльма, а 20 тыс. поступило – из районного бюджета. История с районными деньгами, которые выделялись, «терялись» и с трудом «находились» в течение почти двух лет, представляет собой отдельную детективную историю.

Так что бюджетными, да и иными инвестициями, деревня Пяльма не избалована. Для того чтобы восстановить колокол местного храма и заказать фотокопии с оригиналов икон, сейчас хранящихся в петрозаводском музее (не только сами оригиналы общине не по карману, но даже и написанные копии с них), была составлена заявка на проект «Возвращение к истокам». Финансировало этот проект Минкультуры Республики Карелия, выделив 99 тыс. руб.

Создавая землячество Поташевых, родившихся в Пяльме, Петр сумел отыскать таких по всему миру. Люди стали находиться, откликаться и съезжаться в деревню Пяльму каждое лето на Ильин день – в первую субботу августа (в 2008 г. в празднике участвовало 500 человек). Кроме этого, каждую зиму в первую субботу февраля Поташевское землячество собирается в Петрозаводске, в здании педуниверситета, ректором которого является тоже один из Поташевых. Интересно отметить, что все праздники проходят без спиртного, как в старину. Это принципиальная позиция Петра. Он даже мечтает о том, чтобы в их деревенские гостевые дома приезжали только туристы, ведущие здоровый образ жизни (сам Петр каждый день, зимой и летом купается в речке Пяльме, постоянно играет с ребятами в футбол и хоккей).

Суровый по своей простоте музей Петр организовал в доме, построенном его дедом Ефимом 130 лет назад. Как уже отмечалось, сам дом поражает своими размерами и необычной продуманностью внутреннего пространства. Все исторические экспонаты сельского быта расположены очень естественно и просто. Их сбор подчинен идее показать эволюцию предметов хозяйственной деятельности. Школьники подготовили музейный путеводитель. Находясь в этом доме-музее, нам было очень интересно наблюдать, с каким восхищением и гордостью в тысячный раз слушают рассказ дяди Петра пришедшие сюда местные ребяташки. «Все дети впитывают дух общины, они никогда не забудут Пяльму», – говорит Петр Поташев.

В музее собраны и с любовью описаны интересные истории и факты традиционного уклада сельской жизни по разным темам: старинные свадебные обряды, сватовство, трудовая доблесть, спортивная доблесть и др.



В основе этих материалов лежит идея показать, как раньше люди были слиты с природой, насколько рационально они умели хозяйствовать на земле, чувствуя свою ответственность за все окружающее пространство – воздуха, воды и леса. Например, раньше существовали разумные ограничения природопользования: поймал в реке молодняк – отпусти обратно в воду. Или как только первый рыбак замечал, что появился малек лосося, он об этом сообщал по «сарафанному радио», и все сразу прекращали любой лов рыбы. Такое разумное отношение было и к лесу.

Вот поэтому среди новых идей П. Поташева появилась мечта взять под контроль сельской общины лес и речку, восстановить шадящую культуру использования лесных ресурсов, сохранить нетронутыми отдельные уголки взятого им в пользование леса, где медведи и другие звери чувствовали бы себя в полной безопасности.

Ведя свою музейную работу, Петр показывает всем на примере архитектуры Пяльмы то, что сам открыл несколько лет назад, благодаря случайной встрече с туристами – студентами архитектурного института. Побывав в Пяльме, они обратили его внимание, насколько ряд домов-новоделов, отделанных сайдингом (Петр раньше гордился такими домами), портят ее удивительный облик. Ведь прежняя деревня состояла только из бревенчатых построек, и каждое сосновое бревно бани, дома или храма светилось! Это действительно так. А какая гармония в композиции деревни, когда возле дома нет ничего лишнего – ни забора, ни сарая, ни прочих мешающих глазу построек! Старинные карельские дома в них не нуждались. Ведь все вмещалось под одну крышу, и только баня строилась поодаль, у реки. С тех пор Петр стал обсуждать с членами общины этот вопрос и уже добился, чтобы жители спрашивали, что строить или перестраивать, как и где.

Сейчас членами сельской общины являются 70 человек, постоянно и временно проживающих. «Один человек приехал из Н.Новгорода. Стал, как свой. Ему дали пустующий дом, где он прожил 10 лет». Отношения с властью стали меняться к лучшему, так что в последнем летнем празднике землячества принял участие даже глава Пудожского района. Он только недавно оценил дела общины.

За последние 9 лет построено 9 новых домов, а за предыдущие 40 лет – ни одного. Кроме домов, строят (или реконструируют), как и раньше вдоль реки, бани. Многие семьи живут с ранней весны до поздней осени. Туристов и рыбаков сейчас принимает 3-4 домохозяйства. Стали приезжать ученые, архитекторы, исследователи фольклора и др. Даже иностранцы стали делать какие-то предложения по развитию. Интерес к общине растет очень быстро, и даже возникла опасность «перегрузки» тер-

ритории. По мнению Петра, «община может не переварить даже хорошие задумки, стоит задача не потерять изюминку, лучше все делать постепенно, не ломая традиционный уклад».

Действительно традиционный уклад Пяльмы – это самое ценное, что имеет деревня. Кроме личности Петра Поташева, который, обладая колоссальной энергией, энтузиазмом и преданностью начатому делу, занимается настоящим подвижничеством по сохранению своего родового места.

### **5. Заключение**

Многие социокультурные процессы в России, включая реально происходящие на исследованных пилотных территориях, стали возможны лишь в сегодняшних условиях реформирования и идущих с огромной скоростью трансформаций в жизни российского социума. Одной из самых важных примет этих изменений можно признать появление новых видов социокультурных ресурсов, которыми являются активные люди, живущие на территории или приезжающие на время. Не так давно люди были всего лишь «винтиками», исполнявшими спущенные сверху народнохозяйственные планы, деятельность каждого была встроена в жесткую иерархично построенную пирамиду. Культура была встроена в отраслевую систему управления, каждая отрасль при этом решала узкоспециализированные задачи, оставляя без внимания территориальное развитие в целом. В настоящее время, особенно в условиях муниципальной реформы, в российских регионах постепенно возникает осознание того факта, что российские города, деревни и села – это, прежде всего, люди и местные сообщества, а задачей органов публичной власти (федеральной, региональной и муниципальной) является создание наиболее разнообразной инфраструктуры для проявления самоорганизации жителей и их творческого потенциала.

Получается, что творческие (креативные) люди – самый важный социокультурный ресурс территории. По исследованиям социолога Р. Флориды, в России не менее 13 млн. представителей креативного класса, что ставит ее на 2 место в мире по абсолютному числу работников, занятых в творческих профессиях. Если же творческим (креативным) потенциалом обладают представители муниципальной власти (депутаты, главы районов и поселений, муниципальные служащие), предприниматели, лидеры общественных и некоммерческих организаций, социокультурный потенциал территории усиливается многократно. Огромное значение при этом имеет ориентация муниципальной и региональной власти на поиск инновационного пути развития территории.

У всех исследованных территорий есть достойное будущее, если адекватно ответить на вызовы времени и учесть идущие как позитивные, так и негативные процессы реформирования. Для этого необходимым представляется выход за рамки привычных управленческих технологий и умение найти способы капитализации имеющегося социокультурного потенциала, превратив его в ресурс развития. Необходимо суметь сохранить уникальность пространственной среды поселений, постоянно дополняя ее новыми возможностями, в том числе, через механизмы межмуниципального сотрудничества и кооперации.

Кроме того, в ходе поиска выхода из кризисных ситуаций нельзя не учитывать тенденции изменения общественного сознания. Так, для реализации творческого потенциала и самовыражения креативным людям становится необязательным жить в крупном городе и работать именно там. Многие творческие люди уже стремятся в тихие провинциальные города и деревни, поэтому главной заботой власти становится создание не новых рабочих мест, а соответствующей инфраструктуры для творческих личностей и для квалифицированных кадров, востребованных частными структурами.

Ну и, конечно, с точки зрения территориального развития очень важно переоценить роль и возможности культуры. Инновационная экономика через новые технологии в науке и промышленности в основном требует немалых финансовых вложений, причем, от государства. А для этого, как правило, муниципальной власти надо включаться в соответствующие региональные или даже федеральные программы, что не всегда реально. А вот инновационные подходы к местному развитию через культуру требуют, как правило, меньших средств и, самое главное, они реалистичны для большинства муниципалитетов.

В заключение данного исследования хочется привести такое обращение А.И. Солженицына ко всем нам — к россиянам: *«Учитите, власть не бывает творцом народной жизни. В народную жизнь входит все: семья, наши традиции, наш нравственный уровень, воспитание нашей молодежи, система образования, система нашего мышления... Власть этого не может творить. Я государственный. Считаю, что власть нужна. Но не ждите, что она за вас все сотворит!»*.

Таким образом, от самого человека в конечном итоге зависит качество его собственной жизни и качество окружающего его социокультурного пространства.

**К.А. ШИШОВ**

## **СТАРООБРЯДЦЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ**

В сложной конкуренции за существование, в соперничестве этносов русские, не располагавшие обширными благоприятными территориями, оказались зажатыми в зоне сурового резко континентального климата, в густых лесах Верховьев Волги, на скудных подзолах Верхнего Днепра и Приладожья, между степными кочевниками (скифы, печенеги, половцы) с Юга и охотниками-оленоводами (угры, меря, весь) с Севера.

Героическая эпоха становления Русского мира, как замечал А.Н. Афанасьев, нашла отражение в протоязыческой и языческой мифологических традициях, запечатленных в сказках и былинах об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Вольге-богатыре,

Русские герои-богатыри, как и башкирские, борются, только не со злыми духами гор и недр, а с многоглавым Змеем, Соловьем-разбойником и прочими «погаными», отстаивая свое право не просто на территорию, но на Землю-кормилицу — для пахоты, земледелия. Никита Кожемяка (мастер-кожевенник — не воин!), победив Змея, прокладывает плугом борозду от Киева до Черного моря. Пахарь («Оратай») Микула Селянинович побеждает в поединке с исполином Святогором. В сказках Иван — крестьянский сын, беззаветно преданный родной земле, — противостоит хитрости Чуда-юда, а Иван Бесталанный в борьбе за любовь постигает нравственную истину: «Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости. Добро и тварь помнит».

«По самому характеру быта — пастушеско-земледельческого — (русский) человек всецело отдавался Матери-Природе... С каким усиленным вниманием должен он был следить и всматриваться в движение небесных светил, их блеск и потухание, в цвет зари и облаков, прислушиваться и к ударам грома и дуновению ветров, замечать вскрытие рек, распускание и цветение деревьев, прилет и отлет птиц... Живое воображение на лету схватывало впечатления, посылаемые окружающим миром, стараясь уловить между ними взаимную связь...», — пишет А. Афанасьев. Ста-

---

**Шишов Кирилл Алексеевич** — кандидат технических наук, доцент, председатель Челябинского областного общественного фонда культуры (г. Челябинск).

---

ва древний русский этнос «Стихи о голубиной книге» в один ряд с древнегреческой «Илиадой» и скандинавской «Эддой», исследователь констатирует: «Русский эпос создавался на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу» (что вновь обращает нас к вероятной связи текстов «Авесты» с культурой Аркаима).

Во многом благодаря такому духовному наследию наши предки не только выживали в краях долгих суровых зим и короткого сырого лета, но и создали устойчивую культуру мирной оседлой цивилизации производящего типа — не собирательского или присваивающего (охота, отгонное скотоводство, рыболовство, набеги). Они научились бережно выращивать зерно и молодняк скота, заготавливать сено для его стойлового содержания в долгие зимы.

Облик Русского мира северного типа — от уникальной по приемам рубки избы до способов обогрева (печь с полатями, очагом, набором инвентаря и посуды), хранения продуктов (погреб, ледник, амбар, сеновал, овин, лабаз) — неотделим от леса. Неслучайно этимологически созвучны слова: «дерево», «дрова», «древность», «деревня»... На Руси более 95% населения жило в деревнях, селах, починках (селение из одного — пяти дворов в лесах или вблизи них).

Идеи добра и любви к ближнему, которые искони пестовались в русских селениях, нашли поддержку в христианстве: «Если я имею дар пророческий и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею Любви — то я ничто... И если раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а Любви не имею, нет мне в том никакой пользы... Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а Любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий...» (из послания апостола Павла коринфянам). В свою очередь, принятие Русью в X в. христианства (по модели ближневосточной Византии) могло совершиться только в условиях становления устойчивых межкультурных (глобальных) связей.

Оседлая русская цивилизация несколько столетий испытывалась на прочность соседствовавшим кочевым миром. Не просто густые леса и стены городов и монастырей сохранили Русь — исконная стойкость русичей перед лишениями и стихиями, помноженная на веру в Любовь, являющуюся сердцевиной православного христианства.

Добавим к этому душевно-теплый образ Божией Матери, пришедший в каждую избу, в каждый отдаленный в лесах храм или скит, — и мы поймем, какой громадный духовный путь проделал русский народ, сначала выстояв перед «басурманами», а потом постепенно втягивая соседей в свой обаятельный нравственно-целомудренный мир.

Просветительская миссия становится духовным служением для целой плеяды русских подвижников веры: Кирилл Белозерский, Соловецкие старцы Герман и Савватий, Сергей Радонежский, Стефан Пермский и сотни им подобных несли христианские заповеди народам северных, вятских, заволжских и зауральских земель, поощряя книжность и осмысление человеком своего места на земле. «Не в силе бог, а в правде...», согласно изречению князя Александра Невского, первого национального героя, канонизированного Русской Православной церковью.

За полтора столетия – с середины XVI до начала XVIII в. – русские первопроходцы пересекут всю Сибирь до Тихого океана, основав множество городков и острогов, не покоряя, а беря под защиту малые народы, живущие почти в каменном веке, привлекая к союзу кочевое население степных и лесостепных просторов. Так было с нагайбаками (кряшенами – крещеными татарами), «друзьями степей» калмыками (потомками западных монголов – ойратов, образовавших в монгольском войске левое крыло). Так произошло и с башкирами, к XVI в. перешедшими на постоянное расселение в горно-лесных районах Южного Урала, где в долине Агидели они даже засевали просом и ячменем небольшие площади, «урожай с которых исключительно шел в пищу» (Р.Г. Кузеев).

Башкирским племенам, оказавшимся с падением Золотой Орды в зависимости от Сибирского, Казанского, Астраханского ханств и Ногайской Орды, после успешных военных походов Ивана Грозного (1547–1552) и Ермака (1582) было предложено определиться: «Иван IV послал улусам, черным людям ясачным жалованные грамоты... чтобы шли к государю, а их государь пожалует, и чтобы ясаки платили, яко же и прежним Казанским царям» (из летописи XVI в.).

После взятия войсками Ивана Грозного Казани (1552) основная часть башкир добровольно приняла российской подданство, однако земли зауральских башкир были присоединены к России только в начале XVII в., после падения Сибирского ханства. Русское правительство в ответ на обязательство башкир вносить ясак (натуральная подать) медом и пушниной, нести военную службу гарантировало им сохранение вотчинного права, обещало не посягать на религию и не вмешиваться во внутреннюю жизнь. Объем ясака составлял около двух сотен куниц и два десятка бочек меда, как значилось в башкирских генеалогических летописях (шежере).

Загородившись Закамской засечной чертой от нападений разбойных ватаг башкир, не контролируемых племенными биями, Московское государство направило основные усилия на обеспечение безопасности южных, юго-западных и западных рубежей. Период конца XVI – начала

XVII в. был для Руси Смутным временем, завершившимся воцарением на престоле династии Романовых; весь XVII век — «бунташным».

На Южном Урале жизнь текла по традиционным обычаям: сохранялось местное самоуправление и вотчинное пользование землей под пастбища, кочевки, охоту, бортничество в лиственных (липовых) лесах и рыболовство на стремительных горных реках... Население платило Москве условленную ясачную дань.

Но скоро все должно было круто измениться.

После смерти Петра I Южный Урал стал стратегически важнейшим направлением в распространении Российской Империи. Авторы проекта освоения Южного Урала недооценили возможного сопротивления башкир, чьи отношения к русским были испытаны на прочность в течение полутора веков: башкирские отряды участвовали в Ливонской войне (1557–1582), действиях против Кучума (1594), изгнании с русской земли польских захватчиков, в Азовских походах (1694, 1695), Северной войне со Швецией (1701–1721); сопровождали русские дипломатические миссии на переговорах. Среди башкир были отмеченные за службу наградами и привилегиями (освобождение от налогов, пользование бесплатной солью, закрепление вотчинных прав).

Закрепление за Россией Южного Урала произошло после многочисленных кровавых стычек и бунтов только к концу XVIII в.

На Южный Урал ссылались «люди порочного состояния», стекались беглые, люди разных национальностей и вероисповеданий.

Татищев одним из первых оценил колоссальный потенциал самоконтроля, интеллекта и культуры (до сих пор не исследованной), существовавший в среде отверженных от православия «керженцев» — старообрядцев, последователей неистового Аввакума... Он отмечал: «Ежели оных выслатъ — то, конечно, заводов содержать некем, ибо там при многих мануфактурах... почитая всеми харчами и потребностями, торгуют олончане, туляки и керженцы — все раскольники».

Каслинский и Кыштымский заводы стали крупными центрами старообрядчества на Южном Урале. Чиновникам из Сената и Берг-коллегии пришлось усваивать извлеченные Татищевым уроки терпимости (как говорят сегодня, толерантности). Так же, как уроки Неплюева пришлось оценить после пугачевского восстания: было дано разрешение не только строить мечети, но и вести миссионерскую деятельность муллам.

Старообрядческий и мусульманский капиталы играли все более значительную роль в развитии края, ибо «в любом обществе преимущественно) в торговле (контроль с оборота) получает независимая, однородная группа, не разделяющая господствующей религии или идеологии»,

как утверждают авторы книги «Триста лет службы безопасности на Южном Урале».

Таким образом, сам ход вещей показывал, что единственным путем от дикости к культуре является формирование лояльности и терпимости власти к жизненному укладу и традициям всех без исключения социальных, этнических, конфессиональных групп населения.

Иначе зреющее в разных слоях недовольство внутренней политикой и системой социально-сословных отношений приведет к гражданской войне. Что и случилось в 70-е гг. XVIII в. Пугачевское восстание, охватившее Урал, Приуралье, Западную Сибирь, Среднее и Нижнее Поволжье, переросло в настоящую войну. И эта «Великая Крестьянская война» не только надолго прервала торговые пути в Азию (чем воспользовалась Англия), но и резко затормозила ход обновления основных фондов уральской индустрии, привела к оттоку капитала, отставанию технологической культуры, особенно на частных заводах. Породила комплекс новых проблем, вынудив правительство провести административно-территориальное переустройство и реорганизацию казачества, усилить карательные функции местных государственных органов, а также задуматься о реформировании системы общественных отношений. Кроме того, стереть с карт и из памяти людей связанные с восстанием топонимы (река Яик стала именоваться Урал).

Так Южный Урал становится как бы лабораторией социума России, а раздумья над путями развития страны – магистральным руслом отечественной литературы. Эта культура мощно пробивается в произведениях Владимира Ивановича Даля (1801–1872). Моряк и врач по профессии, писатель, лексикограф, фольклорист и этнограф по призванию, Даль провел восемь лет на Южном Урале, написав массу произведений о жизни русских, башкир и казахов. Здесь он произвел записи народного эпоса и фольклора, выучив татарский и башкирский языки. Главным же исполненным трудом Даля стал сбор материалов и составление «Толкового словаря живого великорусского языка», начатое именно на Южном Урале. Именно здесь, где, как уже было сказано, сошлись западные и восточные этнические потоки, где многоукладность жизни стала обыденностью, а яркость и меткость русского языка уцелела во всей красочности. Сам Даль впоследствии замечал: «Нельзя писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на Запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего... Если мы, в чаду обаяния, отсечем от себя язык народа – то нас постигнет засуха... мы испошлеем еще более в речи своей... Мы погубим последние нравственные силы свои в этой упорной борьбе с природой и вечно будем тянуться за чужим, ибо у нас не



будет ничего своего, даже своей самостоятельной речи, своего родного слова» («Напутное слово», 1862).

В конце XIX века традиционная культура находилась в шоковом, оглушенном состоянии — была не в силах принять новые ценности. В недрах ее не сформировался человек нового («массового») образца, способный сохранять устойчивость, будучи оторванным от своих корней, места рождения, выброшенным из семьи в алчный рыночный кругооборот.

С другой стороны, огромный слой россиян, выросших в лоне православия и понимания реальной нравственной природы Ненасилия, обладал драгоценным качеством — терпением. В.И. Даль внимательно проследил на Урале, а потом и в других российских краях эту особую народную психологию, отраженную в пословицах и поговорках («лучше самому терпеть, чем других обижать», «обтерпишься, и в аду ничего», «стерпится — слюбится», «обтерпимся — и мы люди будем», «час терпеть, а век жить», «Бог долго терпит, да больно бьет», «от того терплю, кого больше люблю» и др.). В народном сознании терпение — это ожидание лучшего, надежда и кротость, смирение (т.е. жизнь с миром — общинным и уважаемым). В этом слове отложился вековой опыт крепиться, мужаться, стоять не изнемогая и не унывая, не гнать и не спешить, приноравливаясь к обстоятельствам.

Иной слой народа видит в терпении совсем иной смысл: «терпи, казак, атаманом будешь», «ворам терпеть — самому пропадать», «терпя и камень треснет», «дотерпелись донельзя», «истерпелись мы», «бумага терпит, перо пишет».

На Урале, где с XVII в. скапливалось громадное число раскольников всяких толков (керженцы, беспоповцы, поморцы и др.), записаны Далем и наиболее категоричные толкования терпения, характерные для радикально настроенных против православия иноков и подвижников старообрядчества: «терпенье исподволь свое возьмет», «за терпенье Бог даст спасенье», «без терпенья нет спасенья», «В терпении проявляется сила и величие духа, терпение есть признак кротости, смирения, снисходительности», — пишет Даль, одновременно давая уничижительную характеристику нетерпению как поспешности, непостоянству, опрометчивости, запальчивости, требовательности. Он — один из глубочайших знатоков психологии русского человека — предвидел, как «нетерпячка» постепенно овладеет душами своих соплеменников, как станет доминантой и мифом следующих потрясений России.

Над вопросом границ народного терпения многие годы мучились русские писатели — Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. И всегда в их раздумьях присутствовал феномен отечественных апологетов ненасилия —

старообрядцев, судьбы которых связаны не только с пустынями и скитами в глухих лесах и горах (вспомним романы «На горах» и «В лесах» Мельникова-Печерского), но и с южноуральскими горными заводами – Саткинским, Златоустовским, Кыштымским, Каслинским.

Манифест Александра II снял с них клеймо «государственных преступников», с которыми безуспешно боролась полицейско-православная машина а эпоху Николая I, боролась... лишь укрепляя их твердость, тайные связи, скрытый капитал и умение трудиться ответственно и без усталости, по кротости своей проявляя снисходительность к глупости и подозрительности властей.

Старообрядцы тайно хранили свои старопечатные книги и древние иконы, собирались для почитания своих «святых-стратотерпцев» в глухих местах возле чистых горных родников – на могилках под «голубцами» – восьмиконечными крестами у мохнатых елей. И читали, читали молитвы...

В романе «Три конца» Мамин-Сибиряк повествует: «Аглаида перекрестилась и начала говорить «канун». Сначала у нее голос дрогнул, но потом окреп и разлился в утреннем воздухе, как серебро. Она читала ровно и покойно, и каждая нота звучала чарующей женской нежностью. Певучая страстность и рыдавшие переливы прежней головщицы (чтицы. – *К.Ш.*) сменились верующим спокойствием, точно разлилась широкая многоводная река... Особенно хороши были низкие ноты, когда Аглаида закрывала глаза. Кержанки-богомолки облепили могилу, как пчелы, и с изумлением смотрели прямо в рот новой головщице...

Матушка, ты наша, касаточка... Ангельский голосок!»

Хранители древнерусского искусства пения (исследование его своеобразия и способа записей развернулось только в наши дни благодаря профессору Н.П. Парфентьеву), почитатели и ревнители иконописи (значение которой начало осмысливаться в описываемую нами пору Ф.И. Буслаевым, И.Э. Грабарем), раскольники были и первоклассными мастерами всякого сложного прикладного искусства – от строительства и зодчества до механики и металлургии. Выше мы уже упоминали, что на Урале стратеги индустрии всячески избегали преследования инакомыслящих в XVIII в. К середине XIX в. часть старообрядцев (именитые купцы, промышленники, видные покровители искусства), видя суровость мер Николая I в отношении собратьев, пошла на некоторый компромисс с официальной церковью. По условиям этого своеобразного соглашения, названного единоверием, им разрешалось двоеперстное крещение, использование при отправлении служб «дониконианских» книг.

На Урале немногие приходили к единоверию: кержаки-старообрядцы предпочитали собственных тайных батюшек, живя в заводских по-

селках и кормясь от заводского труда. Большинство в третьем-пятом поколении трудилось на «огненной работе», причем, в немалых должностях — мастерами-уставщиками, доменными надзирателями, смотрителями шахт и плотин. Были и такие, которые, получив волю, занялись ремеслом на дому — сундучным, подносным, шорным, столярным, камнерезным, — вступив в конкуренцию на открытом товарном рынке.

Хотя многие заводы Урала выпускали чугунные хозяйственные изделия (печные дверки, котлы, жаровни, решетки, скамейки), именно в старообрядческих Каслях во второй половине XIX в. произошел взлет уникального по художественной ценности искусства чугунного литья. Здесь опять, как в Златоусте начала века, успех этот был синтезом высочайшего знания западноевропейского искусства и филигранного, виртуозного владения литейным делом местных уральских мастеров — потомственных заводских рабочих, обладавших достоинством, терпеливостью и кропотливостью на каждом этапе процесса.

Основателем этой школы стал Михаил Денисович Канаев (1831—1884), выходец из семьи уральского мастера по золотодобыче, окончивший Горную школу и Академию художеств в С.Петербурге, художник-модельер малых форм. После его смерти всего год проработал в Каслях молодой скульптор, талантливый художник Николай Романович Бах (1853—1885). Его серии «По Уралу» считаются одними из самых замечательных по передаче колорита и настроения уральских пейзажей. Он подготовил к массовому тиражированию десятки моделей классиков скульптуры, включая работы отца — знаменитого анималиста Романа Ивановича Баха.

Естественно, талант рабочих-старообрядцев ярко проявился в самобытных авторских произведениях, которые охотно принимались к производству руководством Кыштымского горного округа (благо недорогие отливки из чугуна были доступны даже крестьянским семьям). Мастера отливали изделия не только на религиозные сюжеты, но и на бытовые.

И все-таки продвинуть изделия уральцев на европейский рынок можно было только усилиями образованных и умелых специалистов — эрудированных как в технологии производства, так и в бережной вдумчивой поддержке энтузиазма рабочих-виртуозов. Таковые имелись на заводах Кыштымского горного округа. Среди них Павел Михайлович Карпинский (1843—1907), горный инженер, в 1887—1903 гг. управитель Кыштымского горного округа, руководивший модернизацией предприятий. При нем в 1896 году было получено право изображения государственного герба на продукции заводов Кыштымского горного округа. Карпинский организовал обучение скульпторов, формовщиков и литейщиков; открыл

в Кыштыме первую на Урале школу для обучения детей рабочих художественному литью, токарному и фрезерному делу (1899), двуклассное мужское училище, четырехклассную женскую прогимназию. С его именем связано создание знаменитого чугунного павильона (1900), получившего золотую медаль на Всемирной выставке в Париже.

Славу Кыштымскому округу составили и представители известной российской фамилии Дружининых. Основатель каслинской ветви Григорий Васильевич (1818–1889) – брат писателя и литературного критика А.В. Дружинина. Женившись на внучке заводчика Л.И. Расторгуева, он получил в 1853 году доверенность на «безотчетное заведование и управление» Кыштымскими горными заводами, до самой смерти оставался доверенным лицом заводоладельцев. Проживая в Петербурге, скупал работы знаменитых зарубежных скульпторов и права на тиражирование произведений лучших российских авторов. Содействовал в создании школы мастеров художественного литья на Каслинском заводе.

Сын его Василий Григорьевич (1859–1936) – выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1883), историк, археограф, член Императорской археографической комиссии (1896), секретарь Императорского русского археологического общества (1899). В 90-е годы также был доверенным лицом в управлении Кыштымскими горными заводами. Возглавлял правление горного округа. Собирал старообрядческие рукописи. Написал ряд работ по истории и культуре старообрядчества.

Знание Дружиниными русского старообрядчества и европейских художественных вкусов, мастерство рекламного продвижения заводской продукции в сочетании с «евразийским» колоритом и особенным шиком способствовали признанию каслинского литья на мировом рынке. Уральский шедевр, получивший высшую оценку на Парижской всемирной выставке (1900) – Каслинский чугунный павильон – был бы немислим без Василия Григорьевича.

Искусство чугунного литья развивалось и на Кусинском заводе, тесно связанном с металлургическими предприятиями Златоустовского горного округа. В «Путеводителе по Уралу» за 1899 г. сообщалось, что там «в чистоте литья и художественной отделке вещей достигнуты большие успехи, так что Кусинский завод успешно конкурирует своими чугунными изделиями с известными каслинскими». Успехами производство было обязано простым заводским мастерам – В.И. Дятлову, В.И. Завоеванному, Ф.С. Иконникову, Е.И. Лепешкину, И.С. Мандрыкину, П.А. Мешалкину, Н.М. Мурзину, В.А. Пастухову, В.Е. Сабурову, А.Ф. Турукину, П.Ф. Шалапову и другим. Их изделия, выполненные из качественного чугуна,

отличались филигранностью, были высоко оценены комиссией Горного департамента и Д.И. Менделеевым.

Мы попытались показать на отдельных примерах, какие таланты раскрывались в традиционной культуре Южного Урала при первом ветре перемен, — освобождении от крепостного права, — при терпеливом, истовом синтезе «европейского и азиатского» начал — русского, татарского, башкирского мастерства. В нашем крае слияние это происходило в ремеслах пограничных — между техникой и чистым искусством, когда сталь и чугун появились вместо кованого кричного железа и литой дорожной бронзы, новый вид металла стал материалом для художника, рисовальщика, скульптора...

В рифмованном страстном слове и скульптурном образе, в эсхатологической проповеди и в кабинетной фигурке — везде творцу требовались отточенность и терпение, прозрение и настойчивость личной страсти, равнение на мировые шедевры и память глубиной в тысячелетия... Этим и сильна традиционная культура с ее акцентом на нравственность, простоту и совершенство.

ISBN 5-901493-15-X

Научное издание

**МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗ-  
ВИТИЯ: Сборник научных статей** / Под ред. Ю.М. Резника и Н.И. Мироновой.  
М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. 192 с.

Компьютерная верстка *М. Николаева*

Издательство

АНО «Независимый институт гражданского общества»

ЛР № 02739 от 04.09.2000 г.

---

Сдано в набор: 07.12.09 г. Подписано в печать: 12.12.09. Формат 60/90 1/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. – 12. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии:

Заказ №

---

---

*ДЛЯ ЗАМЕТОК*

---

---

*ДЛЯ ЗАМЕТОК*

---